Плотников Николай Алексеевич (г. Нижний Новгород)

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОРТАЛА КАК МЕТОД ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Неотъемлемой частью современного мира, где широкое распространение получили информационные технологии, является всемирная паутина (Интернет).

В начале хочется остановиться на таком понятии как «портал», ибо часто несведущие путают понятия портала и сайта. Сайт — проект в Интернете, который объединяет в себе совокупность документов частного лица или организации, и чаще всего имеет одну направленность. Они могут быть по объему как крупными, так и маленькими, содержать большое количество разных разделов, иметь высокую посещаемость. Сайты могут быть посвящены одной какой-либо персоналии, одному жанру музыки, одному региону, одному учреждению и т.д. Портал же (от англ. portal «главный вход; ворота» [1]), в отличие от сайта, построен с использованием различных интерактивных служб (почта, форум, новости, знакомства, погода, голосования и т.д.) и, как явствует из названия, чаще всего является местом старта для пользователя.

В современных условиях, за счет снижения тиражей газет, сокращением часов в теле- и радиоэфире, и, наоборот, увеличением процентного соотношения русского языка, снижается использование чувашского языка в повседневной жизни и в массовой информации. Чувашский язык почти не используется в административных структурах. К примеру, полное использование национального языка в официальных сайтах республик России представлено только в Татарии, в других — либо полное отсутствие, либо он использован в очень малых объёмах [2]. Малое употребление языка как следствие, является причиной ослабления популярности языка среди молодежи, рождения стереотипа о непригодности языка для использования его в современном мире: в технике, в информационных технологиях, в Интернете и т.д.

Для исправления данной ситуации нами было решено создать национальный портал, который бы показал, что ареал распространения чувашского языка находится не только в пределах Канаша, как в известном народном изречении, и ограничен не только бытовой разговорной речью. Кроме того, информационной технологией и Интернетом в современном мире интересуется в большей степени молодое поколение, которое по причине своей обучаемости быстрее осваивает новые технические средства. Хотя в сознании поколония и сформировался стереотип о его необязательности родного (чувашского языка), опыт создания портала показал, что чувашский язык необходим и востребован среди народа, пользователей. Это показывает и количество посетителей, которое в среднем равно 400 человек в день.

В качестве формы был выбран тип портала, который более полно подходит для достижения поставленной задачи по популяризации чувашского языка и культуры. В портале [3] собраны такие сайты, как:

- **1. Новости (Хыпарсем)**. Здесь по большей части освещаются новости культуры и спорта. Есть эксклюзивная информация, но львиную долю на данный момент все же занимают новости с других сайтов и порталов. Новости выставляются как на русском, так и в переводе на чувашский язык.
- **2.** Форум (Канашлу) [4]. Он является важнейшей частью портала, где происходит обсуждение проблем и вопросов истории, языка, литературы и культуры на чувашском и русском языках. На форуме общение происходит в свободной форме, но все же существуют правила, которые требуется соблюдать участникам.
- **3. Музыка** [5]. Здесь для ознакомления представлены музыкальные композиции разных направлений: фольклор, современная эстрада, рок.
- **4. Блоги (Кун кёнекисем)**. Данный раздел предназначен для выставлени своих дневниковых записей.
- **5. Фотогалерея (Чăваш тёнчи)** [6]. Этот раздел призван ознакомить посетителей сайта с красивой природой, ландшафтом, достопримечательностями Чувашской республики и за ее пределами, где компактно проживают чуваши. В разделе можно виртуально побывать в различных музеях, посетить выставки и другие мероприятия.
- **6.** Знакомства (Паллашу кётесё). Эта часть портала призвана помочь молодым людям в поисках своих вторых половинок. Раздел интересен скорее всего для чувашей, живущих за пределами Чувашии.
- **7.** Словари (Самахсарсем) [7]. Этот раздел справочного характера, здесь представлены чувашско-русский, разные словари: этимологический, словарь неологизмов, словарь чувашских

адамым), «онун ғајғычэкэни» (гајғы чэкэн адамы). Как видно, эти слова не отвечают на вопрос причастия, не требуют после себя определяемого слова и т.д.

В туркменском языке формы на -ан / -ен относятся к причастию прошедшего времени. При образовании причастий прошедшего времени от глаголов происходит некоторое фонетическое изменение, то есть звуки а, е произносятся долго, а звук е в силу своего долгого произношения переходит в соответствующий долгий звук э, например: ока-ан — окан «читавший», ишле — ишлэн «работавший». Отрицательная форма на -маган, -меген не употребляется, а форма на -ман, -мэн (отрицательная форма от -ан / -ен) встречается в значении деепричастия.

В туркменском языке изменение причастий по падежам обусловлено выпадением определяемого слова. При этом они употребляются в роли имен существительных, и склонение их совпадает со склонением существительных. Например: *Узандан елдаш болмаз* (посл.) – «Проживающий не спутник» (причастие *узандан* – в исходном падеже).

Причастия туркменского языка чаще употребляются в роли имен существительных. Субстантивация причастий связана с выпадением определяемых ими слов. Она характерна для фольклорных произведений, особенно пословиц и поговорок. Например: Бал тутан бармагыны ялар (Посл.) – «Кто держит мед, тот облизывает пальцы». Оглы эклэн танар – аты саклан (Посл.) – «Сына узнает воспитавший, а коня – содержавший». Серчеден горкан дары экмез (Посл.) – «Кто боится воробья, тот не сеет проса». В приведенных выше пословицах выпало слово адам «человек», и в результате этого причастия выполняют роль подлежащего. Часть причастий прошедшего времени потеряла связь с причастиями и окончательно перешла в класс имен существительных, например: туркм. тикен, чув. чикен «колючка», турк. газан, чув. хуран «котел», доган «брат», сычан «мышь», турк. тозен, чув. тусан «пыль», чоган «солянка».

Причастие на $-(\check{u})$ ан / $-(\check{u})$ ан — наиболее употребительно в современном гагаузском языке. Основное значение этого причастия — процессуальный признак предмета, лица, явления в настоящем времени. Вместе с тем причастие $-(\check{u})$ ан / $-(\check{u})$ ан, по мнению Л. А. Покровской, может выражать и значение прошедшего времени, ср., например: кендигелин, букв. «сам пришедший» (кличка приблудной собачки). Исторически это вполне оправданно, так как аффикс -ан / -дн восходит к аффиксу -ган, -ган, -ган, -кан, -кан, образующему причастия прошедшего времени в ряде тюркских языков (в частности, в языках кыпчакской группы) [3]. Есть примеры, где причастие на -ан встречается в удвоенном виде:

Завалы салдатлер качан-качан ол-дулар:

Тоз-думан ичинда калдылар?

«Бедные солдаты побежали (букв. «бегущими-бегущими стали»), оказались (букв. «остались») в пыли и тумане».

Нередки случаи, когда причастие в форме основного залога имеет пассивное значение, т.е. значение страдательного залога. Это явление характерно и для других говоров гагаузского языка. Например:

Алыныз $m ildey \phi$ еклеры: топланыныз бирери: чок беклитан вакыт гелди — «Возьмите винтовки, соберитесь вместе: долгожданное время пришло» (букв. «долго ждущее время»).

Берекедин буук йортусуна

Истейäн мусафирлери чаарыжэйз. –

«На большой праздник урожая мы позовем желанных гостей» (букв. «желающих гостей»).

Вместе с тем встречаются причастия на *-(й)ан / -(й)ан* и в форме страдательного залога, например: *Ишлак бойнуйу кылыч кесмир* – «Склоненную шею сабля не рубит». Причастие на *-(й)ан / -(й)ан* может субстантивироваться и в таком случае принимает аффиксы множественного числа, принадлежности, падежей. Примеры: *Каланы 28 ушак хепси класса гечтилдр ислд ноталарлан* – «Остальные (букв. «оставшиеся» 28 детей все перешли в первый класс (из подготовительного) с хорошими оценками».

В азербайджанском языке причастия с этим аффиксом обозначают признак действия, совершаемого, главным образом, в настоящее время, например: ојнајан оглан «играющий мальчик»; келен гадын «приходящая женщина»; ахан су «текущая вода»; тикилэн ев «строящийся дом». Этот аффикс в азербайджанском языке выражает время в обобщенной форме. Причастие на -ан характеризует слово, к которому оно относится, в связи с прошедшим временем, например: Начыја олдурулэн адамларын интигамыны алмаг лазым кэлирди – «Гаджи приходилось мстить за убитых людей». Причастие на -ан может характеризовать слово, к которому оно относится, также в связи с настоящим временем, например: Дивардан бојланан ушағын кцрурсэнми. -«Видишь ли ребенка, выглядывающего из-за стены». Иногда в причастиях на -ан время настолько обобщается, что трудно бывает установить, какое время они выражают. Подобные причастия по своему содержанию приближаются к отглагольным прилагательным и больше всего встречаются в афористических выражениях, паремиях и т.п., например: Далдан атылан дали тонуга дэјэр - «Камень, брошенный вслед, угодит в пятку». Причастие, в зависимости от содержания глагола, от которого оно образовано, бывает переходным и непереходным. При этом формальные признаки причастия почти не играют никакой роли. Например: севэн (адам) – переходный «любящий (человек)», куллэн (ушаг) – непереходный «смеющийся (ребенок)» и т.д. Формы на -ан при субстантивации, т.е. при приобретении вторичного признака (субстантивация причастия является второстепенным признаком его), как и прилагательные, принимают аффикс падежа и множественного числа, наряду со значением качества и признака, выражают также предметно-личное содержание: Биринчи кэлэнэ мукафат верилди: Маһны охујанлар кетди. В этом предложении слово кэлэнэ выражает значение кэлэн адама «смеющемуся человеку», а слово охујанлар охујан адамлар, т.е. эти причастия субстантивируются, а потому могут принимать показатели падежа и множественного числа.

Принимая аффиксы падежа, множественного числа, сказуемости и отчасти принадлежности, а также иногда субстантивируясь без вспомогательных средств, причастие меняет свою основную функцию определения и может выступать в роли подлежащего, дополнения и сказуемого. Ограничимся здесь указанием лишь некоторых из них.

Причастия, образованные при помощи некоторых аффиксов, особенно при наличии аффикса *-ан*, выражают предметную отнесенность, связанную с субстантивацией, и без помощи вспомогательных средств (аффиксов падежа, множественного числа и др.). Например: *ахтаран тапар*, *экэн бичер*... – «ищущий найдет, сеющий пожнет».

Причастие на *-ан* обладает широкими возможностями прибавления к нему аффиксов падежа и множественного числа, употребляется во всех падежах и принимает аффикс множественного числа: И. *öрэнэн* «учащийся» Р. *öjрэнэнин*, Д. *öjрэнэнэ*, В. *öjрэнэни*, Мест. *öрэнэндэ*, Исх. *öjрэнэнэдэн*.

Хотя причастие на -(j)ан / -(j)эн, принимая аффикс местного падежа, формально напоминает деепричастие на -(j)анда / -(j)эндэ, по своему содержанию существенным образом отличается от последнего. Сравним два предложения: Космоса учанда моћкэм ирадэ вэ саглам бэдэн олмалыдыр — «В летящем в космос должна быть крепкая воля и здоровый организм» и Гагарин космоса учанда достлар севинди, душмэнлэр кэдэрлэнди — «Когда Гагарин полетел в космос, друзья обрадовались, враги опечалились».

- 1. В первом предложении форму -анда в слове «учанда» причастие в местном падеже можно разделить на две части и между ними вставить аффикс -лар (учанларда). Во втором же предложении в деепричастии форма -анда «учанда» является нерасчленимой.
- 2. В первом предложении слово «*учанда*» отвечает на вопрос «у кого», во втором же предложении «*учанда*» отвечает на вопрос «когда».
- 3. В первом предложении аффиксальный элемент -да может быть присоединен и к восстанавливаемому определяемому слову (космоса учан адамда), тогда как во втором предложении подобная процедура невозможна.
- 4. В первом предложении между словами «учанда» и «мöhкэм» пауза короче, чем во втором предложении между словами «учанда» и «достлар» и др. При субстантивации они принимают притяжательные аффиксы: Мэним ишлэјэним (ишлэјэн

дохристианских имен. В перспективе есть желание, в первую очередь, разместить русско-чувашскийс словарь, словарь синонимов чувашского языка, а также семнадцатитомный словарь Н.И. Ашмарина.

- **8. История** [8]. Раздел создан при поддержке Елены Енькка и призван ознакомить посетителей с богатой и разнообразной историей чувашского народа.
- **9. Народное творчество (Чăваш халăх пултарулăхě)** [9]. Здесь воедино собраны тексты чувашских сказок, песен и других жанров фольклора.

При построении портала нами были использованы разные принципы.

Многоязычность. Портал построен на четырех языках: чувашском, русском, английском и эсперанто. Каждый раздел призван охватить соответсвующую аудиторию: *русский* — для тех, кто интересуется историей и культурой чуваш, желает выучить или лучше освоить чувашский язык и т.п.; *чувашский* — для тех, кто хочет получать информацию на чувашском языке; *английский* и *эсперанто* — для тех, кто живя за пределами России хочет ознакомиться и узнать о чувашском народе и его культуре. В качестве основных языков общения приняты *чувашский* и *русский* языки, так как портал посещают люди разных национальностей. *Русский* используется в качестве языка межнационального общения.

Информативность. Чем больше информации находится на сайте, тем он больше интересен для посетителей, тем больше будет ссылок на сайт. По большей части на сайт старались расположить оригинальные материалы, которые было бы сложно найти на других сайтах. Здесь есть информация как для школьников и студентов, так и для старшего поколения.

Обновляемость. Это один из немаловажных параметров, влияющих на популярность сайта. Редко обновляемый сайт становится редкопосещаемым, неинтересным, поэтому сайт старается обновляться ежедневно. Это и новости, и ежечасное обновление тем на форуме, и записи в блогах.

Связуемость. Каждый раздел имеет прочную связь с остальными: читая на сайте новости посетитель краем глаза знакомится с темами на форуме, читая форум — знакомится с заголовками новостей. Портал также тесно связан с другими сайтами чувашской тематики. Эта связь прослеживается и с чувашским разделом Википедии [10] (свободная энциклопедия), и с газетой Татарстана «Сувар» [11].

Широта охвата. Портал освещает и информирует не только о Чувашии, но и о других регионах, где проживают чуваши. Здесь обсуждаются и раскрываются темы, связанные не только с чувашами, но и с другими народами (татары, эрзя, мокша, болгары и т.д.).

Участие в наполнении. Большинство разделов портала построено таким образом, что каждый может внести свою лепту в построение портала. Посетители могут присылать свои новости, править информацию на сайте, который построен на технологии Wiki, создавать темы на форуме, вести их, комментировать записи в блогах и т.д.

Естественно, важную роль в популяризации сайта сыграли сами участники — их теплое отношение ко всем вновь появившимся посетителям. В данное время география посетителей портала представлена такими странами как Российская Федерация, Украина, Эстония, Болгария, Турция, Канада, США, Германия, Швеция, Китай, Южная Корея.

Іитература

- [1]. http://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-портал (rus)
- [2]. http://ru.chuvash.org/blogs/comments/146.html (rus)
- [3]. http://www.chuvash.org/ (chv)
- [4]. http://forum.chuvash.org (chv. rus)
- [5]. http://music.chuvash.org (chv. rus)
- [6]. http://gallery.chuvash.org (chv, rus)
- [7]. http://samahsar.chuvash.org (chv)
- [8]. http://history.chuvash.org (rus)
- sor 1 // 1 // 1
- [9]. http://yumah.ru (chv)
- [10]. http://cv.wikipedia.org (chv)
- [11]. http://suvar.su (chv)

БУЛГАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ВУЙ, КЮБЯ

Культурное влияние булгар на финно-угорские и тюркские народы Среднего Поволжья общеизвестно, а булгарские заимствования в таких языках как чувашский, татарский, марийский уже долгое время являются предметом многочисленных исследований.

Для марийского языка вопрос о времени заимствований булгарского типа окончательно не решен. А. Рона-Таш упоминает две основные точки зрения [Róna-Tas: 1988, 769]: по мнению Рясянена чувашско-марийские языковые контакты начались не ранее 13 в., согласно Вихманну – уже с 9 в. Привлечение в нашем исследовании языкового материала, известного для дунайских булгар, дает, как кажется, дополнительные аргументы в пользу последней точки зрения.

В не так давно изданном словаре забытых и редких слов марийского языка, составленном О.А. Сергеевым на основании рукописных памятников XVIII-XIX веков, обнаруживаются, по крайней мере, два слова, имеющие, по нашему мнению, параллели в языке дунайских булгар 9-го века. Одно из них — вуйлук (вулак) — имеет в своей основе широко используемое в современном марийском вуй 'голова'; второе — кюбя — в речи современных марийцев уже не используется subseteq .

1. Вуй

Согласно словарю О.А.Сергеева, *вуйлук* (л.) / *вулак* (г.) – 'главный начальник, первая особа в известном звании (вуй)' [Сергеев: 2002, 174]. В основе данного слова лежит компонент *вуй*, имеющий в речи современных марийцев основное значение 'голова'. Ряд вторичных значений, как показывает сравнение, в большинстве своем совпадает с аналогичным рядом общетюркского *baš*; в частности, для обоих слов характерны следующие значения: 'глава, начальник', 'исток реки, ручья', 'вершина горы' [Гордеев: 1983, 287; Севортян: 1978, 85].

Марийские слова с компонентом *вуй* характеризуются словообразованием и семантикой, аналогичными тюркским: ср. мар. *лувуй* 'десятский, десятник', *сарьвуй* 'военачальник' [Гордеев: 1983, 287], *суанвуй* – 'крестный отец, распорядитель, глава свадебного поезда на традиционной марийской свадьбе (*суан*)' и тюрк. *сю-баши* 'главнокомандующий у тюрок-огузов', *мирахур-баши* 'держатель корма для государевых лошадей' [ППВ: 1970, 40] *он-баши* 'десятник', *мин-баши* 'тысячник' (чины в войске имама Шамиля) и т.п.

Очевидно, что точным аналогом марийского *вуйлук/вулак* в тюркском мире является *bašlyk*, *bašlyq* 'вожак', 'глава', 'предводитель'. В чувашском этим терминам соответствует *пуçла́х* 'главарь, вожак, дух родоначальника' [Федотов: 1996, 452].

Идентичные семантические ряды мар. вуй, общетюрк. баш, чув. ny c, а также их производных мар. вуйлук, общетюрк. башлык, чув. ny cлах позволяют предполагать их общее происхождение. Если для ny c и bau большинством исследователей такая связь признается (см. обзор в Федотов: 1996, 452; Севортян: 1978, 85), то для by d в словаре Ф.И. Гордеева рассматривается лишь финно-угорское происхождение.

Примеры развития тюркского консонантизма в чувашском и марийском позволяют сделать предположение о том, что праформой, заимствованной в эти языки, могло стать булгарское *буй. В связи с этим следует отметить употребление диалектной формы буй в луговых говорах д. Уржум-Ноля (Марий-Эл) [Гордеев: 1983, 287].

В средневековых памятниках и надписях, обнаруженных на территории современных Болгарии, Румынии и Венгрии, а также в византийских источниках встречается титул боила/буила (иногда расцениваемый как имя личное [Németh: 1971, 14]). Подавляющее большинство надписей выполнено греческим алфавитом. Из контекста употребления этого титула становится ясно, что его носили наиболее высокопоставленные булгарские чиновники. Чаще всего данный термин встречается в сочетании с определением ичиргу (ициргу?), реже — в составе таких композитов как юк боила [Бешевлиев: 2008, 306], боила чобон, а также в одиночном употреблении [Németh: 1971, 14].

Наиболее ранней надписью, упоминающей чин *ичиргу боила*, считается Хамбарлийская надпись времен хана Крума (начало 9 в.): «...о Τουκος ο ηζουργου βουληα...» [Гюзелев, 2007, 125]. В других надписях следует отметить различные варианты передачи греческим данного титула [Гюзелев, 2007, 166]:

¹ Устная консультация, данная А.Н.Куклиным, д.ф.н., директором Инстиута финно-угроведения Марийского государственного университета.

76

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ -АН /-ЕН В ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркологии давно существует точка зрения о том, что аффикс *-ан* является результатом упрощения аффикса *-ган*, *-кан*, в котором исчезпо начальное Γ / κ . «Однако первый недостаток этой теории, — пишет Н.З.Гаджиева, — состоит в том, что исчезновение Γ / κ не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков. При наличии причастного аффикса *-ан* в языках огузской группы существуют одновременно образования с аффиксами *-ган* / *-кан* или *-гын* / *-кин*, тур. *kurgan* «крепость» от *kur* «строить», азерб. *гудуреан* «бешеный», от *гудур* «взбеситься». В огузских языках не было фонетического закона исчезновения κ или Γ после согласных, в силу которого первоначальные причастные формы типа *алган* «взявший», *келген* «пришедший» могли бы трансформироваться в *алан* и *келен*. Вероятнее всего, — заключает она, — причастие на *-ан* в огузских языках прямо продолжает отглагольное имя на *-ан*, существовавшее еще в общетюркскую эпоху [1].

Причастие на *-an* во всех огузских языках может находиться в настоящем и прошедшем временах. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках преобладает план настоящего времени. Ср. азерб. *геден* «уходящий», *алан* «берущий», гаг. *учан* «летящий», тур. *alan* «берущий». В туркменском языке произошло фонетикограмматическое перераспределение: *-ан* — активная форма причастия прошедшего времени, при основах, оканчивающихся на гласные звуки, начальный *-а* аффикса *-ан* удлиняется, начальный *-е* аффикса *-ен*, получив удлинение, переходит в *а*. Ср.: *алан адам* «взявший человек», *гелен адам* «пришедший человек», *ога,н оглан* «читавший мальчик», *ишли,н оглан* «работавший мальчик» [2].

Представляет интерес тот факт, что причастие на *-ан*, соотнесенное с планом прошедшего времени, легло в основу прошедшего неочевидного в туркменском языке: *гелен адам* «пришедший человек» и *Сен белки гцренсин* «Ты, может быть, видела».

В азербайджанских говорах Дербентского района форма на *-ан* образует парадигму настоящего-будущего времени: *гидиним* и т.д. «я прихожу, приду» и т.д.

В турецком языке глагольное имя на -(у)ап / -(у)еп так же, как аффикс -тиз: является высокопродуктивной формой причастий. Образует от всех глагольных основ производные формы со значением причастий настоящего и прошедшего времени, например: тур. yazan, чув. букв. сыран «писавший, пишущий», тур. gelen, чув. килен букв. «приходящий, приходивший», тур. giden, чув. кайан букв. «уходящий, ушедший», savaşan «борющийся, боровшийся», тур. seven, чув. саван букв. «любящий, любивший», okuyan «читающий, читавший», тур. alan, чув. илен букв. «берущий, взявший», уарап «делающий, сделавший» и т.д. Формы на -(y)an / -(y)en, связанные с глаголом, сохраняют присущее им глагольное управление и могут иметь при себе различные обстоятельственные слова; таким образом, эти формы образуют второй (подчиненный) центр придаточного предложения; эти формы образуют центр «причастного» оборота, называемого развернутым определением. Причастия -(у)ап / -(у)еп образуются от всех залогов, аспектов и видов: yazan kız «пишущая девочка» (девочка: которая (на) писала); yazılan mektup «написанное письмо»; kaçışan çocuklar «разбежавшиеся дети» и т.д. *vazmavan* > *vazmiyan* «не пишущий», *vazmamis* «не писавший». Ряд форм на -(v)ап,-(у)-еп во многих случаях субстантивируется и наряду со своим основным значением причастий приобретает второе производное значение существительных, например: уагап «писатель», satan «продавец», bakan «министр», duzen «порядок», alan «область, отрасль, аэродром», duven «молотилка», kiran «эпидемия», yataran «творец, создатель», тур. diken чув. чикен «терновник, kapan «ловушка, капкан», bozkıran «ледокол». К субстантивированным существительным следует отнести существительные тур. yılan, чув. сёлен «змея» (у1 «ползти») и тур. soğan, чув. сухан «лук» (sok- втыкать).

Кроме того, причастия на -(y)an / -(y)en, получая падежное оформление, принимая аффиксы принадлежности и аффиксы числа, легко субстантивируются, например: oturanlar «проживающие», istirak edenler «участники». Gelen gidem aratıyor (поговорка) «пришедший заставляет искать ушедшего».

Федотов М.Р. О генетической соотносимости пермского э*н* и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения // Советское финно-угроведение. −Таллин. − 1966. − №4. − С. 263-266.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. Ч. II. – 213 с.

ЧРС – Чувашско-русский словарь/ сост. И.А. Андреев, Н.А. Андреев, А.И. Иванов, и др. – М.:, 1961. – 630 с. Bereczki G. Türkische Züge in der Struktur des Syrjänischen und ihr Ursprung // Rédei-Festschrift. – Wein-Budapest, 1992. – S.71–76; или // Bereczki Gábor 70. születésnapja tiszteletére. – Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 1992. – S. 277-281.

Wichmann Y. Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. – 171 S.

Сокращения

венг. – венгерский; кз. – коми-зырянский; кп. – коми-пермяцкий; кя. – коми-язывинский; лл. – лузсколетский диалект; манс. – мансийский; мар. – марийский; морд. – мордовский; нем. – немецкий; рус. – русский; саам. – саамский; удм. – удмуртский; фин. – финский; уд. – удорский диалект; хант. – хантыйский; чув. – чувашский.

176

булгарские надписи:	византийские источники:	латинские источники:
ητζηργου βοηλασ	ητζβόκλια	Zergobula
ητζιργου βοιλαν	δ'ίτζιργου βουλίαζ	zerco boilas
ητζηργου βωυλε	σουρσουβούλης	Cerbule

Такое количество вариантов написания одного и того же титула, очевидно, объясняется трудностью передачи нехарактерных для греческого звуков. Реконструкция транскрипции β о $i\lambda$ а затруднена тем обстоятельством, что единая точка зрения о фонетике византийского греческого в настоящее время отсутствует. Передача конечного гласного то как α , то как ε заставляет предположить наличие в ауслауте гласной типа \ddot{a} . Представление о возможном чтении других гласных можно получить по правилу, предложенному Иоганном Рейхлином для средневекового греческого, в частности: i, η , v, oi, εi , vi читаются как [i] [Славятинская, 2003, 31].

В этой связи для таких случаев как β о $i\lambda\alpha$ можно было бы предположить вариант чтения 'быля/быйля', что находит поддержку в славянской надписи, обнаруженной на могиле средневекового болгарского государственного деятеля Мостича: "Съде лежитъ Мостичь чрьгобыля бывыи при Симеоне цри и при Петре цри (ос(м)гиж же десмть леть сы оставивъ чрьгобыльство и вьсе имениие бысть чрьноризьць и въ томъ съвръши жизнь своиж". Большинством исследователей признается, что в термине 'чрьгобыля' отражено словосочетание типа $\eta \tau \zeta$ $i \rho \gamma$ $o v \beta$ $o i \lambda \alpha$.

Мы считаем, что дунайское β о $i\lambda$ а наряду с марийским bуйлук (bулак) и чувашским bусiх отражают один и тот же средневековый булгарский термин, родственный общетюркскому bаiдiд. Тот факт, что в марийском варианте зафиксировано наличие конечного заднеязычного смычного, может говорить о достаточно раннем заимствовании. Как отмечает О.А. Мудрак, в древнечувашском, отождествляемым им с булгарским, конечные велярные и увулярные смычные в многосложных именных основах переходили в -h в период до IX в., а много позже (не ранее XV в.) — отпадали [Мудрак: 2002, 693].

Возможно, в Дунайской Булгарии данный процесс протекал быстрее, чем в Волжской (либо шел несколько иным путем), так как булгарские заимствования в венгерском не содержат -h, а отражают его как удлинение конечного гласного. В этом случае гипотетическое раннебулгарское *bujlaq (*bujlaq) 'начальник' уже в IX в. могло фиксироваться писцами как $\betaoi\lambda\alpha$.

2. Кюбя

В словаре О.А.Сергеева *кюбя* имеет значение 'латы' [Сергеев: 2002, 177]. Данное слово также находит параллели в средневековых надписях, обнаруженных на территории Болгарии, и, по нашему мнению, является заимствованием из булгарского.

К первой половине IX в. относится надпись греческим алфавитом, найденная в Преславе и впервые опубликованная И. Венедиковым [Венедиков: 1946, 146]: $Z\eta\tau\kappa\omega\eta$ $\eta\tau\zeta\eta\rho\gamma\omega$ $\beta\omega\nu\lambda\varepsilon$ $\chi\omega\nu\mu\sigma\chi\eta$ $\kappa\nu\pi\varepsilon$: $\nu\nu\varepsilon$: $\tau\omega\nu\lambda\sigma\chi\eta$: $\varphi\mu$: $\varepsilon\sigma\tau\rho\omega\gamma\eta\nu$ $\kappa\nu\pi\varepsilon$: $\nu\kappa\zeta$: $\tau\omega\nu\lambda\sigma\chi\eta$: $\omega\nu\delta$: $T\omega\nu\rho\tau\omega\nu\nu\alpha$ $\pi\eta\lambda\varepsilon$ $\zeta\omega\pi\alpha\nu$ $\varepsilon\sigma\tau\rho\nu\gamma\eta\nu$ $\kappa\nu\pi\varepsilon$: κ : $\tau\omega\nu\lambda\sigma\chi\eta$: μ : $\alpha\lambda\chi\alpha\sigma\eta$ $\kappa\nu\pi\varepsilon$: α : $\chi\lambda\omega\nu\beta\rho\eta\nu$: α :.

В другой, плохо сохранившейся надписи, найденной там же, термин $\kappa \upsilon \pi \varepsilon$ фигурирует в несколько иной передаче: $\kappa \upsilon \upsilon \pi \varepsilon \sigma \iota$ [Бешевлиев: 2008, 241].

В настоящее время нет устоявшегося мнения ни о переводе надписи в целом, ни о значении термина кота: В недавней работе О.А. Мудрак переводит кота: как 'вид, форма' и находит соответствия в чув. малокарач. (сев.-зап.) диал. kep с притяжательным аффиксом 3 л. -ә [Мудрак: 2005, 86]. Данное чтение представляется спорным. Уже первые исследователи преславской надписи высказали предположение, что данный термин может обозначать различные виды доспехов [Deny: 1947, 237].

Действительно, у Махмуда Кашгарского *kübä* встречается в сочетании с термином *jarïq* 'панцирь, кольчуга' [ДТС: 1969, 241]: *kübä jarïq* 'металлические латы, кольчуга' [ДТС: 1969, 322]. Словарь дает еще один подобный составной термин: *saj jarïq* 'панцирь' [ДТС: 1969, 481]. Определяемым в этих случаях выступает *jarïq*, а для определений *kübä* и *saj* словарь не дает подходящих самостоятельных значений.

М.Р. Федотов считает чувашское $\kappa \check{e}ne$ 'рубаха, женская рубаха, белье, сорочка' родственным $k\ddot{u}b\ddot{a}$, а также словам: тур. $\kappa \ddot{a}n\ddot{a}h\ddot{a}\kappa$ 'дождевой плащ, зимнее платье янычар', к.-кирг. $\kappa eб\ddot{a}h\ddot{a}\kappa$ 'кафтан из кошмы' [Федотов: 1996, 275]. Последние примеры демонстрируют характерную для тюркских языков альтернацию интервокального p/b.

Мы считаем, что марийский язык в большей мере, чем чувашский, сохранил исходную булгарскую форму: $*k\ddot{u}b\ddot{a}$ 'доспех'. В греческой записи данного термина для передачи интервокального звонкого смычного использована π , что может объясняться тем, что β , согласно рейхлиновому чтению, в этой позиции обычно отражала щелевой [v] [Славятинская: 2003, 31].

Возможно также, что нейтрализация пар 'глухой-звонкий' произошла в Дунайской Булгарии ранее, чем в Волжской, в которой этот процесс, по мнению О.А. Мудрака, длился в период с X по XIV вв. [Мудрак: 2002, 703], и в IX в. π отражала использование на этой территории уже глухого согласного.

Гипотеза об общих булгарских корнях марийских *вуйлук* (*вулак*) и *кюбя* с одной стороны и дунайско-булгарских $\beta o i \lambda \alpha$ и $\kappa v \pi \varepsilon$ с другой позволила логически обосновать два вывода: 1) контакты марийского и булгарского языков могли иметь место уже в IX в.; 2) процессы, характерные для чувашского, а именно: переход конечных -k и -q в -h и их последующее оппадение, а также нейтрализация различия по звонкости-плухости — могли происходить в Дунайской Булгарии бысгрее, чем в Волжской.

Литература

Бешевлиев В. Първобългарите. История, бит и култура. – Пловдив, 2008.

Венедиков Ив. Новооткрытият в Преслав първобългарски надпис. – ИАИ, 15, 1946.

Гюзелев В. Кавханите и ичиргу боилите на Българското ханство-царство (VII-XI в.). – Пловдив, 2007.

Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Том 2. В-Д / Под ред. проф. И.С. Галкина. – Иошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1983.

ДТС: Древнетюркский словарь. – М.-Л., 1969.

Мудрак О.А. Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Orientalia et Classica VI, Аспекты компаративистики 1. М., 2005.

Мудрак О.А. Булгарская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002.

ППВ: Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях // Письменные памятники Востока. 1968. – М. Наука. 1970.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978.

Сергеев О.А. Истоки марийской письменности. – Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 2002. Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. – М.: «Филоматис», 2003.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т.1. – Чебоксары, 1996.

Федотов М. г. Этимологический словарь чувашского языка. 1.1. – чеооксары, 1990.

Deny J. Une inscription en langue proto-bulgare découverte à Preslav // Revue des Etudes Byzantines, 1947, 5. Németh J. Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica Academicae

Scientarium Hungaricae 21, 1971.

Róna-Tas A. Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. – Brill, 1988.

пермских языках основа *сям* выступает в двух функциях: 1) в качестве самостоятельного существительного с разными значениями и 2) в качестве послелога: коми *сяма*, *сямон* «подобно, как», удм. *сямен* «по»: *мон сямен* «по-моему».

Бросается в глаза, что чувашская лексема сём имеет аналогичные значения и словоупотребление [ЧРС:325], ср.: чув. сём 1) «сознание, чутье»: сёмлёх «смекалка, сообразительность, догадливость», сёмлен «сознавать, чувствовать, смекать, понимать, соображать», сёмсёр «бестолковый, несообразительный, глупый»; кз. сямлун «умение, сноровка, ум», сяммыны «сообразить, суметь, смочь», сяма «толковый, рассудительный, умелый», сямтём «беспутный, бестолковый» и т.д.; 2) «признак, повадка»: чахамласси сёмё те сук «нет и признака упрямства»; удм. «обычай, привычка»: аслыд сям кутыны «выработать в себе привычку»; 3) «подобие, сходство»: ываён аший сёмё нумай «сын во многом похож на отца»; кз. батьыс сяма «похож на отца», морт сяма «человекоподобный, похожий на человека»; 4) «с оттеноком»: хёрлё сёмлё «с красным оттенком»; кз. гёрд сяма «красноватый, с красным оттенком».

В свете изложенного «чувашская гипотеза» происхождения слова *сям* в пермских языках (во всяком случае, в некоторых его значениях), выдвинутая Ю. Вихманом [Wichmann: 1903, 151], не кажется такой уж бесперспективной, хотя окончательное решение вопроса требует дополнительной аргументации.

В данном исследовании нас интересует чувашское слово *сём* в значении «подобие, сходство», соответствия которому имеются во многих тюркских языках, в том числе и в послеложном использовании [Егоров: 1964, 188]. Значение «подобный» последовательно прослеживается и в коми языке в конструкциях вроде: *рок сяма шыд* «суп густой, как каша, кашеобразный», *вок сяма йитодъяс* «братские отношения, как между братьями», *мый сяма морт сійо*? «что за человек он? букв. на что похожий » и т.д.

Удмуртский послелог *сямен* «по»: *мон сямен* «по-моему» несколько отличается по значению и сближается с чувашским послелогом *семён* (*сем*) «по, по мере того..., сообразно с...», что дает основание говорить об их этимологическом родстве (ср. тж. мар. *семын* «по, подобно, сообразно») [Федотов: 1968, 131; Левитская: 1976: 119 и др.].

Можно предположить, что в пермском праязыке имелось некое слово, сопоставимое с чувашским сём со значением «подобие, сходство, оттенок», которое приняло участие в формировании пермских местоимений по типовой модели: «такой»<*«подобный этому», «подобный тому»; «какой»<* «подобный чему». Семантически версия оправдана: более поздние формы образованы по аналогичной схеме, напр., коми *тасяма* «такого рода, подобный», *мыйсяма* «какой», букв. «на что похожий?», *такой* «такой, вроде этого, подобный такому», *кутийомсяма* «какой, на какой похожий» и т.д. Ближайшими аналогами может служить также удм. *такой*», образованное с участием тюркского заимствования *кет* «точь-в-точь, такой».

Поскольку эти местоименные слова относятся к общепермскому, т.е. к достаточно древнему лексическому пласту, фонетические изменения также объяснимы. Во-первых, в формировании пермских местоимений могла принять участие основа cem, а не cem, поскольку в чувашских прадиалектах имело место чередование $c \sim cem$ [Федотов 1968:27-28]. Далее, известно, что в пермских языках деривация демонстративов и интеррогативов в большинстве случаев происходила не от чистых основ tV-, tV-, tV-, а от основ, осложненных суффиксом tV-, напр.: коми: tV-, tV

Литература

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – 355 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999. – 430 с.

Левитская Л.С. Историческая грамматика чувашского языка. – М.: Наука, 1976. – 206 с.

Лыткин В.И. Коми кывлон исторической морфология. – Пермь- Сыктывкар, 1995. – 102 с.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 308 с.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979. – 263 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Наука, 1963. – 390 с.

ОБ ОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРМСКО-ЧУВАШСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Известно, что исторические связи пермских народов с чувашским были достаточно длительными, что нашло отражение как в лексическом составе контактирующих языков, так и в грамматике [Wichmann: 1903; Федотов: 1968; Вегесzki: 1992 и др.]. Как пишет М. Р. Федотов, «предки современных удмуртов и коми еще в период их общепермской языковой общности, в течение примерно двух столетий, вплоть до VIII века находились под сильным влиянием тюркоязычных булгарских племен, одно из которых с языком чувашского строя оказало на пермяков огромное по тем временам влияние, что доказывается наличием в коми языке нескольких десятков слов чувашского происхождения, не говоря уже о сотнях чувашских заимствований в удмуртском языке, носители которого оставались дольше в сфере влияния булгар» [Федотов: 1966, 263].

Одним из свидетельств такого контактирования, по нашему мнению, являются пермские местоименные прилагательные: кз. кутшом / кп. $кытшом \sim удм. κы "че"$ «какой»; кз. (э)mamuom / кп. этатиом $\sim удм. ma"$ «такой (как этот)»; кз. cmuom / кп. emuom / кп. emuom / кп. emuom / кп. emuom / кв. emu

Обе эти версии находят типологическую поддержку в других финно-угорских языках, где аналогичные слова образованы от простых дейктических корней с помощью местоименных или словообразовательных суффиксов (напр., морд. *тафтама* «такой», фин. *tällainen* «такой») либо сложением основ. Однако последний способ имеет более широкое распространение. Как правило, местоименные прилагательные со значением «какой», «такой» содержат в своей структуре дополнительные компоненты, конкретизирующие простое указание имплицитным сравнением: «какой (предмет)» — «такой, как тот, этот, вон тот», «такой, как тогда», «такой по цвету, форме, величине» и т.д. Соответственно, в составе отместоименных прилагательных закономерно обнаруживаются различные неместоименные корни с такими значениями напр., венг. *ekkora*, *akkora* «такой» (*-kora* < *kor* «время», «возраст»: такой < *«такой, как сейчас», *«такой, как тогда»); *effèle*, *affèle* (*-fèle*< *fèl* «сторона»: такой< *«такой, как здесь», *«такой, как там»); венг. *ekkora* «вот такой (величины)» — *akkora* «такой (величины)»; фин. *sellainen* «такой» < *sen lajinen* «такого сорта»; морд. *истяшка* «такого размера»; мар. *тугай* (*-гай* < *гай* «подобно»: такой< *«такой, подобный этому») и др. Эта закономерность обнаруживается и в других языках, ср., напр., нем. *dergleichen* «такой» < *der* «этот», *gleich* «подобный» и т.д. [Майтинская: 1969, 115-116].

По нашему мнению, в пермских местоимениях сегмент коми -mи \ddot{o} м \sim удм. -ue является таким же модифицирующим элементом, восходящим к самостоятельной лексеме, которой могло быть слово cям со значением «похожий, подобный».

Лексема *сям*, несомненно, была представлена в общепермском праязыке, хотя ее этимология до сих пор не получила однозначной интерпретации. Е.С. Гуляев возводит кз. *s'am* «характер, нрав, поведение»; кя. *s'am* «сила» | удм. *s'am* «характер, привычка» к общепермской форме **s'am* «характер» и далее отмечает: «К.Б. Виклунд сопоставляет пермские слова с мар. *шам* «сознание, чувство, самообладание» | фин. *tamu* «порядок» | саам. К. *sāmma* «сила». Коми > манс. *s'ām: s'āmtal* «бессильный», хант. J. *šom* «сила», N. *s'om s'um som* «тж.». Рус.(сев.) *сямать* «понимать, разуметь» < кз. Ю. Вихман с коми и удмуртским словом сравнивает чув. *s'eme* «средство, метод», однако это сопоставление недостаточно убедительно» [КЭСК: 275-276].

Разработке надежной этимологии, на наш взгляд, препятствует разброс значений, репрезентируемых данной лексемой. Предварительно они могут быть сгруппированы следующим образом: 1) в саам. манс. хант. и кя. доминирует значение «сила»; 2) кз.кп. и мар. — «сознание, толк, смекалка»; 3) в кз.кп.удм. — значения «характер, нрав» и «подобный, похожий, такой как...». В

ШЕТМЁПУС ТАРАХЁНЧИ ТУЙ ЙАЛИ-ЙЁРКИ УЙРАМЛАХЁСЕМ

Таван халах йали-йеркин кашни самахе чер ылтан. Чере варринчен шаранса тухнаран, чунпа ашатса каланаран çапла вал. Таван халахамаран сава-юра йеркисенче пытаранна шухаше таран та санарла. Çак ахах-мерчене аша хывса, асра тытса çитес арусем валли упраса хаварасси - пысак та пархатарла ес.

Вăрлăхё епле - çимёсё çапла тессё. Кулленхи пурнасра ачасем аслисене санассе, вёсенчен вёренсе пырассё. Ситёнекен çамрак араван ас-тан çирёплёхёпе сывалахё, камал-сипет тасалахёпе чун пуянлахё епле пуласси эпир, аслисем, ыра варлаха пёлсе тата вахатра варантарма пёлнинчен нумай килет.

Пысак юхан шыв пёчёксес сал кусран пусланать. Малтанласа ача хаваслансах хайсен йах историне тёпчет, ашшё-амашё, таванёсем пулашнипе несёл йывасне тарашса укерет. Шырав ачан пёлес килнине аталантарать, таванлах умёнчи яваплаха туйма вёрентет.

Эпир кашни - иртнипе пулассийён касми. Таван халахан пуян йали-йёркине малалла тытса, аталантарса пыракансем ачасем пулмалла. Ёмёртен ёмёре, ламран лама самах халлён кусса пына халах самахлахепе, йали-йёркийёпе паллашни, ана тытса пыма хутшанни, йала-йёрке самахлахне пухни-тёпчени ачан шухашлавёпе тёнче курамне анлалатать, чавашлаха апа хывать.

Чунтан калани чуна кусать. Авалхи самахлах яка, илертулле, санарла, ыра шухашла. Йеркерен пуранма ас пани паларать. Сутсанталакпа сурасулла, йышра тату пуранма верентет вал. Сынна хисеплеме, харпар хайне чипер тыткалама хистет. Ваттисем емерсем хушши санаса пынине, верентсе каланине аша хывса пурнасласа пурансан сын инкеке лекмест, телейле пулать.

Туй йали-йёрки те, самахлахё те - авалтан килекен иксёлми пуянлах. Пиншер сул иртнё, вал сухалман, пуянланса, якалса пына, паян кунчченех упранса юлна. Чаваш туйё - халах уявё. Туйан сирёпленсе ларна йёрки, йали пур. Йёркерен тухма, йалана пасма юраманлахё пур.

Хёр сурасни

- Хёрпе качча сичё ют пулмалла. Сичё сыпакченхи таван юн шутланать ачипачин сывлахёнче паларё.
- Хёр сурасма кайиччен е киличчен пёлекене тёлёк парассё юрасса е юрамасса тёлёк катартё.
- Хёр çураçма, туй ирттерме типёре юрамасть, ўтре кана юрать машар пурнасё типет.
- Уйах пётнё чух хёр сурасмассё, туй тумассё арла-арамла пурнас малалла каймё.
- Хёр сурасма машарсар виссён, пиллёкён, сиччён е таххаран каяссё, машарла тавранассе ёмёрёне машарла пуранасса пёлтерет.
- Хёр сурасма хёвел ансан каяссё те хёвел тухсан килессё сёнё кун сёнё пурнас палли.
- Хёр çураçна чух ниха́çан та кука́ль пёсермессей çамраксем кука́ль а́шё пек патранёс.
- Хёр çураçма кайсан качча ту́рех мачча каштинчен иртсе лармалла ха́юса́р тесе хёр те памёс.

Туй

- Туя машарла эрнере мар, сурассан пёр, висё, пилёк, сичё е тахар эрнерен ирттерме палартассё хатёрленсе ситнине кура тата сёнё е кивё уйах пулнине кура.
- Çывах тавансенчен виле пулсан тата ваттисен кунёнче туй тумаççё ваттисемпе тупашни ырра мар, телей пулмё.
 - Ялта пёр туйпа тепёр туй сулё хёресленсен машарсен кун-сулёнче паларё.

- Хёр çураçна чух та, туй-шилёкре те хёвеле май ёстерсе ситерессё пурнас малалла каясса пёлтерет.
- Парса ямалли туй симёсне сакара, сухёве, чаката шура тутарпа сыхмалла тасалах палли, пурнас анё.
 - Тавар таканасран асарханмалла варса-харкашу тухать.
- Хёр сурасна чух та, туйра та савра сакар касассё савра пёрлештерет, кётесхысак - варстарать.
 - Каччан амаше хер сурасма та, туя та каймасть киленче кетсе илет.
 - Çавра çакар çине тавар суланчи лартассе тавар усал-теселрен сыхлать.
- Хёр сурасна чух та, туй-шилёкре те чакат тёп симёс тапарч пурнас ырри, су килёшу, самарта сён пурнас, тавар тасалах.
- Суйлана сын тархасласан та хайматлах пулма килешменни ырра мар сене семье сиреп пулме.
 - Тур умне сурта сутса асанмасар туй пусламассе тура пулашмасть
 - Ваттисене асанмасар туй пички пусламассе вилнисем куренме пултарассе.
- Ывалне пил памасар ашше-амаше туй пички пусламасть машарсен пурнасе пилсер пулать.
- Туй пуссем качча килёнчен чи малтан тапранса тухасуе. Сул таваткалне ситсен, чук туна вырансенче, варман кетессинче терлёрен турасене асанса вак укса е икерчекукаль парахса хаварна. Хёр илсе тавранна чух та сак йалана туна ыр-хаярсене сырлахтарна.
- Туй киличчен хёре кил урла тавалла пытантармалла, урам урла е хайсен килёнчен анат еннелле мар чупкан арам пулё.
 - Хёр хай туйне курса тамалла мар ыра мар пулё.
- Тур умне çурта çутса тур ум алшалли çакмасар, ашше-амашенчен пил илмесер хёр туй халахёпе килёнчен тапранса тухмасть машарла пурнас телейсер пулать.
 - Сене сынсене таша пуслаттармасар хер туйра ташламасть саванас пулме.
- Çёнё çынсем хёр ашшёпе амашёнчен пил илнё хыссан аларан алла тытанса тухассё, хайсем хушшине никама та кёртмелле мар сивётёс, семье арканё.
 - Туйра сăра пётсен чухан пуранасса.
 - Туй янарасан ыра мара.
- Çанталак çумарла пулсан куççуле, аслатилле-çиçемле пулсан варçанса-харкашса пуранасса е уйраласса.
 - Туй кукалё таткаланса-суркаланса писсен япах пуранасса.
- Çёнё çынсен пёрремёш хут туя кайна чух мал еннелле (хёвел туха́çнелле) каймалла, кай еннелле мар.
- Авланна каччан е машарланна хёр ашшё-амашён туй парахма хёвел анаснелле каймалла.

Шилёк

- Шилёк йывасси пилеш йывас пулсан аван усал-теселрен сыхлать.
- Шилёк йываўсине кил хушшине сёр чавса шатак тёпне эрех кёленчи хурса лартасуё, таприне хыта таптасуё, хёлле шыв сапса парлантарасуё.
- Шилёк çине çакна кёпене йыснашне тахантартна чух хёр йамакён писиххие сулча (пуша) сыхмалла мар, хыта туртса сыхса ямалла аппашне пурнасра самал пулё.
- Шилёк йываўсине туй иртсен виссёмёш кунне хёр сумсемпе кёсён кёрўсем илессё. Кёсён кёрўсен шилёке пёрре туртса калармалла, сарай тарри урла пахчаналла персе касармалла— сёнё сынсен пурнасё самал пулё.

Хёр япали лесни

- Хёр арчине япала хуриччен чи малтан укçа хураççё укçа-тенкёллё, ытлă-çитлё пурăнасса.
- Хёр япалине ёлёк хёр сумсем леснё, халё хата халахёпе пёрле илсе каяссё. Арчана хайматлахсем уксалла туянассё. Хёр арчине йатса кёрекенсен асарханса йатса кёмелле, ниста та сапантармала мар варса-харкашу пулмё.
 - Хёр арчине султалакчен лартна вырантан кусармалла мар тёпленсе пуранёс.

- 27. Сосаева А.А., Ахвандерова А.Д. Микротопонимы с. Мусирма Урмарского района Чувашской Республики // Ономастика и языки Урало-Повотжыя. Материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002.
- 28. Сосаева А.А. Структурные типы топонимических названий в чувашском языке // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1997. Вып. 5.
- 29. Сосаева А.А. Хронологические пласты топонимии Чувашии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 5. Чебоксары, 1997.
- 30. Туристско-краеведческая деятельность учащихся. Методическое пособие / Сост. Андреева Е.В., Пудовкина С.В., Панченко Н.Л. Чебоксары, 2003.
 - 31. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары, 1998.
 - 32. Федотов М.Р. Этимологи словарё. Т. 1-2. Чебоксары, 1996.
 - 33. Юхма М. Древние чуваши. Чебоксары, 1998.

Информаторы

Афанасьева Татьяна Васильевна, 1926 г.р., работала бухгалтером совхоза "Авангард". Ныне проживает в с. Шоркистры.

Иванова Анастасия Ивановна, 1915 г., уроженка и жительница д. Хоруй. Работала в колхозе.

Иванов Аркадий Иванович, 1927 г.р., уроженец д. Малое Яниково. Работал на железной дороге монтером связи.

Иванова Нина Петровна, 1922 г.р., уроженка д. Хоруй. Работала на железной дороге монтером пути.

Иванова Татьяна Васильевна, 1965 г.р., уроженка и жительница с. Шоркистры, специалист администрации сельского поселения.

Ильин Герман Иванович, 1949 г.р., уроженец с. Шоркистры. Ныне проживает в г. Чебоксары.

Ильина Елена Ильинична, 1951 г.р., уроженка д. Хоруй. Ныне проживает в г. Чебоксары.

Криков Иван Васильевич, 1951 г.р., уроженец и житель с. Шоркистры, учитель средней общеобразовательной школы.

Матвеева Галина Германовна, 1960 г.р., уроженка с. Шоркистры. Ныне проживает в г. Чебоксары. Работает в ООО "ЧЭТА".

Муллина Валентина Николаевна, 1955 г.р., уроженка и жительница с. Шоркистры, специалист администрации сельского поселения.

Нягин Василий Николаевич, 1954 г.р., уроженец с. Шоркистры. Ныне проживает в г. Чебоксары. Работает директором ГУ "Республиканский центр охраны труда"

Симулина Клепатра Васильевна, 1928 г.р., уроженка с. Буртасы Урмарского района, жительница с. Шоркистры. Работала пом. лесничего Шоркистринского лесничества.

Федорова Александра Владимировна, 1957 г.р., уроженка и жительница с. Шоркистры, специалист администрации сельского поселения.

Сокращения:

Ашм. – Ашмарин Н.И., д. – деревня, ж. – женское (имя), м. – мужское (имя), Магн. – Магницкий В.К., назв. – название, р. – река, русск. – русский, с. – село, тюрк. – тюркский, хр. – христианское (имя), яз. – языческое.

села). Раньше на территории станции были три улицы: улица Раздольная, улица Овражная, ул. Железнодорожная.

В обозначении частей села употребляется географический термин noççoлккй < русск. поселок. Например, Лесничество посçолкки (поселоке) < русск. nechuчectво + noççoлкки "поселок" = букв. "поселок, расположенный рядом с Шоркистринским лесничеством Янтиковского лесхоза". <math>Kupney 3abod nocenoke (noççonkku) < kupney "кирпич" + русск. <math>3abod +русск. nocenok (noççonkku) " = букв. "поселок, который находится недалеко от кирпичного завода и где проживали рабочие завода". Отсюда идет название <math>ynuyы Kupnuvной.

До 70-х годов XIX века в чувашских селениях улиц не было, дворы размещались отдельными кучками, группами, причем группу составляли дворы родственников. В настоящее время все улицы населенных пунктов имеют названия. Термин $\kappa ac(\tilde{a})$ в нашем селе в обозначении названий улиц не встречается. Для этого употребляется термин ypam. Названия улиц обычно двусловные. В структуре этих названий обязательно встречается компонент $ypam(\tilde{e})$.

Нами собраны, подробно описаны и анализированы названия таких малых объектов как: названия улиц, переулков, перекрестков; рек, оврагов, балок, ручейков, речушек, прудов, озер, колодцев, родников-источников; дорог, тропинок, мостов; лесов, полянок, рощ, садов, посадок; полей, лугов, покосов; возвышенностей, холмов, косогоров, горок; кладбищ, скотомогильников; пасек, а также названия отдельно стоящих объектов (мельницы, места молений – киремет, деревьев).

Можно констатировать, что микротопонимы в основном исконно чувашские, но находятся названия малых объектов финноугорского, татарского (в основном, отантропонимные названия), русского происхождения.

Литература:

- 1. Андреев И.А. Сын ячёсем. Шупашкар, 1983.
- 2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. 1-4, 7-10, 13. Чебоксары, 1999.
- 3. Васильева Н.Н. К вопросу о генетических связях личных имен героев чувашских волшебных сказок // Ономастика и языки Урало-Поволжья. Материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002.
- 4. Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник научных статей. Чебоксары, 2004.
 - 5. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1988.
 - 6. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993.
 - 7. Зайцев Я.Н. Лета и лица урмарской землицы. Чебоксары, 1994.
 - 8. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1975.
- 9. Ильина Г.Г. Демононимы в чувашском языке // Ономастика и языки Урало-Поволжья. Материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002.
 - 10. Криков И.В. Ведай край свой Шоркистры. Чебоксары, 2001.
 - 11. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары. 2001.
 - 12. Культура чувашского края. Часть 1. Сост. Скворцов М.И. Чебоксары, 1995.
 - 13. Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
 - 14. Материалы по чувашской диалектологии. Выпуск 4. Чебоксары, 1971.
- 15. Михайлов О.Г. Монгольская лексика в чувашской топонимии // Ономастика и языки Урало-Поволжья. Материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002.
 - 16. Нестеров В.А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980.
- 17. Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917-1981 годы. Справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары, 1981.
 - 18. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Том 1. Чебоксары, 2004.
- 19. О чувашских названиях улиц // Чаваш чёлхипе литератури: теори тата методика: Сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 1999.
- Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание, дополненное. Москва, 2000.
 - 21. Ономастика и языки Урало-Поволжья. Материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002.
 - 22. Семенов А.С., Терентьев М.С., Павлов А.П. Дела и люди Янтиковского района. Чебоксары, 2000.
 - 23. Сергеев Л.П. Чаваш самахе. Шупашкар, 1994.
- 24. Сергеев Л.П. Словарь чувашских народных говоров // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 4. Чебоксары, 1997.
- 25. Скворцов М.И. Древние титулы в чувашской ономастике -2 // Диалекты и топонимия Поволжья: Сб. ст. / ЧГУ. Чебоксары, 1976. Вып. 4.
- 26. Скворцов М.И. Из истории древней чувашской социальной лексики (таран, турхан, куштан) // Вопросы чувашской фонетики и лексикологии. Сб. ст. / ЧГУ. Чебоксары, 1976.

Хёртен арам туни

Хёр япали илсе килсен хёртен арам тума юнашар киле касассё. Хёр таванёсем арам тавассё.
 Пёччен хёрарамайн арам тума юрамасть – сёнё кин пурнасра самраклах пёччен юлма пулгарать.

Шыв сулё пуслатни

– Хăта халăхё килсен каяççё. Кёсён кёру асса парать. Малтанхи виссё аснине сёнё кин урипе тапа-тапа такса ярать. Сурма сулччен каччан йамаке йатса пырса парать. Сёнё сын ана тутар сыхтарать. малалла шыв кёвентине сай хулпусси сине илет. Витресенчи шыв такансан – упашки ёсекен сын пуласса.

Сут çанталакра пурте шайлашулла, выранла пулмалла. Кирек епле йала-йёркене илес пулсан та мён тавас килнине тума юраманлахё пур. Ваттисем çакна ялан та асархаттарса тана. Шетмёпус тарахёнче паян кун та туй йали-йёркине сирёп тытса пырассё.

Ракин Анатолий Николаевич (г. Сыктывкар)

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ОБЩЕПЕРМСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Лексика общепермского происхождения относится к словарному составу прапермского языка, возникшего в результате распада финно-пермской языковой общности (середиина II тыс. до н.э.) и просуществовавшего до образования на его основе (8 век н.э.) древнеудмуртского и пракоми языков — предков современных удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого. В той или иной степени сохранности она имеется во всех современных пермских языках и диалектах. Наиболее полным и авторитетным источником, где содержится этот древний лексический пласт, является Краткий этимологический словарь коми языка [КЭСК: 1970] и Дополнения к Краткому Этимологическому словарю коми языка [Лыткин, Гуляев: 1975], переизданные в 1999 году в Сыктывкаре [КЭСК: 1999].

В них более 3200 словарных статей, где этимологизируется лексика коми языка допермского, общепермского, пракоми и более позднего происхождения. Лексика общепермской эпохи содержится в 934 словарных статьях. В соответствии с целевой установкой в качестве исходной взята лексика коми-зырянского языка. Остальные пермские языки используются лишь в той мере, в какой они обеспечивают установление этимологий для коми зырянских слов. Удмуртский материал в количестве 998 лексических единиц приводится в 775 словарных статьях [Ракин 2008: 44-55]. 186 слов коми-язьвинского диалекта сопоставляются в 170 словарных статьях. Коми-пермяцкая лексика, состоящая из 127 слов, содержится в 113 словарных статьях [Ракин 2006: 78-84].

Словарь является не полным, а кратким, поэтому там дается минимум фактического материала. Совершенно тождественные зырянским коми-пермяцкие и коми-язьвинские соответствия, как правило, не приводятся. Авторы КЭСК в таких случаях ограничиваются лишь сопоставлением с удмуртским языком. Подавляющее большинство заглавных слов относится к коми-зырянскому языку. 22 заглавных слова являются коми-пермяцкими, например, берись 'липа', каб 'колодка', няравны 'перебороть', порйотны 'поздравить' и т.д.

Коми-язьвинскому диалекту принадлежат всего 5 заглавных слов: *ишня* 'еще', *кором* 'солома яровых культур', *пўнтасон* 'заимообразно', *утно* 'закопать, захоронить', *шул'им* 'маленькая несъедобная рыбка, по цвету похожая на налима'. Коми-пермяцкие и коми-язьвинские примеры общепермского происхождения являются заглавными в соответствующих словарных статьях потому, что их соответствия в современном коми-зырянском языке не употребляются. Что касается удмуртских слов, то все они расположены внутри словарных статей в качестве параллельного материала коми зырянским, коми-пермяцким и коми-язьвинским примерам и неявляются заглавными.

Этимологический анализ содержащейся в КЭСК лексики общепермского происхождения завершается в 695 словарных статьях реконструкцией соответствующей праформы. В 137 словарных статьях праформа не дается, в них составители словаря ограничиваются простым сопоставлением. Часть материала данной группы относится к ономатопоэтическим словам, которые, несмотря на фонетическое сходство и одинаковое семантическое содержание, могли возникнуть на более поздних этапах развития пермских языков, в каждом из них самостоятельно, например, кз. баксыны, удм. бöксыны 'мычать'; кз. никсы- ны 'скулить, визжать', кя. н'икси- 'тж', удм. никсыны ; кз. тюрны 'катиться', удм. тёр: тёр ву вия 'вода бежит струйкой' и т.д.

У некоторых производных слов этимоны также отсутствуют. В таких случаях даются ссылки на производящие основы, для которых праформы реконструируются: κ 3. паськыд 'широкий', $y\partial m$. паськыт 'широкий, обширный', cp. пась 'открытый' (с. 217); κ 3. пуавны 'скрываться, перепрыгивая с дерева на дерево (о белке)', $y\partial m$. пуаны 'тж', npou36. от пу 'дерево' (с.230) и т.д.

Как правило, не этимологизируются двухкомпонентные обозначения. Авторы словаря делают структурный анализ или ссылаются на те словарные статьи, где составные части таких конструкций рассматриваются в качестве самостоятельных слов: кз. пельнянь 'пельмени' кп. пельнянь 'тж', сложное слово, ср. пель 'ухо', нянь 'хлеб', т.е. 'хлеб, похожий на ухо', удм. пельнян 'тж' (с. 219); кз. синва 'слёзы', удм. синву 'тж', сложное слово: син 'глаза' и ва 'вода' (с. 256). Наличие подобных структурных образований в современных пермских языках, обозначающих реалии, которые, безусловно, были свойственны также для наших предков в предыдущие эпохи, вполне может быть основанием для предположения о существовании таких названий уже в праязыке. Следовательно, реконструкция соответствующих праформ является такой же необходимостью, как и для однословных лексических единиц.

метрах восточнее села. В мое детство здесь еще имелись тряские места, что напоминало о былых болотах. Отсюда берет свое начало ручеек, который течет на север по дну глубокого оврага и впадает в р. Малый Аниш у бывшей мельницы Мальковых». Местные жители до сих пор говорят о болотистой местности юго-восточной окраины села. На месте совхозного поля сейчас сенокосные участки, полученные жителями села в аренду.

В книге И.А.Андреева «Сын ячёсем» (Имена людей) в статье «Тёрёк халахсеннипе пёрешкел ятсем» (1, 50) встречается имя Янпай (Ян+пай). По мнению автора книги, у чувашей, проживающих поблизости с татарами, пай (бай) в переводе на чувашский язык означает пуян (богатый). И.А.Андреев приводит, что имя Янпай в переводе означает Сёнё пуян.

С 1927 года в документах упоминается разъезд Шоркисры (Энёшпус разъезчё, 1927-1940 гг.) (17, 279). Он был построен в одном километре южнее села. В словаре С.И.Ожегова разъезд – раздвоение одноколейного железнодорожного пути, позволяющее разъехаться встречным поездам, а также остановочный пункт на месте такого раздвоения (20, 655). Затем разъезд переименован на станцию Шоркистры. На станции раньше останавливались не только товарные и пригородные поезда, но и пассажирские. Отсюда без пересадки можно было ехать в Москву и на черноморские курорты.

Ойконимы Энёш+пус, Шоркистры (Шор/шур+кёсре) по способу образования являются сложными. В названии села встречаются географические термины, что соответствует модели: ойконим + разъезчё (станцийё) = Энёшпус разъезчё (станцийё), они ориентирует нас на селение, расположенное недалеко от железной дороги.

В домашнем архиве моих родителей нашелся документ (копия) о выделении земли под индивидуальное строительство на территории станции Шоркистры. На заседании Совета Министров ЧАССР 24 декабря 1954 года (выписка из протокола №40) был рассмотрен вопрос об отводе Управлению Казанской железной дороги площади гослесфонда Канашского лесхоза (пункт 4).

Совет Министров ЧАССР постановляет:

1. Просить Совет Министров РСФСР разрешить Канашскому лесхозу отвести Управлению Казанской железной дороги 1,05 га не покрытой лесом площади гослесфонда в кв. №64 Шоркистринского лесничества под индивидуальное строительство работников ж/д станции Шоркистры.

Протокол подписан Председателем Совета Министров ЧАССР И.Афанасьевым, Управляющим Делами Совета Министров ЧАССР П.Платоновым.

25 февраля 1955 г. Советом Министров РСФСР (г. Москва) издано распоряжение №491-р: "Принять предложения Совета Министров ЧАССР об отводе предприятиям, учреждениям и организациям под промышленное, жилищное и культурно-бытовое строительство, под карьер нерудных ископаемых и для других целей земельных участков из гослесфонда согласно приложению.

Зам.Председателя

Совета Министров РСФСР Б.Маслов».

Прилагается «Список предприятий, учреждений и организаций, которым отводятся земельные участки из ГЛФ».

6. Урмарскому райисполкому под индивидуальное жилищное строительство работников ж/д станции Шоркистры Казанской железной дороги Зам. Управляющего Делами Совета Министров РСФСР

Чувашская АССР
1,05 га Шоркистринского лесничества пользование с
Канашского лесхоза исключением из
Гослесфонда

А.Баранов».

Из рассказа К.В.Симулиной, проработавшей с 1952 года до выхода на пенсию в Шоркистринском лесничестве, стало известно, что проект, чертежи под индивидуальное строительство, предоставленное работникам ж/д станции, были составлены ею и рассмотрены землеустроителем района Майоровой Д.И.

Тогда на территории Шоркистринского лесничества (лесопункта) располагались контора, столовая, хлебопекарня, магазин, подвальные помещения, дом охранника, служебный трехквартирный дом с балконами. Ни одно из строений до настоящего времени не сохранилось. Эту территорию сейчас занимает улица Железнодорожная — Чукун сул урамё (после укрупнения улиц

награжден целым возом денег и был наделен большими участками земли. Интересна легенда «Теньсеит и Еникей» из книги «Древние чуваши» М.Юхмы (33, 192-194).

В книге «Чувашские языческие имена» В.К.Магницкого встречаются варианты языческого имени **Ярмушка** – Ярмушка [10357], Ярмоха [10350], Ярмошка [10351], Ярмукъ [10352], Ярмула [10353], Ярмулла [10354], Ярмуска [10355], Ярмушъ [10356]; Ермошка [2106], Ермукъ [2107], Ермула [2108], Ермушъ [2109], Ермушка [2110], Ермяшь [2112].

В «Словаре чувашского языка» Н.И.Ашмарина найдены языческие и христанские имена мужчин Йармула, Йармулла, Йармуш, Йармушка, Йармушка, Йармушки (IV, 230-231), Йермулай (Йермуш, Йермушка) (IV,286). Небезынтересны следующие варианты: Ярмушка, Йармушка, Ярмушка, Ярмушки (31, 147).

Паймулла – *Паймола* [Магн., 5580], (Ашм., IX, 70), *Паймула* [5581]; *Пай+мулла* (31, 81). Пай – тюрк. мужское имя Бай со значением «господин; хозяин; богатырь». Часто выступает в качестве компонента сложносоставных личных имен (31, 81). Бай – богатый: господин, хозяин (8, 250).

Патерек – Патракъ [Магн., 5671], Патрекъ [5673], Патрекей [5674], Патрикъ [5676]; Терекъ [7786], Терекей [7787], Тирекъ [7966], Тирекей [7967]; Патирек (31, 84), (Ашм., IX, 130); Пайтирэк (Ашм., IX, 73). В структуре антропонима 2 части: па(й)+тирек. Дерево тирек «тополь; осокорь» у тюркских народов считалось священным, обладавшим магическим свойством (31, 29) и выступает в качестве второго компонента в сложносоставных чувашских мужских именах, подчеркивает филолог М.Р.Федотов (31, 28). Например, Элтирек, Тойтирек, Тутирек, Ахтирек, Ентирек, Ентирек...

Согласно легенде, жители деревни участвовали в возникновении деревни Апанасово-Темяши Яльчикского района. «...Третья группа явилась из селения *Шоркистры*, или Энёшпус, Цивильского уезда (ныне Урмарского района). В этой группе были некрещеные чуваши: **Арсай, Кёлчи, Пикпарас,** Элпек и др.» (5, 172). Следовательно, предания рассказывают нам об обстоятельствах образования выселков, деревень.

В ходе изучения письменных источников удалось найти имена: **Ӑрсай** – *Арзай* [Магн., 703], *Арзакъ* [704], *Арзакай* [705]. Встречается у Н.И.Ашмарина языческое имя мужчин *Ӑрси* (Ашм., IV, 62), *Ӑрсай* – фамилия в Тюрлеме (Ашм., IV, 62).

Пикпарас – *Пикбарсъ* [Магн., 5785], *Пикбарысъ* [5786]. Пик – компонент сложносоставных языческих имен, тюрк. Бек «правитель, вождь, бек, князь; господь; муж, супруг» (31, 85).

Элпек — Элпике, Илпике (1, 51), Элпикке (31, 25), Елпикке (Ашм., III, 14). В фольклоре прослеживается более поздний пласт собственных имен иноязычного происхождения, например, пике, Эльпике... (3, 148). Бике «госпожа» (31, 52). Зафиксированные антропонимы, в основном, женские дохристианские имена. Ср., мужские дохристианские имена: Илбак [2472], Елей [1844] и др., в основе имени встречается имяобразующий компонент ел.

В списках имен вышеперечисленных авторов имена *Кёлчи, Кэсмекей* зафиксированы в таких вариантах имен: *Килчей* [3713], *Килша* [3714]; *Косей* [3892]. Антропоним *Кэсмекей*, вероятно, был прозвищем.

Обычно деревни возникали по берегам рек, оврагов, т. к. гидрообъекты являлись ориентиром для человека. Чувашское название нашему селу дано по названию реки Энеш (Eнеш) — Ahuu (приток Волги): Энеш (Fueta) — Fueta (Fueta) — Fueta) — Fueta (Fueta) — Fueta) — Fueta (Fueta) — Fueta) — Fueta — Fueta — Fueta) — Fueta — Fue

Я.Н.Зайцев в книге «Лета и лица урмарской землицы» (7, 252) приводит «Список населенных мест по сведениям 1859 года Цивильского уезда Казанской губернии», изданный Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, где Яниково-Шоркисры (Анишьпос) указывается под №2771 и находится при ключе Шоркисре. Вероятно, ключ в Шуркёсре сырми < ойконим Шуркёсре "Шоркисри" + сырма «овраг».

До сих пор существует красивая легенда о возникновении русского названия села Шоркистры — Шурй/шорй кёсре = Шуркёсре < шурй "белый" + κ ёсре "кобыла, самка лошади; кобылица" = букв. "белая кобыла". Два чувашских слова, переделанных на русский лад, дали официальное название селу Шоркистры.

Местный краевед И.В.Криков в книге «Ведай край свой – Шоркистры» (10, 7) приводит воспоминание П.С.Степанова (1913 г.р.): «Одним из первых переселенцев был мужик по имени **Янспай** (имя языческое): Янзибей [10172], Янзибяк [10173], Янсибей [10209], Янсибякъ [10210], Янсубай [10212], Янсупь [10214]; Ензибекъ [1997], Ензибякь [1998], Ензубай [2001], Енсибай [2006]; Инзибей [2856], Инзубай [2857], Инзябай [2860]. У этого мужика была белая кобыла (шура кесре), которая как-то забралась в болота и погибла. Место, где это произошло, находится в нескольких стах

Иногда выведению этимологий препятствуют те или иные незакономерные звуковые соответствия: вись ∂n . 'жертва', ? $y\partial m$. вось 'моление, жертвоприношение', это сопоставление, известное из литературы, вызывает возражение по причинам фонетического характера: коми гласному и в удмуртском языке обычно соответствует не $\ddot{\mathbf{o}}$ (с. 58).

Значительно больше примеров, отсутствие праформ у которых обусловлено сущест- венными семантическими расхождениями между сопоставляемыми словами: кз. букыш 'хмурый', удм. букос 'сугроб', 'занос (на дороге)' (с.393); кп. пилим 'кудри, локоны', удм. пильыны 'расколоть, отколоть' (с. 221) и т.д.

Не реконструируются праформы и у некоторых слов иноязычного происхождения, для них указывается лишь источник заимствования: кп. коба 'прялка', кя. куба, удм. кубо < др.-чув.коба (с. 408); кз. рам 'смиренный, кроткий', ср. удм. зимырес 'робкий, тихий' < иранск., ср. пехл. гат 'спокойствие, покой' (с. 239, 422) и т.д. Хотя в целом ряде других словарных статей, слова, имеющие иноязычный источник проникновения, подвергаются полной этимологизации, например, кз. пурт 'нож', удм. пурт 'тж' < общеп. *purt < иранск. (с. 233).

Этимологизированная лексика общепермского происхождения также не однородна по своему составу. В зависимости от степени полноты использования сопоставляемого материала можно выделить следующие типы этимологий.

- 1. Этимологии, базирующиеся на материале всех пермских языков: κ 3. джын 'половина, пол-', κ n. qIn, κ 9, κ 9, κ 9, κ 9.
- 2. Этимологии, базирующиеся на материале трех языков: κ 3. бон 'мочало', κ 9. бон, κ 9. бун (с. 40); κ 3. нöк 'сметана, κ 7. нöк, κ 9. нöк (с. 195); κ 8. ош 'медведь', κ 9. ош, κ 7. ош, κ 8. ош, κ 8. зын 'зловоние', κ 9. гон 'запах', κ 9. зын 'запах' (с. 108).
- 3. Этимлогии, базирующиеся на материале двух языков: кз. кес 'клещи, щипцы', удм. кис 'тиски, клещи, щипцы'(с, 122); кп. майов 'закваска, дрожжи', удм. маял 'тж' (с. 168); кз. сёр 'поздний, поздно', кя. s'өг 'тж' (с. 253); кя. пунтасөн 'заимообразно', удм. пунэмэн 'тж'; кз. сыкавны 'портиться снегу при оттаивании, терять прочность', кп. сікалэм 'гнилой' (с.268); кп. порйотны 'поздравить', кя. рогјет 'приветствовать, поздравлять' (с. 225) и т.д.
- 4. Этимологии, базирующиеся на материале одного из пермских языков. Данный тип представлен группой слов, относящихся лишь к коми-зырянскому языку: поль 'дед, дедушка', тасма 'ремень', шабді 'лён' и т.д. Особенностью данной группы является то, что соответствия в других пермских языках отсутствуют, поэтому праформы реконструируются с опорой на дальнеродственные языки. Так, для слов маджа 'подпорная вода (в русле реки, мешающая работе мельничного колеса)' и шап 'белая, мыльная пена' приводятся саамские примеры, для слов поль 'дед, дедушка' и чирмог 'рьяный, горячий, вспыльчивый' финские примеры, для слова пошиктыны 'пыхтеть' венгерский, хантыйский и мансийский примеры, для слова мозмыны 'посчастливиться' ненецкие примеры. Распределение лексики по перечисленным выше типам свидетельствует о том, что существует определенная зависимость между ними и надёжностью соответствующих этимологий. Чем больше языков одной ветви привлекается для реконструкции, тем она безупречнее, и, наоборот, чем уже круг соответствий, тем менее убедительна предлагаемая версия о происхождении лексической единицы.

Конечный результат этимологического исследования заключается в реконструкции праформы, отражающей фонетический облик и морфологическую структуру восстанавливаемого древнего слова, его исходную семантику, а также в определении источника возникновения - исконный он или иноязычный.

Система праформ лексики общепермского происхождения состоит из 647 этимологий. Подавляющее большинство реконструкций относится к одночленным лексическим единицам: *aski 'наутро', *gu 'яма', *kut 'муха' и т.д. Группа праформ двухкомпонентных обозначений состоит из 15 конструкций: *ob-vęl 'не есть, не существует', *ord-lÜ 'ребро', раd-vež 'пересечение дорог' и т.д. Наряду с полнозначными словами в составе лексики общепермского происхождения реконструируется также звукоподражательные слова. К группе ономатопоэтических обозначений относится 11 праформ: *q'en- 'бах!', kot- 'кудахтать', č'up- 'целовать' и т.д. Следует отметить, что основная масса этимологизированных слов является самостоятельными знаменательными словами. Лишь 4 примера представляют собой служебные слова: *a - частица (> а 'ведь, -то'), *ke - союз и частица (> ко 'если, -то, -нибудь') и т.д. В трех словарных статьях вместо целой лексической единицы почему-то реконструируется отдельная фонема: *å < кз. мам 'мать, мама', удм. мумы 'мать', 'самка' (с. 169), *a < кз. нарви 'шпонка', удм. нарва 'шпонка' (с. 155), *a < кз. оч 'зерно, ягодка', удм. взъ 'полба' (213).

В большинстве словарных статей реконструируется одна праформа. Но в некоторых случаях дается не один, а два этимона, отражающие фонетические различия в корреспондировании

сопоставляемых примеров: *ob-vęl, *ob-Úl 'не есть, не существует'(с. 29), *bag- или *bak- 'человек с недостатками речи или зрения' (с. 35). Более чем одна праформа дается также тогда, когда рассматриваются различные формы одних и тех же слов либо про изводящие и производные основы вместе: *vijal- 'течь', vijet- 'цедить', корень *vij- (с. 59).

Составной частью лексики общепермского происхождения являются заимствования, для которых реконструируется 63 праформы. Этимологии даются индоевропейским (*lis- 'лы-сеть, линять'), индо-иранским (*das 'десять', kureg 'курица'), древнебулгарским (*kis' 'бёр-до', šabala 'отвал сохи'), древнетюркским (*susa 'ткацкий челнок'), прибалтийско-финским (*rše' 'чужеземец; русский') заимствованиям.

Анализируемый материал свидетельствует о том, что в системе праформ лекики общепермского происхождения различаются полная и неполная этимологизация. При полной этимологизации соответствующее слово реконструируется полностью как по структуре, так и по семантике: *ker 'бревно', *majber 'счастье'. К полноструктурным пра- формам относится и часть производных лексических единиц с суффиксальными элементами: *P'eskit 'тесный', *dVrem 'рубашка'.

При неполной этимологизации производится частичная реконструкция структуры слова и не дается семантика праформы. Как правило, в таких словарных статьях реконструкции подвергается только корневая часть, а некорневые элементы отсекаются, потому что в современных языках они представлены различными формантами: *vel'- 'скользкий' < κ 3. вильыд, γ 3. волег (с. 57). Неполноструктурные праформы более характерны глагольной лексике: *vod- 'лечь' < κ 3. водны, γ 3. выдыны (с. 60), *žug- 'бить' < κ 3. жугöдны, γ 3. жу- гыны (с. 103). У второй разновидности неполной этимологизации невозможность выведения общего значения обусловлена существенными расхождениями между соответствиями в современных языках на семантическом уровне: κ 3. напыд 'не просохший, влаж- ный', γ 3. нап 'густой' > *nap- (с. 185); κ 3. тус 'бельмо, катаракта', γ 3. тус 'вид, облик, цвет' > *tus (с. 288)и т.д.

Таким образом, в ходе исследования впервые рассмотрена технология этимологизации лексики общепермского происхождения. Результаты анализа системы праформ одного из важнейших компонентов древней лексики коми языка и выявленные закономерности послужат надежным инструментом для ее пополнения и дальнейшего совершенствования.

Сокращенные названия языков

 ∂n . - древнепермский, ∂p -чув. - древнечувашский, иранск. - *иранские*, кз. - коми-зырянский, кn. - коми-пермяцкий, кn. - коми-язывинский диалект, пехл. - язык пехлеви, у ∂n . - удмуртский.

Литература

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Труды Ин-та яз., лит-ры и истории Коми филиала АН СССР, вып. 18, с. 3-45 (приложения). – Сыктывкар, 1975.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

Ракин А.Н. Коми-пермяцкий компонент лексики общепермского происхождения // Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума. – Пермь 2006. – С. 78-84.

Ракин А.Н. Удмуртский компонент лексики общепермского происхождения //Ономастика Поволжья: Материалы XI Международной научной конференции. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 44-55

Федотова Людмила Аркадьевна (г. Чебоксары)

МИКРОТОПОНИМЫ УРМАРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДНОЙ ДЕРЕВНИ)

Вопросы возникновения и развития своего села, его топонимика интересуют каждого человека. Энёшпус (село Шоркистры) — одна из больших сел Урмарского района. Оно расположено на Горьковской железной дороге в 25 км от города Канаша на границе трех районов: Урмарского, Янтиковского, Канашского. Рядом с селом расположены деревни Нюшкасси (Нюшкасы), Элпус (Алдиарово) Янтиковского, Кипеч (Кибечи) Канашского, Атайкасси (Ичеснер-Атаево), Атнаш (Атнаши), Патти (Батеево) Урмарского районов.

Данное исследование актуально, т. к. топонимы села малоизучены.

Цель исследования: собрать воедино микротопонимы *с. Шоркистры*, систематизировать и классифицировать их и дать структурно-семантическое описание микротопонимов данного села.

В ходе исследования использованы устные и письменные источники. Опрошены информаторы. Изучен исторический, картографический, словарный, справочный материал. Составлена микротопонимическая картотека.

На исследуемой территории удалось зафиксировать более 260 микротопонимов, в том числе названия улиц, гидронимы (названия речек и прудов, родников и колодцев), дромонимы (названия дорог), дримонимы (названия лесов и посадок), агроонимы (названия лугов и полей), оронимов (названия возвышенностей и холмов, горок и оврагов), некронимы (названия кладбищ), также названия отдельностоящих географических объектов.

Из письменных источников (16, 17) стало известно, что в дореволюционное время восточная часть нынешнего Урмарского района входила в Цивильский уезд, а западная – в Чебоксарский. Три волости, Арабосинская, Ковалинская, Яниково-Шоркистринская, входили в Цивильский уезд Казанской губернии. В 1927 году уезды были упразднены, образован Урмарский район, в состав которого вошло село Шоркистры.

В разных архивных документах (17) до 1917 года встречается неофициальное название нашего села Анишбось — исток Аниша. Другое название села этого периода — Яниково-Шоркисри. С 1917 по 1926 гг. село называлось Шоркисри, с 1927 по 1935 гг. — Шоркисры (17, 325). Только после этого — ныне действующее название Шоркистры. В 1902 году Шоркистры стали селом (5, 145). В «Словаре чувашского языка» встречаются варианты названий села: Ёнёш-пус, назв. сел. Шоркисри, Яниково-Шоркисринской волости Цивильского уезда (Ашм., IV, 124); Енёш-пус, дер. Цивильского уезда (Ашм., III, 17).

Узаконенные искажения названий проникали на карты и справочники. Например, начиная со справочника об административно-территориальном делении Чувашской АССР, изданного в 1940 году, чувашское селение, известное ранее как Шоркисры, стало передаваться как Шоркистры (16, 10).

1 октября 1927 года образовался Шоркисринский сельский Совет (Шоркистринский в 1939 г.), куда входили деревни Урнар (Орнары), Саруй (Саруй), Хуруй (Хоруй), Атайкасси (Ичеснер-Атаево), Энёшпус (село Шоркисры). А в «Списке населенных пунктов Чувашской АССР по состоянию на 1 мая 1981 года» читаем, что Шоркистринский сельский совет Урмарского района входят те же деревни, но отдельно упоминается станция Шоркистры (разьезд 1927-1940), по-чувашски Энёшпус станций (Энёшпус разьезчё) (17, 100; 17, 279). В настоящее время в составе сельского поселения: село Шоркистры (в т.ч. станция Шоркистры), деревни Хуруй (Хоруй), Атайкасси (Ичеснер-Атаево).

Интересна история возникновения села Энёшпус (Шоркистры). Из старинной деревни Пинер (Шихабылово) Урмарского же района, существовавшей, по преданию, еще во времена Казанского ханства, выделилась дер. Пысак Енккасси (Большое Яниково). Энёшпус высалки (выселок Шоркистры) был основан переселенцами из Б.Яниково (5, 145). По словарю С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведова (20, 118) выселок – небольшой поселок на новом месте, выделившийся из другого селения. Предание указывает даже дату его возникновения – 1725 год. Тогда яниковцы Ярмушка, Паймулла, Патерек и Кэсмекей расчистили участки леса под пашню, усадьбы и поселились (5, 145).

Рассмотрим подробнее все 4 антропонима. Деревня *Пысак Енккасси (Б.Яниково)*, *Йен-касси* (Ашм., IV, 275); *Йенёк-касси* (Ашм., IV, 274); *Йинкасси* (Ашм., IV, 311)] расположена в 14-15 км от нашего села. По преданиям, дошедшим до наших дней, известно, что д. *Пысак Енккасси (Б.Яниково)* основана служилым чувашом **Яником:** *Яникъ* [10182], *Яникай* [10183], *Яныкъ* [10247], *Енекъ* [1975], *Еникей* [2002], *Іенка* [3356], *Еник* (*Йеник*) (Ашм., IV, 274). Он имел заслуги перед царем, за что был

песен и особенность в обряде были заимствованы от татар (кряшен и мишарей) [Ягафова: 2007, 85]. Абрыскино относится к чувашской диаспоре в Закамье, где кульминацию новогодних гаданий составляет сере яни.

Информанты и исполнители песен, жители д. Абрыскино:

Александрова (Никитина) Мария Федоровна, 1936 г.р.

Андреева (Яковлева) Людмила Семеновна, 1972 г.р.

Глухова (Савельева) Мария Максимовна, 1947 г.р.

Кольцова (Миронова) Юлия Петровна, 1951 г.р.

Кольцова (Тимиркина) Зинаида Вольфовна, 1966 г.р.

Кольцова (Уденеева) Наталья Владимировна, 1981 г.р.

Матвеева (Михайлова) Оксана Андреевна, 1979 г.р.

Миронова (Миронова) Анна Павловна, 1933 г.р.

Миронова Марина Федоровна, 1972 г.р.

Михайлова Галина Васильевна, 1958 г.р.

Сандрухин Валерий Васильевич, 1968 г.р.

Сандрюхина Валентина Николаевна, 1946 г.р., родом из д. Илюткино Октябрьского (ныне Нурлатского) района Республики Татарстан. Окончила Тетюшское педагогическое училище. Работала в Илюткинской школе. В 1968 году перешла в Аксумлинскую, затем — Салдакаевскую школу. С 1972 г. до 2006 г. трудилась в Абрыскинской начальной школе. Большую часть из них работала директором школы. Лауреат Всероссийского конкурса «Директор года», заслуженный педагог Российской Федерации.

Сандрюхин Виктор Никитович, 1941 г.р.

Семкина Нина Максимовна, 1934 г.р.

Сенькина Елизавета Павловна (Чёкес инке), 1928 г.р., родом из д. Малая Камышла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Республики Татарстан.

Литература

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Ç-Т. – Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1937. - 320 с.

Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 446 с.

Охотников Н.М. Записки чувашина о своем воспитании // Чувашские рассказы, М., 1961. Цит. по: Чуваши. Этнографическое исследование. Часть ІІ. Духовная культура. — Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1970. — 308 с.

Ягафова Е.А. Абрыскино // Чувашская энциклопедия: В 4 т. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. - Т.1: A-Е. . — 590 с., ил.

Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX вв.). – Чебоксары, 2007. - 530 с., илл., картосх.

168

Рахимова Асия Ризвановна, (г. Казань)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ «ОЧЕНЬ)

- 1. В тюркских языках понятие «в сильной, высокой степени; очень» может быть выражено словами, являющимися по своей сути синонимами. Например, в татарском языке: бик, нык, ута, гаять, чиктан тыш, чамадан тыш, искиткеч, галамат (разг.), шул кадар (разг.) яман, зера (диал.); в казахском языке: льте, бек, тым, аса, тіпті в башкирском: бик, ифрат, сиктан тыш и т.д. Данное явление имеет место во многих тюркских языках. Обращает на себя внимание и то, что большая часть этих слов совпадает в отдельных группах тюркских языков.
- 1.1. Слово *бик/бек/пе:* тат., башк. *бик*, ног., казах., туркм., кирг. (редко) *бек*, тур. *pek* «очень». В уйгурском языке *бакму* означает «весьма, очень, чрезвычайно»: *бакму йахши* «весьма хороший». В кумыкском языке слово *бек* сохранило первоначальную семантику: «прочный, крепкий», параллельно употребляется в значениях: «очень, весьма, сильно, крайне, ещё более».

В сибирско-татарских диалектах, занимающих особенное положение среди тюркских диалектов и языков сохранением древнетюркской основы лексики, встречается лексема *бик* «крепко», которая является словообразовательной основой в таких глаголах как *бигу* «утвердиться, укрепиться», *бигету* «укрепить» (Тумашева, с. 43). В киргизском языке *бек* тоже означает «крепкий, крепко». Срав. монг. *бэх* «крепкий, прочный». В якутском языке - *бигэ* «прочный». В чувашском языке – *пите* «крепкий, прочный, плотный», *питер* «запирать, закрывать» и *пите* (*пит*) «очень».

Согласно ДТС, в тюркоязычных исторических памятниках XI века «Кутадгу билиг» и в «Диване ...» М. Кашгари : **bek** «крепкий», bek coq (парн. усилительная частица) «очень, весьма» (ДТС, с.92), **berk** «крепкий; могущественный» (ДТС, с. 96).

Согласно словаря Шемсетдина Сами «Камус-и Тюрки», в османско-турецком языке berk и рек «очень» употребляются параллельно (С. 289, 357). В гагаузском языке: *пек* «очень, сильно», в словаре зафиксировано также слово *пеклик* «твердость».

Таким образом, можно предположить, что слово бек/бик/пек «очень» восходит к древнетюркскому корню берк/berk «крепкий, прочный». В результате семантического развития лексемы $\frac{\delta ep\kappa}{\delta e\kappa}$ «крепкий», в тюркских языках появилось значение «очень».

1.2. Слово *ута/ьть/ьте* встречается в татарском, башкирском: *ута*, казахском и киргизском *ьть* «очень, крайне, весьма», туркменском: льте «очень, чересчур, слишком» языках. Срав. башк. : Ута исар буйга усар (погов). В татарском: Ута кызыл тиз унар (посл.). Данная лексема, вероятно, является деепричастной формой от глагола тат. ут- «проходить»; к.-калп. *ьту* «проходить»; карачаево-балкарский — ётерге «пройти». Глагол ут-/ от-, вероятно, является элементом кыпчакских языков и восходит к др. тюрк. öt- «проходить» (ДТС, с.391). Можно сравнить также с монг. *льдо/льдоль* «вверх, кверху».

Мы предполагаем, что в появлении значения «очень» играли свою роль и образные выражения: тат. *ута чыккан*, туркм. *ъте гечмек (гитмек, душмак)* «перейти все границы; перегнуть палку».

- 1.3. Слово *яман/жаман*: тат. яман, кирг. жаман «очень» (третье значение): жаман чоң «очень большой, непомерно большой»; жаман жакшы «очень хороший», тур. уатап «поразительный, удивительный». Значение «очень» слова яман в тюркских языках является вторичным, переносным, а основным значением является «плохой, злой», которое встречается и в языке древнетюркских памятников: jaman «плохой» (ДТС, 231).
- 1.4. Слово *çok/чох*, весьма активно употребляющееся в турецком и азербайджанском языках, имеет несколько значений. Основным из них является «много», затем «очень» и «долго». Любопытно, что *çok* /çoq в древнетюркском словаре зафиксировано в значениях: 1. низкий, подлый; 2. очень; чрезвычайно, гораздо (ДТС, с. 153), т.е. «очень» является вторым значением, а значение «много» вообще отсутствует. Исследуемая лексема встречается в составе парного слова bek çoq «очень, весьма» (ДТС, 92). Таким образом, в современных тюркских языках огузской группы, новое, приобретенное значение «много», стало основным.
- 1.5. Слово *тың* в диалектах сибирских татар слово *тың* означает «очень»: Ике кысымны кийауга пиреп, тың уңтылар. «Двоих из дочерей выдала замуж, очень счастливы». Кроме этого, оно имеет значения «твердый, крепкий; твердо, крепко» (Тумашева, с. 223); тув. *тың* «очень, совсем, совершенно».

Данное слово, встречающееся в основном в сибирских тюркских языках, является тюркомонгольской лексической параллелью. Срав.: монг. *тон* (усилительная частица) «совсем, весьма, очень, совершенно, абсолютно»: *тон* жаргалтай «очень счастливый», *тон* зъв «абсолютно правильно» и т.д. Судя по тому, что значение «крепкий», с которым, как мы предполагаем, генетически связано значение «очень», кроме диалектов сибирских татар встречается также в киргизском языке. Монгольское *том*, вероятно, является тюркским заимствованием, так как в этом языке отсутствует первичное значение «крепкий и т.д.». Срав.: кирг. *тың* «бодрый, крепкий, здоровый; бойкий, ловкий». Возможно, сюда же можно отнести к.калп. дым, казах. *тым* «очень», которые в этих языках употребляются гораздо реже чем остальные синонимичные варианты.

- 1.6. Слово *кйн* в значении «очень» зафиксировано в словаре В.В. Радлова, где сиб. тат. *кйн* «очень, очень много» (Радл. т.2., ч.2, 1054). В словаре Д.Г. Тумашевой приводится только значение «много» (с.94). Оно также употребляется в современном туркменском языке, где *кйн* «много»: ондан бери кйн йыллар гйчди «с тех прошло много лет».
- 1.7. В предыдущем случае мы предполагаем возможность перехода значения «много» слова *кэн* в значение «очень». Следует отметить, что подобное явление в тюркских языках встречается очень редко. Лишь один явный пример выявлен нами в кумыкском языке, где слово *кён* может выражать значения «много; часто; очень, весьма». Например: *кёп яхшы адам* «очень хороший человек».
- 1.8. Слово *огада/угаа/ого*: каракалпакское слово *огада* «весьма, очень»: *сизди кљргениме огада* кууанышлыман «весьма рад вас видеть», на наш взгляд является сокращенной формой словосочетания *о(л) кадар* «настолько (сильно, много и т.д.), очень». В татарском языке в таком же значении встречается слово *шул кадар/ шул хатле*. Другие лексемы, такие как хак. *угаа*, кирг. *ого* в составе *ого эле* «очень», возможно, являются сокращенными вариантами от *о(л) гада/о(л) кадар*.
- 1.9. Слово **жуда/жүдä**: узб. жуда, к.калп. жүдä «очень, весьма», возможно, имеет арабское происхождение: араб. жиддä «очень».
- 1.10. В туркменском языке слова *бижай* и *бичак* «очень, слишком», на наш взгляд, являются сложными, состоящими из двух основ *бир/бер* «один, единица» и жай < перс. xсвойство, уместность; толк, умение, верное понятие» и yск «много».
- 2. Часть тюркских слов со значением «очень» сохранилась в письменных памятниках, но в современных тюркских языках они уже почти не употребляются, лишь некоторые встречаются в совершенно других значениях.
- 2.1. *Ең/иң*: Согласно словаря Э. Фазылова, слово *ең* «очень»: *ең аксүк* «очень бедный» встречается в языке Хорезмских памятников XIV века (Фазылов, т.1, с.171). В современных тюркских языках еп/иң выражает «самый», т. е. превосходный степень имени прилагательного. Следует отметить, что в книге Фазылова Э.И. приводится еще одно слово *иңан* в значении «очень, сильно, весьма, много» (Там же, с.423). Возможно, данное слово автором прочитано не совсем верно. Мы больше придерживаемся варианта, прочитанного Э. Наджипом как *инган* «очень». Э. Наджип здесь же пишет, что данное слово «не сохранилось в современных тюркских языках» (Наджип, с.459). Нам также кажется правдоподобным считать его сложным словом и интерпретировать, как *иң/ең/эн* «*самый»* + *кан* «*много»*. В ДТС зафиксировано значение «самый»: еп «самый»: en anşnu «в самом начале», en ilik «прежде всего», en kininta «в самом конце» (ДТС, с.174).
- 2.2. Слово *асры/асру*: В языке Хорезмских памятников: *асру, асры* «очень, весьма, крайне» (Фазылов, 1, с.76). В современных тюркских языках данное слово выражает «сильную, высокую степень», однако с негативным оттенком: тур. аşıгı; карачаево-балкарский: *асыры, асыры бек* «слишком, чересчур». Несложно также догадаться, что оно имеет мотивирующую глагольную основу аш-/ас- «переходить (например, границу)». Срав. др.тюрк. аş- I «переходить», аş- II «увеличивать, умножать» (ДТС, с. 62).
- 2.3. Слово **йавлак** (Фазылов,1, с.457) «очень, весьма, крайне, много». В этом же значении yavlak встречается в языке стихов Юнуса Эмре, турецкого поэта XIII века: *Eya gönül, açgıl gözün, fikrin yavlak uzatmagıl*.. «О моя душа, открой глаза (смотри), мысль слишком не тяни...». В «Диван..»е Махмуда Кашгари слово javlaq имеет значение «крепкий» (ДТС, 519).
- 2.4. В древнетюркских языковых памятниках встречаются слова со значением «очень», которые в современных тюркских языках отсутствуют: *besi* «очень» имеет персидское происхождение; *bedük* «большой, очень» является древним фонетическим вариантом современного *бъек/büyük*; *belinteg* «ужасный; очень» имеет древнюю словообразовательную основу *belin* «ужас» (ДТС, 90,91,94).
- 3. Следует также отметить, что во многих тюркских языках употребляются слова, имеющие, как правило, узко локальный характер, а иногда также и иноязычное происхождение. Например,

чуваши еще не были крещены, но здесь имена почему-то православные. - В. Д.) Из рода Сергея и Тихона был Упрись. Было четыре семьи, мужиков пять. В то время в Астрахани началась война. Дошло до них, что бывают там и убийства. «Уйдем», - решили они. Оставили они Инель. Имущество погрузили на подводы, скот свой взяли. Молились они киреметю, с собой и киреметь захватили. Южнее Мелекесса есть деревня Сабакаево. Остановились они здесь. Разгрузились. Думают, тут можно жить. Но Мелекесс был близок. Здесь русский хозяин принуждал их работать на себя, избивал. А чуваши не знали русского языка. Но они не занузданы, свободны: решили пойти туда, где нет пюдей. Взяли свой киреметь и тронулись в эти места. По Черемшану ехали целый год. Останавливались, вступали в стычки с посторонними. К ним пристало восемь женщин. Доехали до высокого берега Черемшана и облюбовали места под поселения. Вырыли землянки. Хлеба вначале не было. Питались плодами кустарниковых деревьев нахат. Егор занял место, где выросла деревня Егоркино, Максим — где дер. Максимкино. А Упрись был тихим, несмелым. Ему дали болотистое место, где возникла дер. Абряскино (Лачака). За долгое время деревни стали многолюдны [Лимитриев: 1993, 211-212].

В предании, рассказанном М.С.Спиридоновым, обстоятельства возникновения дер. Абряскино несколько отличаются от вышеприведенных: «Сюда переселились из-за Волги в 1660 — 1670-х годах. Я — шестое колено. Упрись прибыл первым, он из дер. Тугаево Цивильского уезда». Далее он сообщил: «В старину жителей здешних мест часто тревожили калмыцкие отряды. Они отгоняли скот, уводили девушек, иногда и людей убивали. Калмыки жили по реке Кундурча, отсюда 30 верст. Для бережения от них здесь были установлены столбы-маяки. На столб вешали сухую березовую кору. Таких столбов было много. У каждого столба дежурил человек. Как только сторож у дальнего столба видел приближение калмыцкого отряда, зажигал кору, вслед на других маяках зажигали. Жители деревень так узнавали о приближении грабителей и прятали имущество, скот, сами скрывались» [Димитриев: 1993, 212-213].

Абрыскино, Лачака (историческое название — Салдакаево) — село Нурлатского района Республики Татарстан, в 19 км к северо-западу от г. Нурлат. Основано во 2-й половине 18 в. (между 1760 и 1770), по преданию, переселенцами из д. Тугаево Цивильского уезда. В 19 в. входило в Чистопольский уезд Казанской губернии. Часть населения в 20 в. продолжала исповедовать язычество. В этнической культуре и языке наблюдаются общие для закамских чувашей черты, основанные на смешении элементов низовой и верховой традиций. В обрядовом календаре — сёнё сул, саварни, мункун, сёрен, чук, уяв, сумар чук, кёр сари. Православные относились к Тюрнясевскому приходу. Число жителей: в 1781 — 187 чел; 1795 — 233; 1897 — 517; 1989 — 290 чел.; 2000 — 270 чел. (чуваши). Имеются начальная школа, клуб [Чувашская энциклопедия: 2006, 15]. Часть чувашей д. Абрыскино и сейчас активно живет по дохристианской традиционной чувашской вере. На данный момент (январь 2009 г.) в д. Абрыскино количество дворов 82, население — 253 человека.

В литературе имеются краткие описания гаданья на кольцах: «Сере яни, назв. гаданья на кольцах. Раштав иртсен крешчениччен сере ярассе. Ана ак епле ярассе: пёр витре сине шыв ярассе, унта сёре ярассе. Кашни харпар-хай сёррине ярассе. Палхатассе те икшерен илсе чуптутарассе. Тата юрлана вахатра каларассе. Мёнле сава юрлана вахатра сёре тухать, савантан сынни вара араскалла пулать» (Опускание колец — название гадания на кольцах. После Рождества до Крещения опускают кольца. Это делается так: одно ведро наполняют водой, туда опускают кольца. Каждый опускает свое кольцо. Перемешивают и берут по двое, целуются. Достают кольца во время пения. Во время какого стиха выйдет кольцо, от того (стиха) будет счастлив (удачлив) человек) [Ашмарин: 1937, 107]; «Гадание началось с того, что двое или трое парней и столько же девушек принесли ведро воды с речки и поставили на стол. Все девушки уселись за стол, а одна из них, прикрывая полотенцем ведро, мешала кольца, опущенные в него присутствующими. Потом она вынимает по одному кольцу после каждой песни, пропетой хором парней и девушек, и возвращает его хозяину. Ответом на вопрос служит содержание песни, которую они пропели, прежде чем вынуть кольцо из ведра» [Охотников: 1888. Цит.по: Чуваши: 1970, 78-79]. Они перекликаются с приведенным описанием гадания на кольцах в д. Абрыскино.

Е.А.Ягафова, изучая типологию обрядового календаря чувашей, в своем исследовании приходит к выводу, что в обрядах новогоднего цикла возможно выделение типологических признаков, характерных для генетических этнографических групп чувашей <...>. Вариант 2 <...>. Гадание на кольцах, сопровождавшееся исполнением специальных песен сёрё яна юра / нардуган составляло кульминацию новогодних гаданий только у чувашской диаспоры в Закамье, Заволжье и Приуралье. Оно в сочетании с другими гаданиями, ряжением составляет суть варианта 3. Вероятно, этот жанр

«машаршан» (за супруга(у) и т. д.), тому и эта песня. Содержание этой песни является как предсказание на предстоящий год. Опускают кольца и поют песни для того, чтобы узнать, что их (семье (дому), членам, родственникам семьи) ждет, каким для них будет новый год. Приведем примеры текстов песен:

Кавакарчан - кавак, чекес — хура,

Мёншён Турри пёр пек те туман-ши?

Эсир лайах, таван, эпир начар,

Мёншён Турри пёр пек те туман-ши? [Сандрухин].

(Голубь — синий, ласточка — черная, Почему Бог не сделал всех одинаковыми? Вы - богаты, родственники, мы - не богаты, Почему Бог не сделал одинаковыми?) (Здесь и далее подстрочный перевод наш. - $E.\Phi$.).

Сулелле те пахрам, эп телентем

Кайак-хур картисем иртнинчен.

Шухашла-шухашла эп тёлёнтём

Самрак емер иртсе кайнинчен. [Александрова].

(Посмотрел вверх, удивился, Как летят косяки диких гусей. Думая, я удивился, Как прошли молодые годы.)

Хёвел анать тесе хурланас мар -

Хёвел ансан уйах сути пур.

Сын хурлать тесе хурланас мар

Сын хурласан султе Тура пур. [Сандрухин].

(Не буду горевать от того, Что солнце садится. Если солнце сядет, будет (есть) свет луны. Не буду горевать от того, Что люди меня печалят, Если люди меня печалят, в небе есть Бог).

Сёрё яна чухнехи юрасем — песни, исполняемые во время гадания на кольцах - с глубоким философским содержанием о родственных узах, о достатке, богатстве, счастье, благополучии, предначертании Богом (быть в жизни вместе или врозь девушке и парню). В них поэтически выражается удивление, что молодые годы уходят быстро. Словом, в этих обрядовых песнях жизнь освещается разносторонне. Есть упоминание о Боге, как всевидящем, который рассудит справедливо; о завистниках, которых предлагается не замечать; обращение семерых детей к матери, чтоб ко всем относилась (любила) одинаково. Слова из песни:

«Пирён ёмёр иртет

Ырлахпала хурлах хушшинче» -

Наша жизнь проходит между добром и печалью - как бы подытоживают все философское содржание песен данного жанра.

Тот человек, кому выпала та или иная песня, записывает текст песни в специальную тетрадь (чтоб не забыть), где расписано по годам, по семьям (по дому), а также по именам всех членов семьи. И так записывает каждый пришедший узнать свое будущее.

Поют песни до тех пор, пока не выйдут все кольца. А кольца бросают по несколько — до 10–15 — раз (на всех членов семьи, на близких и дальних родственников). Песни поют до самого серебра — пока самым последним не выйдет серебро. Когда не останется в кувшине колец и выйдет серебро, кувшин с водой три раза перекрещивают со словами: «Тур касартар» (Прости, Господи!). Воду несут обратно в прорубь (несут тайно, чтоб никто не видел, из собравшихся мало кто знает о том, что воду нужно выливать обратно в прорубь), а полотенце, которым накрывали кувшин, прополаскивают, оно должно хранится чистым.

Во время обряда *çĕрĕ яни* тот, кто достает кольца по одному во время исполнения песен (одна песня — одно кольцо) (в данном случае — Кольцова Ю.П.) не должен выходить из-за стола до самого окончания *çĕрĕ яни*. *Çĕрĕ яни* начинается с 18 часов вечера и продолжается до полуночи. Потом начинается трапеза: садятся снова за стол отведать принесенную с собой еду, выпечку (*йава*, *çĕнĕ çул кукли*) и приготовленный хозяйкой дома *хуплу*. После трапезы расходятся по домам, распевая во весь голос масленичные песни.

Этот обряд в д. Абрыскино идет испокон веков, как считают старожилы, со времен возникновения деревни. Традиция продолжает жить, переходя из поколения в поколение. Из собравшихся на обряд *çёрё яни* есть люди самого разного возраста. Участвует и молодежь, и дети (они в основном обозреватели). В народе живы и предания о возникновении села. Но чтобы быть точными, они все-таки ссыпаются на книгу В.Д.Димитриева «Чувашские исторические предания» и на публикации Е.А.Ягафовой [Сандрюхина].

В Октябрьском районе Татарстана И.П.Бураев поведал нам следующее: «В1670-х годах восточнее Симбирска у Яра была чувашская деревня Инель. Есть ли она теперь, не знаю, мне дед рассказывал. В этой деревне жили родные братья Сергей и Тихон, а также Егор и Максим. (В те годы

татарское диалектальное (заказанский говор) слово зерй «очень» мы склонны считать финноугорским заимствованием. Срав. хант. диал. serä/ sarä «крепкий, прочный; важный» (Терешкин, с.427). В словаре В. Радлова имеется слово с пометой телеут. (телеутское наречие) сүрйкйй/сурүкйй «весьма, очень» (Радл., т.4, ч.1, с. 812). В якутском языке: бэрт «очень», олус, нана «чрезмерно, крайне»; в каракалпакском языке: күтй «весьма», которое можно сравнить с узбекским катта «большой, громадный, огромный»; в тувинском языке в значении «весьма» употребляются слова кончуг и аажок.

Таким образом, анализ тюркских слов со значением «очень», проведенный сравнительноисторическим методом, позволяет сделать следующие выводы:

- 1.В тюркских языках имеется большое количество слов со значением «очень». Большая часть этих слов имеет тюркскую основу. Заимствования встречаются очень редко.
- 2.Исследуемая лексико-семантическая группа слов, в большинстве случаев, имеет ясную этимологию, возможно, потому, что лексическое значение данной группы носит не номинативный, а скорее вспомогательный характер. Основным мотивирующим значением является «крепкий, прочный». С развитием оценочной лексики, появились и другие варианты, образующие полярность «хорошо» «плохо».
- 3.Для выражения отрицательного значения «не очень» в некоторых тюркских языках наряду с конструкцией *«очень»*+ *глагол или имя в отрицательной форме*, употребляются специальные слова, при этом глагол всё равно будет в отрицательной форме.

Литература

Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. - М.: Изд-во «Наука», 1978, кн.1.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4. – СПб., 1893-1911.

Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. - Казань, 1992.

Фазылов Э.И. Староузбекский язык. т.1. Хорезмийские памятники XIV века. Ташкент: «Фан», 1966.

Şemseddin Sami. Kamus-ı Türki. 7. baskı. İstanbul, Çağrı Yayınları.- 1996. – 1574 c.

(г. Чебоксары)

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ *БИГЕР* И *АРЧА*

В результате выявления и выделения исторически разностадиальных групп этнонимов Волго -Камского региона в одной из своих недавних работ мною было сделано следующее обобщение: 1. Первоначально финно-угорские племена выделяли себя словами, означающими «человек». 2. В процессе фратриального и родо-племенного развития в сознании людей утвердилось универсальное понятие «человек такого-то племени, рода». В среднебулгарскую эпоху (особенно до XIV в.) финноугры региона, как и их тюркоязычные соседи, стали выделять себя по бассейнам и берегам (сторонам) рек. Начиная с золотоордынского (1236-1444) до конца казанского (1445-1551) периодов в регионе интенсивно складывались и утверждались сословно-конфессиональные этнонимы. При этом сильную трансформацию испытали и старые родо-племенные названия [Родионов: 2008 а].

Кардинальному изменению этнодифференцирующих показателей этнического сознания разноязычных и культурных сообществ Улуса Джучи способствовало придание исламу статуса официальной религии данного супергосударства. Как известно, с 1313 г. ханами Золотой Орды могли быть только джучиды-мусульмане. В результате всего этого бывшее племенное название тало не только сословным (оно выделило ханское окружение и военно-служилую элиту [Татары: 2001, 42]), но и конфессиональным. Такое двуединое и синкретичное сознание некоторых народов региона сохранилось вплоть до XX в. Например, своих православных сородичей татары-мусульмане и чуваши-огнепоклонники (т.н. «язычники») называли крященами (керәшен, кёрешён). Омусульманенные чуваши, хотя они на первых порах оставались чувашеязычными же, упорно отказывались от этнонима чаваш и причисляли себя к татарам [Родионов: 2008 б, 176-177].

К конфессионимам золотоордынского и казанского периодов относятся этнонимы чуваш (чув. чаваш) и бесермен (удм. бесермен). Этноним чаваш (< савас) я объясняю как татаризированный конфессионим со значением «человек, придерживающийся обряда поминовения предков вблизи кладбищ» [Родионов: 2008 б, 177-178]. Бесерменами в русских летописях называли главным образом мусульман-горожан, не принадлежавших к элитному военно-служилому сословию Золотой Орды [Родионов: 2008 б, 173-175]. Конфессионимом кристианин (христианин) выделяли себя русские, прежде всего простолюдины. В дальнейшем данный конфессионим сузился в значении и стал означать лишь простых русских земледельцев (худых людей).

Удмуртское название казанских татар (бигер), которое появилось, очевидно, не раньше золотоордынского периода, и оно восходит к сословной терминологии Улуса Джучи. Тщательное изучение родословных записей чепецких (каринских) татар показывает, что «особенно татарский компонент их полностью происходит от татарских князей, известных и по жалованным грамотам XVI в.» [Исхаков: 1980, 23]. Эти каринские князья, восходящие к роду кыпчак [Татарская: 2002, 183], еще в XV в. оказались вовлеченными в борьбу Москвы с джучидами за владение Вятской землей. Арскими они назывались потому, что являлись выходцами с Арской земли, в русских летописях вперые упомянутой в 1379 г. [Гришкина, Владыкин: 1982, 13]. Подобно Вятской земле, она представляла из себя конкретную этнотерриторию, в последующем названной Арской даругой (дорогой) Казанского ханства. К ней относились, как полагает один из авторов «Татарской энциклопедии» в статье об Арской даруге, земли по рекам Нокса, Казанка, Киндерка, Дертюлевка, Бурнашевка, Каменка, Клетлевка, Янчюрка, Таузарка, Шапши, Шеленгуш, Ащерма, Крылай, Ямашурма, Урсевка, Бужевка, Чюриленка, Урмат, Азевка, Берези, Кисмесь, Налгазиха, Нечка, М.Гольянка, Кама, Сарапулка, Беляевка, Малаховка, Шевыряловка, Дубровка, Петровка, Ветлянка, Шошма, Вятка, Сюрда, Савалка и др. [Татарская: 2002, 183].

Исследования Н.И. Шутовой показывают, что на территории бывшей Арской земли до VIII в. н.э. были расселены племена азелинской культуры, а с конца I тыс. там обитало финское население. Примерно со второй половины XIII в., в связи с массовым переселением булгар на правобережье р. Камы, начинаются интенсивные контакты южных удмуртов и марийцев с булгарами [Шутова: 1987, 122]. С кыпчакоязычными золотоордынцами население Арской земли начало тесно контактировать с XIV в., когда данная территория стала важным плацдармом для военных столкновений Булгарского Улуса с агресивным Московским княжеством. Первыми переселенцами с южных улусов были титулованные беки Улуса Джучи, которые владели как землями, так и податным населением края.

ОБРЯД СЁРЁ ЯНИ И ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ СЁРЁ ЯНЙ ЧУХНЕХИ ЮРЙСЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г. В Д. АБРЫСКИНО НУРЛАТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Во время экспедиции 2008 г. в Нурлатский район Республики Татарстан при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-04-22760 е/В) выявилось, что в д. Абрыскино наиболее почитаемым традиционным праздником является Кивё сёнё сул Старый новый год, в ночь которого проводят Сёрё яни - гаданье на кольцах и поют специальные песни Сёрё янй чухнехи юрасем песни, исполняемые во время гаданья на кольцах. Эти песни по-другому еще называют в д. Абрыскино киве сёне сул юрри песни старого нового года. Старый новый год празднует почти все население деревни, также участвуют в гадании на кольцах Сёрё яни. У многих имеются тетради с записями песен Сере яна чухнехи юрасем. Так как обрядовые песни исполняются только во время данного обряда (в любое другое время их не поют — запрет), мы собрали копии этих тетрадей с песнями. А чтобы записать эти песни, исполняемые только во время обряда, мы поехали в д. Абрыскино именно на Старый новый год — 13-14 января 2009 года.

Сёрё яни — гадание на кольцах мы считаем обрядом, так как он проводится с действиями, связанными с выполнением обязательных предписаний. На проведение Сере яни традиционно каждый год собираются в доме Кольцовой (в девичестве Мироновой) Юлии Петровны, уроженки д. Абрыскино, пёр хёр в семье — она одна дочь в семье, по чувашским поверьям — одна дочь в семье обладает магической силой. До Кольцовой Ю.П. каждый год собирались в доме ее матери — Мироновой Матрены Алексеевны, 1918 г. рождения. Рассказывают, что в ее маленьком доме каждый год собирались сёрё яма - опускать кольца в воду с кувшином. Собирались до семидесяти человек. Пели песни. Когда открывали дверь, то оттуда на улицу валил пар — так было много людей [Сандрюхин]. После завершения сёрё яни все дружно садились за стол, ели принесенные с собой ййва выпечка из муки, сёнё сул кукли новогодний пирог, а также хуплу — традиционное чувашское блюдо, которой готовила хозяйка дома. Только потом расходились по домам во втором часу ночи, уже распевая масленичные песни. Тем самым они, закрыв зимнюю тематику, староновогодний обряд, открывали новый сакральный отрезок времени — масленицу. Уже с этого момента разрешается петь масленичные песни до самого окончания масленичного периода. Перед смертью Матрена Алексеевна наказала дочери: «Маруссам вилсе пётиччен сёрё яма чаранмастан» (Пока живы Маруси, не бросай (соблюдай) гаданье на кольцах) [Александрова].

Утром (днем) 13 января во всех домах чувашские женшины готовят йава - выпечку из пресной муки, округлой формы со следами срезов ножом по бокам. Йава пекутся для того, чтобы в подворье было много ягнят. К вечеру готовят прорубь в реке, чтобы взять воду для Сёрё яни гаданья на кольцах. С ведром за водой идут один или три человека — нечетное количество. Три раза перекрещивают прорубь. Воду берут из проруби с нашептыванием, просят показать правду: «Терес катарт» (Покажи (скажи) правильно, т. е. правду). Воду берут для кувшина, куда будут бросать кольца. Воду из проруби, прежде чем наполнить ею кувшин, немного подогревают. Кольца, помечают цветными нитками — каждый для себя дома выбирает цвет нитки и привязывает свой цвет к своему кольцу. Могут принести и по несколько колец — по количеству членов семьи. Когда в кувшин наливают воду, прежде чем бросить туда кольца, сначала кладут кёмёл серебро. Серебряную монету, открепив от чувашского головного убора хушпу, каждый год приносит Александрова (Никитина) Мария Федоровна, 1936 г. рождения, уроженка д. Абрыскино, носитель традиционных песен и обрядов. Кувшин ставят на стол. Кладут в кувшин с водой серебро и накрывают чистым полотенцем. Усаживаются все за стол. «Малтан ним юрламасар кемел юрри юрлассе. Хитре юра, nep юра» -В честь кёмёл серебра первой песней поют кёмёл юрри - специальную песню в честь серебра одну красивую песню. Только потом бросают кольца в кувшин с водой (их количество набирается больше ста) и поют песни - сёрё яна чухнехи юра - песни, исполняемые во время гадания на кольцах. Как говорит про эти песни Александрова М.Ф.: «Анне юррисем вёсем...» (Это песни наших матерей...). Во время исполнения песни хозяйка дома Кольцова Ю.П. перемешивает кольца в воде и достает по одному кольцу: кому принадлежит это кольцо (или в честь кого было отправлено в воду это кольцо: пришедший на обряд может опускать кольцо по несколько раз - «килшён» (за дом),

Обогащение лексики говоров северного наречия за счёт собственных ресурсов, на наш взгляд, не столь заметно и существенно.

Таким образом, лексика северного наречия коми-пермяцкого языка в последнее время подвергается большим изменениям. В ней происходит процесс архаизации лексики за счет историзмов. В пассивный словарный запас перешли и переходят названия одежды, обуви, инструментов и орудий труда. В связи с преподаванием литературного коми-пермяцкого языка в школе, изданием художественной литературы, появлением теле- и радиопередач на коми-пермяцком языке литературный коми-пермяцкий язык оказывает определённое влияние на словарный состав исследуемого наречия. Кроме того, почти все носители северного наречия (за исключением небольшой части наиболее престарелых) владеют также русским языком. Являясь билингвами, они часто непроизвольно заменяют исконные слова русскими заимствованиями. В этом отношении более уязвимыми оказались система числительных, названия предметов быта, черт характера, свойств предметов. В словарном составе северного наречия происходит утрата некоторых слов в связи с утратой определенных понятий. Происходит постепенное сужение состава носителей более или менее "чистых" говоров. В настоящее время идёт довольно интенсивный процесс выравнивания диалектных различий и распространения общих черт в лексике северного наречия. Утрачиваются наиболее "ценные" с лингвистической точки зрения специфические для региона лексемы.

Литература

Ботева Е.В. Методика изучения морфологии коми-пермяцкого языка в условиях иньвенского диалекта. Дисс... канд. пед. наук. – М., 1961.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривощекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985-624 с

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Тудвасева З.К. Становление и функционирование коми-пермяцкого литературного языка на различных этапах его существования // Наш край: Сборник научно-популярных и краеведческих статей. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2000. – С. 138–141.

Вернемся к экзоэтнониму казанских татар. По древнетюркской традиции (в «Гадательной книге» термин «князь» написан beger «правитель, вождь, бек, князь» + «мужчина, муж» [Древнетюркский: 1969, 91]) в Улусе Джучи, а потом в Ногайской и др. ордах князья и их повинности назывались соответственно бигер [Гаджиева: 1979, 12]. Данным сословно-феодальным термином первоначально выделяли золотоордынских князей, а потом и землевладельцев Арской земли. Язык (кыпчакский) и религия (ислам) князей способствовали распространению среди местного (главным образом удмуртского) населения сословного термина бигер в качестве экзоэтнонима всех татар-мусульман. В дальнейшем эти князья со своими семьями и прислугой влились в состав нового татарского этноса. Предки же удмуртов Арской даруги продолжали называть кыпчакоязычных мусульман, в том числе и ясачных, этнонимом бигер. О былом происхождении бывших служилых татар напоминало и прозвище, данное казанским татарам русскими людьми (князь).

Податное население Арской земли называлось по-разному: «аряне» (1379, 1489), «чюваша арская» (1548, а на р. Чепца – 1522), «беляк» (на р. Чепца – 1548). В Каринском стане термин «чуваша (арская)» постепенно (начиная с 1615 по 1662 гг.) вытесняется этноконфессионимом «бесермяне» [Родионов: 1984, 149-152]. Исследователи выдвинули предположения, согласно которым под «чювашей» Арской дороги следует считать либо луговых чувашей (Р.Н. Степанов), либо «какие-то группы южноудмуртского населения» (М.В. Гришкина, В.Е. Владыкин), либо ясачных татар (Е.И. Чернышов) [Гришкина, Владыкин: 1982, 24-27]. Без желания включиться в полемику следует заметить, что, во-первых, в тот период был активизирован процесс мусульманизации и татаризации как булгароязычных, так и удмурто- и мариязычных огнепоклонников с развитым культом предков; во-вторых, прикрепление названия княжества (земли) к удмуртскому этносу и обилие гидронимов, микротопонимов, ойконимов, которые объясняются только с помощью удмуртского языка, не позволяют объективному исследователю пренебрегать вышеперечисленными фактами.

Весьма длинное предложение составлено мною с целью логического перехода к анализу следующего слова: *Арча* «название современного поселка городского типа, центра Арского района Республики Татарстан» (тат., удм.). При этимологизации данного ойконима большая часть исследователей в той или иной степени увязывает его с удмуртским экзоэтнонимом *ар* (так называли своих соседей прежде всего казанские татары). Некоторые ученые объясняют происхождение данного слова с помощью татарского языка. Наиболее правдоподобной из них представляется гипотеза В.И. Алатырева, допускающая составление данного ойконима из татарских слов *арт* «задняя, северная сторона (по отношению к одному из основных культурно-экономических и политических центров булгар – г. Казани)» и именного аффикса -ча [Алатырев: 1988, 166]. Но заметим, что -ча в татарском языке является не именным, а наречиеобразующим аффиксом: *ар* «удмурт» + ча «по-», т.е. «по- удмуртски». Не убедительно предположение учёного «о лёгком превращении» татарского *Арча* в Арск. Обычно русский аффикс -*ск*, как этимолог сам замечает, присоединяется гидронимам: *Свижск* < р. *Свияга* + афф. -*ск*, *Цивильск* < р. *Цивиль* + афф. -*ск*, *Кокшайск* < р. *Кокшага* + афф. -*ск* и т.д. Кстапи, в районе расположения Арской земли (даруги) немало гидронимов, ойконимов и других топонимов с основой *ар* [Шутова: 1987, 125-126].

Наиболее перспективным подходом к данной проблеме являются, очевидно, попытки совместного изучения происхождения слов с основой *ар: ар* (этноним), *Ар* (гидроним) и *Арча* (ойконим). В этом отношении определенный интерес представляет статья К.С. Белых: [Белых: 1996], который в ней приходит к следующему выводу: «Земли же, расположенные севернее, за Камой, булгары вполне могли назвать словом *ару* в значении «та, другая сторона, тот берег; заречье». Тогда же или позднее данный термин был перенесен булгарами и их потомками – чувашами и татарами – и на жителей этих земель, предков южных удмуртов» [Белых: 1996, 92]. Далее исследователь предлагает такую последовательность образования этнонима: *ару* «название жителей правобережья Камы» > *арлар* «жители правобережья Камы» (переход аппелятива в этноним»).

Как мне представляется, образование гипотетического слова *ар(у)лар* от *ары* (в тат.: 1) «туда, дальше»; 2) «после»; 3) «больше, сверх») является совершенно невозможным. По крайней мере, я не знаю примера превращения наречия в существительное путем выпадения только одного гласного звука. Образец, приведенный автором (*аръяк* «та, другая сторона; тот берег») говорит о том, что новое существительное может быть образовано только по модели «наречие + существительное» > «новое существительное». Наречие *ары* без существительного *як* никогда не могло бы иметь содержание «та, другая сторона; тот берег».

Вернемся к ойкониму *Арча*. Русский вариант термина наталкивает исследователя к мысли о его гидронимной основе. Не только данный ойконим, но и словосочетание «Арская земля» безусловно

составлено по модели: «река + территория вокруг бассейна и притоков данной реки» (ср.: Вятская земля < р. Вятка + бассейн данной реки с ее притоками). В таком случае и образование экзоэтнонима *ар* возможно объяснить подобным способом. Известно, что названия водных объектов первичны, а этнонимы и антропонимы, как правило, вторичны [Куклин: 1998, 56].

В своей весьма интересной книге М.Г. Атаманов ссылается на работу одного татарского исследователя [Бахши: 1993], в которой якобы пишется, что «р. Казанка раньше называлась Apcy «удмуртская река» [Атаманов: 2001, 197]. В таком случае образование названия г. Арска, расположенного на берегу реки, от названия реки Ap вполне допустимо. Но его следовало бы перевести как «город, расположенный на реке Ap», а не так, как объясняет М.Г. Атаманов. Выглядело бы вполне естественным, если бы и название населения бассейна реки Ap имело отгидронимное происхождение. Возможно, первоначальное название р. Казанки (Ap) было дано азелинским населением края (ср. финно-угорские слова с основой ap [Алатырев: 1988, 113-114]). В дальнейшем булгары перенесли название реки и территории ее бассейна на самих жителей – предков удмуртов. Но в таком случае как объяснить превращение Ap в Apua?

В русском языке слово «страна» образовано от существительного «сторона». Поэтому летописные словосочетания «Горная сторона» (чув. $\mathit{туçu} > \mathit{туça}$), «Луговая сторона», скорее всего, подразумевают их определенную административно-территориальную целостность. Такой единицей была и Арская земля в значении «население и территория бассейна реки Ap ». Город, расположенный на Арской земле, если там проживали и булгары, должен был иметь название $\mathit{Ap} + \mathit{çu} \; \mathit{яль} \;$ «город на Арской стороне». В дальнейшем данный ойконим упростился: $\mathit{Apçu} > \mathit{Apça} \; (\mathit{яль})$. Кыпчакоязычные беги и служилые люди булгарское словосочетание $\mathit{Apça} \;$ стали произносить как $\mathit{Apva} \; (\mathit{кала})$; оно вошло в субстратную лексику тагарского языка, подобно $\mathit{uypane} \; (<$ булг.-чув. $\mathit{сурйлий} \;$ «половинчатый»), $\mathit{uupma}, \mathit{uuepma} \; (<$ булг.-чув. $\mathit{сыpma} \;$ «овраг»), употребляемых чаще всего тагарами Заказанья.

Итак, в результате рассмотрения этнонима *бигер* и ойконима *Арча*, а также реконструкции этнополитической ситуации и социокультурной организации в государственных образованиях региона в X-XVI вв. необходимо сделать определенные обобщения и наметить перспективу волнующей нас проблематики.

- 1. В лексике удмуртов (прежде всего бывших жителей Арской земли) сословный термин *бигер* утвердился в процессе колонизации их этнотерритории кыпчакоязычными золотоордынцами (в первую очередь князьями-землевладельцами и их приближенными).
- 2. В условиях исламизации и кыпчакизации местного населения (как удмуртско-марийского, так и булгаро-чувашского) сословный термин *бигер* трансформировался в этноконфессионим, а потом и этноним.
- 3. Татарское название современного поселка Арск (Apua) представляет из себя кыпчакизированный булгарский ойконим, образованный по модели «сторона (страна) + поселение»: Ap çu «Арская сторона» + яль «поселение, село» (ср.: Ty çu «Горная сторона»). В татарском варианте данный ойконим первоначально звучал как Apua kana.

Перспективу дальнейшего углубления проблематики настоящей статьи я вижу в поисках этимологии гидронима Ap, от которого образовались как экзоэтноним удмуртов, так и название этнотерритории Арской земли. Имеющиеся факты позволяют допустить, что гидроним Ap имеет финно-угорское происхождение. Булгарская традиция называть население по названиям водных бассейнов способствовала утверждению со временем как этнонима (ap), так и ойконима (Ap va).

Литература

Алатырев: 1988 – *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. / В.И. Алатырев. – Ижевск, 1988.

Атаманов: 2001 – Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов / М.Г. Атаманов. – Ижевск, 2001.

Белых: $1996 - Белых C.\Gamma$. Еще раз об этнониме ар / С.Г. Белых // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола. – 1996. - № 3. - C. 86-93.

Гаджиева: 1979 – *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев / С.Ш. Гаджиева. – М., 1979.

Гришкина, Владыкин: 1982 – *Гришкина М.В., Владыкин* В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX-XVII вв. / М.В. Гришкина, В.Е. Владыкин // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 3-42.

Древнетюркский 1969 – Древнетюркский словарь. – М., 1969.

Егоров: 2001 — *Егоров Э.Н.* Пространственно-хронологическая динамика этнонима булгар и некоторые проблемы этнополитической истории волжских булгар / Э.Н. Егоров // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: Матер. междунар. конф. Чебоксары, 4-6 октября 2001 г. – Чебоксары, 2003. – С. 128-157.

определенной обстановке, например, в школе на уроках коми-пермяцкого языка или при разговоре с носителями южных диалектов. Носители диалектов северного наречия хорошо знают и воспринимают в чужой речи литературные соответствия и при необходимости разъяснить диалектное слово нередко вводят их в свою речь.

2. Переход в разряд архаичной лексики происходит также под влиянием русского языка. Например, слово воктыны 'брезговать' встречается только в речи старшего поколения, среднее и молодое поколения употребляют заимствование брэзгуйтны 'брезговать'; кот' 'ток, место, где токуют птицы' на данный момент также заменяется заимствованный лексемой ток 'тж', исконная лексема молодым носителям северного наречия уже неизвестна. Процесс утраты исконных наименований и замена их русскими заимствованиями происходит довольно интенсивно. Так при сборе материала для КПРС Р.М.Баталовой и А.С.Кривощёковой-Гантман было зафиксировано и включено в словарь большое количество исконных слов северного наречия, на сегодняшний день уже отсутствующих в речи современных носителей северного наречия. Приведем несколько примеров: бабашорика сев. 'пугало (на огороде)' [КПРС: 23], пэлыс', пэлыс' пу диал. 'рябина' [КПРС: 329], рок диал. сев. 'каша' [КПРС: 408], тиог сев. 'жир, сало' [КПРС: 497], шуд сев. 'счастье', шуда сев. 'счастливый' [КПРС: 569] и другие. Справедливости ради следует отметить, что шуда употребляется в одном из говоров северного наречия как прозвище, а слово тысу со значение «толстый, жирный».

Коми-пермяки живут в соседстве с русским населением и даже вперемешку. Поэтому в их речи, особенно в речи среднего и молодого поколений, исконные слова заменяются русскими, часто без всяких на то оснований. Так, в речи одного из наших информаторов мы услышали фразу: *Болотовас кл'укваысла вэтлит жö н'и?* (На болото за клюквой сходили уже?), которая сразу же была дублирована исконным вариантом: *Туримол'ысла н'ур вылас вэтлит жö н'и?* (тж). Данные примеры свидетельствуют о том, что носители северного наречия знают исконные слова, но живя в русском окружении и являясь билингвами, часто непроизвольно и даже незаметно для себя пользуются русскими соответствиями.

Архаизация исконных слов, в большей степени специфичных, происходит еще по одной причине, которую можно назвать утратой определенных понятий, то есть из человеческого сознания "выпадает" какое-либо понятие и вместе с ним, естественно, перестаёт употребляться соответствующая лексема. В качестве примера приведем употребляющийся в чураковском, левичанском и чазевском говорах глагол гыблины. Как объяснили нам информанты, слово гыблины называет процесс, при котором какую-либо емкость (сито, ведро, миску) с чем-то рассыпчатым (напр., с ягодами) двигают по кругу до тех пор, пока мусор не соберется в центре. Данное действие производится в настоящее время очень редко и только престарелыми людьми, следовательно и наименование действия встречается в речи пожилых носителей упомянутых говоров. Процесс утраты понятий в большей степени касается действий и признаков: гулыт 'ровный, чистый, звонкий, гулкий (о лесе)', гырдос'мыны 'налиться кровью (о глазах)', кортмалны 'обмениваться товаром' и другие. Данному процессу подвергаются в основном, узколокальные однозначные лексические единицы.

Речь старшего поколения, не знакомого с коми-пермяцким литературным языком и в недостаточной степени владеющего русским языком, отличается от речи диалектоносителей среднего возраста и молодёжи. Состав носителей "чистых" говоров постоянно сужается, что сказывается на их функционировании. Наиболее типичными сферами использования более или менее "чистого" диалекта являются семья и разные ситуации непринуждённого общения односельчан (преимущественно старшего поколения) друг с другом.

Пополнение словарного состава северного наречия в настоящее время происходит за счёт распространения русских заимствований и интернационализмов, проникающих посредством русского языка. Современные заимствования не имеют локальных особенностей употребления в говорах северного наречия и в коми-пермяцком языке в целом, что также способствует нивелировке диалектного своеобразия.

Федосеева Елена Николаевна (г. Сыктывкар)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Изменения в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка наиболее значительный характер приняли после 1917 года, когда "несмотря на противоречивость и сложность дальнейшего пути, коми-пермяцкий народ получил возможность для развития своей культуры, просвещения, письменности, выработки литературного языка, издания учебной и художественной литературы на нем" [Тудвасева: 2000, 138].

Диалектная лексика северного наречия отчетливо представлена в двух группах специфичных слов. Первую группу образуют диалектные единицы, общеупотребительные на данной территории и активно функционирующие в речи населения независимо от возраста — так называемый *активный словарный запас*. Приведем несколько примеров: *пориас'ны* 'обманывать', *матшка* 'свекровь', *бал'ан'ан'а // бал'ан'ан'* 'жимолость', *дойка* 'прыщик, короста', *чил'котны* 'доить', *мэд* 'пусть, пускай', *н'ап* 'шиповник; ягоды шиповника', *кос'ас'ны* 'драться' и другие.

Вторую группу образуют диалектные единицы, *переживающие процесс архаизации*. Это слова, которые постепенно уходят из диалектов и сохраняются в речи только определенной группы населения, как правило, старшего поколения, то есть слова, уже перешедшие или переходящие в разряд пассивных.

Причины и формы архаизации различны. Во-первых, это уход из быта предмета, названного диалектным словом, и соответственно самого слова. Это так называемые *историзмы*. В разряд устаревших перешли не только отдельные словарные единицы, но и целые лексические пласты, отражавшие старый уклад жизни. Из активного словарного запаса в разряд диалектных историзмов перешли: 1) названия одежды и обуви, их частей: *пагол'* 'чулки или носки, связанные без следка', *лаз* 'предмет одежды охотника', *моршэн'* 'женский головной убор', *чакчури* 'женская обувь типа ботинок', *ком* 'специальная обувь для надевания лыж'; 2) наименования предметов быта: *суланджэк* 'приспособление типа табуретки для обучения ребенка ходьбе', *сунлабич* 'полка в кухне' и т.д.; 3) наименования орудий труда: *мутовка* 'примитивная мельница' и т.д. История подобных слов отражает процессы социальной перестройки деревни.

Во-вторых, в разряд устаревших постепенно переходят собственно диалектные слова, которые принято называть архаизмами. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение: "*Архаизмы* – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами" [ЛЭС: 540].

При анализелексики северного наречия коми-пермяцкого языка мы выявили две основные причины перехода собственно диалектных слов в разряд архаизмов: 1) влияние литературного языка; 2) влияние русского языка.

1. За основу коми-пермяцкого литературного языка был взят один из диалектов южного наречия – кудымкарско-иньвенский. Е.В.Ботева отмечала, что "Иньвенец мог найти в литературе свою лексику, свои нормы употребления в и л, а косинец, гаинец и кочёвец в ней своего не находил ничего" [Ботева: 1961, 13]. Влияние литературного языка особенно заметно в речи молодого и среднего поколений, представители которых воспринимают литературную речь через школьное образование, художественную литературу, прессу, радио и телевидение.

В исследуемом наречии иногда встречается сосуществование литературных и местных наименований предметов, явлений, качеств, действий. Приведем несколько примеров: диал. h'an – лит. жэл'нöг 'шиповник', диал. $n\"op\~uac'ны$ – лит. $б\"oб\~ouvuhhu$ 'обманывать', диал. koc'ac'hu – лит. mumkac'hu 'драться'. Однако, одни из них имеют неограниченную сферу употребления (h'an — x'ouvuhu), а другие ($n\"op\~uac'hu$) — b'odouvuhu) используются только в

Исхаков: 1980 — *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско-тюркского этносов / Д.М. Исхаков // Изучение преемственности этно-культурных явлений — М., 1980. — С. 16-38.

Куклин: 1998 — *Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона (Историко-этимологический анализ) / А.Н. Куклин. — Йошкар-Ола, 1998.

Родионов: 1984 — *Родионов В.Г.* Этнокультурные черты и история бесермян как свидетельства булгарочувашской преемственности / В.Г. Родионов // Болгары и чуваши: Сб. ст. НИИЯЛИЭ при СМ Чувашской АССР. — Чебоксары, 1984. — С. 140-154.

Родионов: 2008a - Родионов В.Г. О системах эндо- и экзоэтнонимов народов Урало-Поволжья/ Научный доклад, сделанный на VII Международном симпозиуме «Языковые контакты Поволжья». Казань, 2-3 июля 2008 г. / В.Г. Родионов. — Казань, 2008 . — 12 с.

Родионов: 2008б — *Родионов В.Г.* К истории возникновения и утверждения этнонимов *бигер*, *бесермян* и *чуваш* / В.Г. Родионов // Ашмаринские чтения — VI: Материалы Всерос. конф., проходившей 17-18 октября 2008 г., г. Чебоксары./ В.Г. Родионов. — Чебоксары, 2008. — С. 169-179.

Татарская: 2002 – Татарская энциклопедия. Т.1. – Казань, 2002.

Татары: 2001 – Татары. – М., 2001.

Шутова: 1987 — *Шутова Н.И.* К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н.э / Н.И. Шутова // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. — Ижевск, 1987. — С. 114-132.

Родионова Эльвира Ильинична (Шупашкар хули)

М.Р. ФЕДОТОВ – ИЛЕМЛЁ САМАХ ХАКЛАВСИ

М.Р. Федотова тёрлё халах синче, аслалах тёнчинче чи малтан пултарулла та акадмилле пёлуллё чёлхесё пек пёлессё. Ку саплах ёнтё. Сав хушарах унан сырас мехелёпе хевтийе чёлхе тёпчевёнчен анларах та туллирех-хаватларах иккенне пурте чухласах каймассё-ха. Чулхулари ют чёлхесен педагогика институтёнче нимёс тата акалчан чёлхисене тараннан вёреннё сулсенчех (1951-1953) вал Г. Гейнен пултарулахне тёпчесе курс ёсё сырать, вёрентекенсен мухтав самахне тивёсет. 1956 султа М.Р. Федотов Х. Паасоненан кёнекине хакласа тёплё рецензи шарсалать, ана «Таван Аталта» «Чаваш йалисемпе поэзийё» ятпа пичетлесе каларать (1956. — 4 №. — 116-118 с.).

Чаваш чёлхин палла тёпчевçи çав çулсенче илемлё хайлавсене хаклас ёçе те кулёнет. Кунта чи малтан унан Митта Ваçлейён икё кёнекине хак парса çырна ёçёсене аса илмелле. Пёрремёшё «Митта Ваçлейён «Камалтан» сава кёнеки çинчен» (Ялав. − 1958. − 6 №. − 30-31 с.), иккёмёшё «Митта Ваçлейён «Камалёпе шухашё» (Таван Атал. − 1959. − 4 №. − 93-96 с.) ятсемпе кун çути курна.

XX ёмёрён 50-мёш сулёсен вёсёнче пирён сёршывра уссанлах тапхарё вай илсе пыма пуслать, унан ыра енёсем Чаваш сёрёнче та паларассё. Чи малтанах айапсар шар туснё те хур курна сыравсасен ячёсене ырапа асанма тытанассё, вёсен ёсё-хёлне турре каларма пусанассё. Саван йышши шар курнисен шутне Митта Васлейне те кёртмелле. Шел пулин те, сак чавашлахшан чунне пама хатёр пулна савапла сыннамара ун чухне те сётёлтерес, салтавсар тарахтарас текенсем тупансах тана. Хашё саваса национализм сёрёмёпе аптарана, халахамартан уйралса кайна тесе каллех айаплама хатланна, тепри ана «киве, тёшмёшле самахсене вылятса паянхи поэзи программи туса хатланнашан» юнана. Виссёмёшё Миттан «Висё хават» саввине «ансартран сес сурална япалапа» танлаштарать, урамри урна йыта пек урмашать. Сак лару-тарура Миттамаран темён те туссе курна, тёрме сулёсенче хавшана вёри чёри тапма чаранать...

Митта Ваçлейне элеклекенсене чи малтан Петёр Хусанкай вырăна лартать. «Пуҫкăшăль вырăнне» ятлă ёçёнче (Ялав. $-1958. -3 \ N_{\odot}. -28-29 \ c.$) вăл 30-мёш çулсенче çав çынсем хăйсен ёçтешёсене çине-çинех сутнине аса илет, вёсен ёçне çапла хаклать: «Çапла кăна ăнланма пултаратпăр эпир кун-çулăн хурçă ака пуçё йёрёнчёк ăмана каснă пек касса таптаса кайнă ирсёрсен ылханлă ёçне. Вёсен ятне асăнса вараланма́пар та».

«Ялавăн» çав çулхи 6-мёш номерёнче М.Р. Федотован маларах асанна хаклаве пичетленсе тухать, ана автор Митта Васлейен таса ятне варалакансене хиреслесе сырни сисенет. «Ан тив, поэт сахалтарах сырна пултар, анчах хальчченхи ес — ылтан ала та кавар чере есе; ун сумне тутах сыпасайме», — тесе веслет М.Р. Федотов хайен хаклавне.

Иккемеш хаклавенче пирен тепчевсемер Митта Васлейен оппоненчесен саввисене теплен саварать, весен айаплавесене сире-сире парахать. Унта вал ака менле таран шухаш палартать: «Савассем, сыравсасем хайсен илемле произведенийесенче пирен пурнаса илемлетчер, пире хумхантарччар, тавлаштарччар, меншен тесен «пурнас сакки сарлака», унта пурин валли те, кашнин вай-халне кура, выран та, ес те сителекле» (96 с.).

«Пурнаў сакки сарлака» тенинче илемлё хайлавсене пёр меслет (социализм реализмё) кусёпе сес пахса хакламалла мар тени те пур-тар. Тен, сав сулсенче Г. Айхин «Пёр пуля синчен сырна баллада» хайлавне тиркешекенсене хирёслесе хуравлани те варанна сав йёркесене? Каярах М.Р. Федотован Г. Айхи ёсё-хёлне ырласа сырна ёсёсене шута илсен, вал сав 50-мёш сулсенчех ана «хёртекенсен» ёсёсене сивленён туйанать.

М.Р. Федотова чăваш чĕлхине çÿпĕлекен çыравçăсем вĕçĕмсĕрех тарăхтарнă, чылай хаклавне вăл çавăн йышшисен ĕçĕсене питлес тĕв туса çырнă. Тĕпчевçĕ нумай чĕлхе пĕлнĕ, çавна май ют çĕршыв çыравçисен хайлавĕсене вăл тÿррĕн куçарнă. Шел пулин те, çавăн йышши куçаруçăсем чăвашсен хальлĕхе йышлах мар.

различным предметам, в том числе и по татарскому языку. Целью тестирования было выявление уровня подготовленности русскоязычных учащихся по основным разделам татарского языка (фонетика, орфография, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, пунктуация, нормы речи). Тестовые контрольно-измерительные материалы были разработаны в соответствии с программой общеобразовательной школы и действующими учебниками. При их создании, во-первых, соблюдались такие критерии качества, как валидность, корректность, дифференцирующая способность; во-вторых, учитывалось соответствие тестовых заданий таким дидактическим принципам, как научности, систематичности, объективности и др. [3].

Итоги тестирования показали, что, в целом, учащиеся справились с предложенными заданиями. Среди них наиболее легкими оказались следующие тесты: по орфографии - найдите предложение с орфографической ошибкой (72,13 %); в каком ряду во всех словах пишется буква ... (80,17 %); по лексике - найдите слово, относящееся к теме ... (85,43 %); найдите лишнее слово (80,47 %); по морфологии - найдите слово, к которому присоединяется аффикс ... (80,98 %) и т.д. Во всех классах вызвало затруднение работа с микротестом (расположение предложений в логической последовательности, нахождение в них определенных грамматических форм). Также сравнительно низкий процент был получен по таким фонетическим заданиям, как найдите слово, в котором больше звонких звуков (42,47 %); найдите слово, в котором ударение падает на первый слог (40,13 %); по морфологии - найдите лишнее местоимение (49,31 %); найдите неверное утверждение (47,76 %); по синтаксису - найдите сложноподчиненное предложение (49,23 %) и т.д. Полученные результаты показали, что необходимо вести целенаправленную работу по внедрению тестовых технологий в учебный процесс.

Подводя итог, можно заключить, что внедрение интерактивных тестов в учебный процесс продолжает оставаться одной из актуальных дидактических проблем, от решения которой зависит, станет ли преподавание татарского языка русскоязычным учащимся технологичным и отвечать требованиям времени.

Литература

- 1. Компьютерный контроль знаний (локально и дистанционно): Учебное пособие /И.Х.Галеев, В.Г.Иванов, Д.Л.Храмов, О.В.Колосов. Казань: КГТУ, 2005.
- 2. Программа по татарскому языку для русскоязычных учащихся. 1 11 классы /Составители: Сафиуллина Ф.С., Фатхуллова К.С. Казань: Магариф, 2003.
- 3. Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы. / Под общей ред. Т.М.Балыхиной. М., 2003.

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна (г. Казань)

СИСТЕМА РАЗРАБОТКИ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕСТОВ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ

В соответствии с учебной программой, по каждому предмету, в том числе и по татарскому языку, предусмотрены тематические, промежуточные и итоговые контрольные работы. Система педагогического мониторинга во многом зависит от специфики изучаемого материала, следовательно, содержание обучения определяет методику организации контроля как одного из важнейших этапов учебного процесса. Практическая значимость контроля заключается в том, что при его проведении обобщаются и систематизируются знания и навыки учащихся, активизируется их коммуникативная деятельность. В последние годы одним из наиболее инновационных методов оценки знаний являются интерактивные тесты, которые позволяют получить объективную информацию об уровне подготовки русскоязычных учащихся по татарскому языку. Как отмечается в методической литературе, тест выступает «как инструмент, состоящий из квалиметрически выверенной системы тестовых заданий, стандартизированной процедуры проведения и заранее спроектированной технологии обработки и анализа результатов, предназначенных для измерения качеств, свойств личности, изменение которых возможно в процессе систематического обучения» [1]. В отличие от традиционных методов контроля, которые не всегда позволяют адекватно оценить знания учащихся, интерактивное тестирование имеет ряд преимуществ: обеспечивает технологичность процедуры проведения проверки, правильное и быстрое восприятие содержания задания, объективность оценки результатов, максимальный охват учебного материала по предмету и однотипность заданий; дает возможность сопоставить уровень знаний учащихся различных школ и уровень организации учебного процесса по данному предмету у разных учителей; обеспечивает беспристрастность процедуры проведения педагогического контроля; исключает субъективизм учителя, проводящего проверку; избавляет учителя от необходимости распечатывать тесты и проверять их вручную. К числу достоинств тестового компьютерного контроля нужно отнести и то, что ученики, во-первых, имеют возможность сразу после испытания узнать свои оценки; во-вторых, эти показатели являются прозрачными для всех участников и, в-третьих, появляется оперативная информация об успеваемости каждого ученика. Компьютерное тестирование, как и традиционные формы педагогического контроля, выполняет ряд дидактических функций: обучающая функция (определяет уровень усвоения учащимися языкового и речевого материала); диагностическая функция (выявляет пробелы в знаниях учащихся и позволяет принимать решения по их ликвидации, а также по совершенствованию учебного процесса); воспитывающая функция (при правильной организации и систематическом использовании активизирует навыки самоконтроля и самооценки, формирует дополнительные стимулы к обучению); развивающая, обобщающая, прогностическая и т.д. Говоря об актуальности мониторинга качества знаний учащихся с использованием инновационных технологий, мы принимаем во внимание и то обстоятельство, что создание тестовых заданий по татарскому языку и проведение на их основе систематического контроля, позволяет объективно оценивать соответствие уровня коммуникативной компетенции учащихся требованиям программы [2]. Учителя признают, что использование компьютерных тестов обеспечивает полноту, оперативность, достоверность, доступность и своевременность информации об уровне знаний в учащихся по татарскому языку.

Тесты используются в педагогической практике уже давно. Впервые они были применены еще в 1864 году англичанином Д.Фишером. Основоположником же тестологии считается Д.Гальтон, разработавший и применивший тесты для оценки индивидуальных особенностей человека. Сам термин тест (в перев. с англ. — испытание, проба) был введен в научный оборот в 1890 году американским психологом Д.Кеттелом, который создал тестовые задания для измерения интеллектуального уровня личности [3]. Таким образом, используемые сегодня компьютерные тесты являются новым этапом в развитии методов диагностики. Основу технологии массового тестирования составляют единая технология разработки педагогических измерений, единая технология сбора и обработки результатов тестирования. Как результат мы получаем динамику формирования системы языковых знаний и речевых навыков учащихся по татарскому языку, а также наглядную картину эффективности применяемых учителем методов организации учебного процесса.

Опыт проведения компьютерного тестирования учащихся по татарскому языку имеется и в нашей республике. В 2007 году Министерство образования и науки РТ впервые проводило интерактивное тестирование учащихся 9–11 классов общеобразовательных школ Республики Татарстан по

М.Р. Федотов халăхăмăр пурăнăçĕпе тарăн кăcăкланнине, унăн шăпишĕн пăшăрханнине вăл çырнă публицистикăллă статьясем те лайăх ĕнентереççĕ. Тĕпчевçĕн вырăсла хайлавĕсенче çaкă уйрăмах вăйлăн палăрать.

Хайён пёр аса илёвёнче М.Р. Федотов çапла калана выран пур: «Мана финн асчахё Хейкки Паасонен 1949 султа Хельсинкире каларна «Чаваш йали-йеркисемпе халах самахлахё» кёнекене чавашла куçарса пама хушрёс. Çак кёнеке питё камала килчё. Куçарса пётерсенех эпё ана Митта Васлейне кайса катартрам. Вал ун чухне «Таван Атал» альманах редакцийёнче ёслетчё. Вал та хёпёртесе кайрё, манран сак кёнеке пирки статья сырса пама ыйтрё. Сырса патам вара. Кёсех пичетленсе те тухрё. Сака пулчё пуль манан чаваш темипе сырна пёрремёш ёсём. Савантан пусланса кайрё вара... Митта пехилё пусам сине ўкрё пуль-и?..»

Çапла вара, М.Р. Федотов пултарулах Митта пехилёпе паркаланна темелле. Вёрентекен емерен пехилё паянхи чаваш хастарёсен пусёсем сине сусах татарчче!

Сабитова Ильхамия Исламутдиновна, (г. Казань)

ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Системность лексики обеспечивает объединения слов, сгруппированных по сходству тех или иных смысловых признаков. К группировкам слов, обладающих системообразующими свойствами, относятся лексико-семантические и тематические группы. Объединения двух или нескольких слов по их лексическим значениям представляют собой лексико-семантические группы. А объединения слов, основывающихся не на лексико-семантических связах, а на классификации самих предметов и явлений образуют тематические группы.

Обе группы отражают познанную объективную деятельность и любая лексико-семантическая группа входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь её основной частью. Исследования особенностей тематических групп слов показывают, что между словами тематических групп существуют разноообразные языковые связи, которые подлежат линегвистическому анализу.

Исследование тематических групп лексики имеет большое значение для системного описания словарного состава татарского языка. В нашей статье анализу подвергаются словообразовательные цепочки словообразовательных гнёзд с исходными словами, обозначающих части тела человека, которые образуют отдельную тематическую группу. Большинство слов этой группы входят в основной лекческий фонд татарского языка, принадлежат к числу наиболее устойчивых, являются частотными словами в условиях общения.

Слова-соматизмы относятся к разряду имён существительных, характеризуются стилистической нейтральностью.

В эту группу входят слова, называющие части тела в их внешнем проявлении: баш "голова", кул "рука", аяк "нога", борын "нос", бит "лицо", күз "глаз", авыз "рот", колак "ухо", бармак "палец", муен "шея", янак "щека", эч "живот", теш "зуб", тел "язык" и т.д. (всего 16 наименований). Для анализа словообразовательных цепочек данной группы взяты наиболее употребительные, частотные слова (исключены малоупотребительные слова, слова терминологического характера, типа балтыр "голень", бот "бедро", табан "ступня", укчә "пятка" и т.д.).

Словообразовательная цепочка является одной из комплексных единиц словообразования. По определению С.А.Тихонова, под словообразовательной цепочкой понимается "ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной производности" [Тихонов 1970: 264].

Словообразовательная цепочка имеет специфическую формальную и смысловую структуру. Цепочки, будучи производными, сложными единицами связаны, с одной стороны, с более простыми словообразовательными единицами, такими, как производное слово, словообразовательная пара, словообразовательный суффикс, словообразовательный формант, с другой стороны, они входят в состав более сложной словообразовательной единицы – словообразовательного гнезда.

Для каждого гнезда с исходным словом соматизмом характерен определённый набор и количество словообразовательных цепочек. Наибольшее количество словообразовательных цепочек в гнезде с исходным словом баш "голова" (35), наименьшее — яңак "щека" (1). С точки зрения формальной структуры различаются двучленные (или бинарные) и многочленные (или полинарные) цепочки. Бинарные цепочки включают в себя исходное слово и его производное. Каждое анализируемое словообразовательное гнёздо содержит разное количество бинарных словообразовательных цепочек: яңак — яңакла(у); теш — тешчэ; борын — борынла(у); бит — битлек; беләк — беләк-сә; бармак — бармакча; аяк — аяклы; авыз — авызсын; баш — башча; арка — аркалык; тел — телгеч; жсилкә - жсилкелә(у); муен — муенса; колак — колакса; кул — кулса; йөз — йөзлә(у) и т.д.

Полинарные цепочки, как правило, состоят из трёх или четырёх и редко более компонентов: муен - муенчак - муенчакла(y); кул - култык - култыкла(y); йөз - йөзсез - йөзсезлән(y); kyз - kyзə(y) - kyзəm(y) - kyзəm(y) - kyзəm(y) - kyзəm(y) - kyзəm(y) - mелән(y) Этот член словообразовательной цепочки может выступить производящим для следующего слова и т.д.: <math>mеләh(y) - mеләнче; mеләнче - mеләнче - mеләнчелән(y). В каждом словообразовательном гнезде бинарные цепочки составляют большинство из общего количества всех словообразовательных цепочек. Например, в словообразовательном гнезде с исходным словом konak "konak" из 8 словообразовательных цепочек 6 составляют бинарные цепочки; в в словообразовательном гнезде с

Далее, как бы продолжая высказывание А.Н.Самойловича, Р.Г.Ахметьянов в своем «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» словарную статью по интересующему нас названию дня недели оформил так:

шимбэ «суббота» — фарсы. *шэмбә, шәндә* «шимбә» сүзеннән (фактически означает «семидневная неделя» и реально существует ныне у мусульман, христиан... рус. *суббота*, др.-слав. *самбата*, румын. *sambata*, венг. szambat, латин. sabbatum ~ грек. саббатон, араб. сабтун, др. - евр. шаббат «шимбә (суббота), шабат, «семидневная неделя». Корень слова-семит. смг «состоящий из семи» (ср. араб. саб^сат-ун «семерка»); с другой стороны, это слово в древнем Вавилоне называлось как *шаммаш* «бог солнца» (ср. араб. шәмс «солнце»; значит: *шимбә* «День поклонения Богу Солнца» [Ахмет., 2001, 249].

Таким образом, дни недели в системе календаря, с одной стороны, имеют статус, аналогичный месяцам и являются единицами системы, а с другой они обозначают реальные длительности. Если приравнять какой-нибудь день, например, *тунтикун* понедельник к суткам, то промежуток времени будет равен 24 часам, продолжительности дня и ночи. Если же *тунтикун* понедельник приравнять только ко дню (светлому отрезку времени дня), то количественный состав в часах будет разниться в зависимости от времен года, то же самое нужно сказать о словосочетаниях *тунти кас* «вечер на воскресенье»; вырсарни кас «воскресный вечер».

Литература:

- 1. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р.Г. Ахметьянов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 249 с.
- 2. Вишневский В.П. О религиозных поверьях чуваш / В.П. Вишневский // Хрестоматия по культуре чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары, 2001. С. 231-254.
- 3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. Ч-Я / В.И. Даль. М.: Рус. яз., 1998. 352 с.
- 4. Димитриев В.Д. Старинный чувашский календарь и единицы измерения / В.Д. Димитриев. Чебоксары, 1992. 29 с.
- 5. Романов Н.Р. Чувашский народный календарь / Н.Р. Романов // Ученые записки/ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 237-244.
- 6. Федотов М.Р. О названиях дней у чуваш / М.Р. Федотов // Ученые записки/ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 245-260.

адине. А соседи хазары, исповедовавшие ислам, заставили чувашей-булгар праздновать иудейскую шаббат (саббат). Затем и вырас эрни күнё – вырсарникун также стал праздничным.

Вырисовывается весьма интересная картина: пришельцы или расы, занимающие господствующее положение, в принудительном порядке заставляли чуваша-труженика праздновать свои праздники, и притом еженедельно, и не добавив при этом ни одного «рабочего дня»: *тунтикун кун тунй кун* чисто чувашский рабочий день недели и вряд ли при этом возможно взять на вооружение «заманчивое объяснение», что чув. *тунти* от удм. *туно* «ворожея», т.е. «день ворожбы», «день который, проводится у колдуна», при этом чувашин опять был бы оторван от работы. Далее: *Ытларикун ут ларни кун*, «т.е. нынешние предки чувашей, мари, удмуртов, а также часть мордвы, мишар..., входившие в Булгарское государство, бросив полевые работы, садились на коней по приказу булгарских военноначальников» [Федотов, 1962, 256], т.е. опять этот день являлся нерабочим.

Обратимся к названиям дней недели русского календаря.

Понедельник. Общеслав. образовано суффиксацией предложно –падежной формы *по недели* – «после воскресенья». Слово **неделя** образовано на базе словосочетания *не делати*. Первоначально – «день отдыха», т.е. праздничный день.

Вторник < от *въторъ* «второй» + суф. *-ник*, букв. второй день недели.

Среда – «серединный день», родственно со словами сердце, середина.

Четверг от четыре, т.е. четвертый день недели.

Пятница от пять, т.е. пятый день недели.

Суббота < ст. см. яз < греч. sabbaton < др.-евр. Корень тот же, что в слове *шабат*. По В.И. Далю: «Суббота — еврейский по Ветхому Завету седьмой, праздничный день недели (откуда и наше *шабаш, шабашить*), а затем и всякий ветхозаветный праздник, иудейский праздничный день» [Даль, IV, 352]. Иудейский *шаббат* (саббат) был седьмым днем недели, т.е. праздничным.

Если *пятница* (или *пяток*) у русских был пятым днем, значит, в древности в место субботы у них был другой языческий день.

Названия дней недели: *душамбе, сишамбе, чаршамбе, панжешамбе, жомга, шимба, якшамбе*, которыми пользуются современные татары, заимствованы из мусульманскоперсидской системы календаря. Во всех названиях вторым элементом выступает *шимба - шамбе*, а в названии «пятницы» он выступает в виде *жомга*. Случайно это или нет? Пока мы не знаем, но можно предположительно сказать: *душамбе* букв. второй день недели (по данным Э.М. Мурзаева) – это значит, что раньше *шимба - шамбе* означало «день недели» (праздничный день); якшамбе – был первым днем недели, душамбе – вторым (ду ~ ср. лат. duo «два»), сишамбе – третьим; чаршамбе (чер < ир. čer ~ čar «четыре») – четвёртым; панжешамбе (ср. гр. *pente* «пять») – пятым днем недели.

Во многих европейских языках (в английском, немецком, французском) названия дней недели связаны с планетой-покровителем или правителем дня. Английское название вторника восходит к имени древнегерманского бога войны Tuy (Tziu), соответствующего Марсу, а немецкое – к эпитету этого бога Tuhrc (Thingsus). Английское название среды дано в честь германского бога Водана (Wodan), соответствующего римскому Меркурию. Немецкое название четверга дано в честь германского Донара (Donar), а английское – в честь скандинавского Тора (Torr), так же, как и Юпитер, являвшихся богами- громовержцами. Название пятницы в английском и немецком языках восходит к имени германской богини Фрейи (Freya), функции которой были сходны с функциями римской богини Венеры.

Следует отметить, что данные языков говорят об огромной территории, охватываемой словом *сабат ~ шабат.* Впервые это подметил Н.И.Золотницкий. Вслед за Н.И. Золотницким к такому же выводу приходит А.Н.Самойлович: «Нет ничего удивительного, что караимы, как народ Моисеева закона, и крымчаки-талмудисты называют субботу по-европейски: *шабат* (крымские караимы) или *шаббат* (крымчаки) или *сабат* (волынские и Галицкие караимы).

Так же, а не в арабской форме «сабт» или персидский «шембе», называлась суббота в XIII- XIV вв. и у мусульман-половцев (или куманов, кыпчаков): *сабат*; так же она именуется поныне у мусульман-кумыков, карачайцев и балкаров: *шабат, шават*; а так же приблизительно звучит название субботы, и наконец современных чувашей и их финских соседей — черемисов: *шумат*. Само собою напрашивается возведение этого языкового пережитка... к эпохе хазарского царства, в котором существовали иудаизм, ислам, христианство и язычество».

Можно привести и другое высказывание А.Н.Самойловича: «название субботы — *сабат* с различными видоизменениями свойственно грузинскому и другим языкам Кавказа...», на самом деле возникает огромная территория, охватываемая этим словом, а само слово может быть названо «странствующим» [Федотов, 1962, 248-249].

исходным словом *борын "нос*" из 5 словообразовательных цепочек 4 являются бинарными. В словообразовательном гнезде *авыз "рот"* из 7 - 5 бинарных и т.д. Не каждое гнездо содержит полинарую цепь, например, гнёзда с исходными словами *беләк "предплечье", жсилкә "затылок", яңак "щека"* состоят только из бинарных цепей.

Преобладание двучленных цепочек свидетельствует о нулевом словообразовательном потенциале слов, являющихся конечным компонентом словообразовательной цепочки. В таких цепях действует словообразовательные ограничения, которые определяются как неучастие тех или иных видов производных основ в словопроизводстве (Земская Е.А.).

С точки формальной структуры Ширшов И.А. характеризует словообразовательную цепь, кроме бинарности и полинарности, ещё по признаку "лексико-грамматическая отнесённость исходного слова и конечного звена" (цепи делятся на линейные (исходное и конечное звено цепи принадлежит разным частям речи) и кольцевые (исходное слово и конечное слово звено принадлежит одной части речи); по признаку "последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое" (цепи делятся на полные и неполные) [Ширшов 1982: 94].

В словообразовательных гнёздах с исходными словами соматизмами преобладают кольцевые словообразовательные цепи, в которых исходное слово и конечное звено — имя существительное: $\kappa y - \kappa y n \partial a u

По признаку "последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое" гнёзда с веришами самотизмами цепи делятся на полные, в которых каждая ступень словообразования маркирована своим суффиксом: муен - муенсыз - муенсызлан(y); күз - күзə(y) - күзəm(y) - күзəmүче - күзəmүчелек; тел - телсез - телсезлек; тел - телдəр - телдəрлек; авыз - авызлык - авызлыкла(y); аяк - аяксыз - аяксызлан(y); баш - башсыз - башсызлык; теш - тешлəк - тешлəклəн(y) и т.д.

В неполных цепочках ступенчатый принцип развёртывания гнезда уступает место чересступенчатому. Чересступенчатое словообразование не характерно для татарского словообразования, однако иногда это явление имеет место. В гнёздах с исходными словами самотизмами также есть одна неполная словообразовательная цепочка: баш — башлык — башлыкларча. Являясь грамматическим суффиксом суффикс —лар не участвует в словообразовательном процессе и поэтому образовалась неполная словообразовательная цепочка.

Таким образом, по структуре словообразовательные цепочки словообразовательных гнёзд с исходными словами соматизмами в татарском языке делятся на бинарные и полинарные, линейные и кольцевые, полные и неполные. Бинарные цепочки составляют большинство из общего количества всех словообразовательных цепочек. Также кольцевые цепочки по количеству преобладают над линейными. Все цепочки кроме одной являются полными. И в настоящее время детальное изучение словообразовательных цепочек тематических групп лексики остаётся одним из актуальных проблем татарского словообразования.

Литература

Ермакова О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте / О. П. Ермакова // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. ст. – Ташкент, 1982. – С. 32. – 36.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

Лыков А. Г., Клечковская Г. А. Гнездо как высшая словообразовательная единица (к вопросу о соотношении и класификации единиц русского словообразования) / А.Г. Лыков, Г.А. Клечковская // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика: сб. ст. – Краснодар, 1991. - C. 84. - 91.

Моисеев А. И. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы / И.А. Моисеев // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика: сб. ст. – Краснодар, 1991. – С. 119.– 129.

Семенова Г. Н. Словосложение и аффиксация два взаимодополняющих способа словообразования в языках // Этнос и личность / Г. Н. Семёнова // Исторический путь, проблемы и перспективы развития: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – М.; Чебоксары, 2003. – С. 104-108.

Сергеев Л. П., Тихонов А. Н., Сергеева Т. Н., Кунгуров Р. Г. Чаваш чёлхин ту́нтер словарё / Л.П. Сергеев, А.Н. Тихонов, Т. Н. Сергеева, Р. Г. Кунгуров. - Шупашкар, 1985. – 160 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда / Редкол.: Л.Т. Мәхмүтова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабиров, Ш.С. Ханбикова; СССР ФА КФ Г. Ибраhимов ис. ТӘТИ. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. - М.: Рус. яз., 1985.

Тихонов С.А. О статусе глагольных словообразования / С.А.Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. ст. – Ташкент, 1970. – С. 264.

Ширшов И. А. Словообразовательная цепь и явление полимотивированности / И.А. Ширшов // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. ст. – Ташкент, 1982. – С. 91–95.

(г. Чебоксары)

Ульянова Татьяна Борисовна

ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ НЕДЕЛЬНОГО ПРОМЕЖУТКА ЛЕКСИЧЕСКИМ СПОСОБОМ

В старинном чувашском календаре не только месяцы, но и дни недели имели свои названия, а также были особые недели с оригинальными названиями:

Саварни «масленица» < от *су* / *çав* «масло» + эрне «неделя». Она длится две недели: асла саварни «большая масленица» — первая неделя, кесен саварни «малая масленица» — вторая неделя. Есть также у чувашей саварни уйахе — название месяца, когда наступает масленица. В слове саварни второй компонент эрни фонетически затемнен, поэтому в выражении саварни эрни кене кун это слово повторяется. Само слово эрне ~ тат. атна ~ первоначально означало пятницу, лишь затем получило название — неделя, слово это восходит к перс. адинэ «пятница». Русское слово неделя образовано на базе словосочетания не делати. Первоначально «день отдыха» (это значение сохранилось сейчас во всех славянских языках, кроме русского), современное значение — вторичное, как и у слов эрне ~ атна.

Чуваши почитали *хёрен* э*рни* — первая неделя великого поста, неделя употребления только хрена, капусты, огурцов; *лёпёш чёрёлнё кун* «первое апреля», а также *лёпёш чёрёлнё* э*рне* в конце апреля или в начале мая; *çёлен* э*рни* — название праздника «воздвижение»; название первой недели после преображения (тогда все змеи уходят под землю); *пилеш эрни* (неделя сбора рябины) и др.

Началом недели считалось эрнекун «пятница», между тем среди исследователей нет единого мнения. Например, в «Примечаниях» к статье В.П.Вишневского «О религиозных поверьях чуваш» мы читаем: Пяток «пятница». В древности чуваши праздничным днем недели считали среду (юнкун), а после знакомства с мусульманством таким днем для них стала пятница (эрнекун)» [Хрестоматия по культуре чувашского края: Дореволюционный период 2001, 254]. Вишневский писал: «Чуваши веруют, что Миродержатель летом посылает град, бури, непогоды в наказание за то, что они работают по пяткам... Почему, чтобы не прогневать его, они не только выезжают в пятки в поля для работы и в лес за дровами, но и не топят до полудня печи» [с. 242-243 вышеназванной Хрестоматии].

Интересно отметить то, что когда у чувашей была пятидневная неделя, они отдыхали по пятницам. По В.Д. Димитриеву у древних чувашей *юнкун* «среда» тоже был праздничным. Можно предположить, что семидневная неделя в чувашском календаре ведет свое начало с глубокой древности? Статья М.Р.Федотова «О названиях дней у чувашей», это опровергает: «Таким образом, можно прийти к выводу, что предки чувашей – булгары в VIII-X веках, будучи соседями и данниками могущественных хазар, исповедовавших еврейскую религию, вполне могли субботу считать недельным, праздничным днем» [Федотов, 1962, 249].

Вследствие этого создается впечатление, что в основном были только праздничные дни, тогда какие дни считались рабочими? Ср. *юнкун* «среда»: у древних чувашей этот день был праздничным; эрнекун «пятница»: с проникновением ислама Поволжья, в основном в период существования Казанского ханства, эрнекун у чувашей стал праздничным днем; вырсарникун < вырас эрни кунё «воскресенье»: это название вошло в чувашский язык, вероятно, в XV- XVI веках. Древнее чувашское название этого дня неизвестно (в пятидневной неделе его не могло быть). Со второй половины XVIII века этот день становится у чувашей праздничным.

Поясняет данное положение дел статья М.Р.Федотова: «На названиях дней лежит печать истории. С изменением социально-экономических и культурных условий народов изменялись не только названия обычных, рядовых дней, но праздничных: на смену *шаматкун* "суббота" пришел эрнекун "пятница", а последний был вытеснен вырсарникун "воскресенье". Последняя замена недельного дня произошла уже в эпоху усиленного насаждения христианства среди народов Волго-Камья» [Федотов, 1962, 250].

М.Р. Федотов о *юнкун* «среда» не говорит как о празднике, но замечает, «есть серьезные основания полагать, что булгары-язычники в один из дней недели совершали кровавые жертвоприношения», но он не говорит о том, что они еженедельно по средам (*юнкунсерен*) совершали жертвоприношение, это мог быть один день в месяце (а может быть и в году). Значит, остальные дни по средам работали. Было бы большой роскошью для чуваша-труженика еженедельно по средам варить пиво, колоть лошадей и коров, варить явства.

Язычник-чуваш справно работал всю свою пятидневную неделю. Конечно же, у него были годичные праздники, которые он справлял по-своему обычаю. До проникновения ислама в Поволжье, в основном в период существования Казанского ханства, чуваши праздновали свою пятницу эрне —

Сөздүктүн 119-бетинде мисалга алынган "**ителе**" сөзүнүн этимологиясына токтололу. Автор бул сөз менен "түрткүлө" сөзүнүн мааниси бир деп берет. Ит-, теп- сеп- этиштерине кыймыл-аракеттин кайталганганын билдирген –**ала** мүчөсү жалганган деп берген.

Биз бул сөздөрдөгү **-ала, -еле** мүчөсүнүн "түрткүлө" деген сөздөгү мүчө менен түздөн-түз байланышы бар деген пикирдебиз.

Орто кылымдарда жазылган тексттерде буйрук ыңгайдын мүчөсү **–ġıla, -gile/ -úıla, -kile** формасында кийин маанисин дагы да күчөткөн **–ġın, -gin** варианты да колдонулган. Бул мүчөлөрдүн азыркы кыргыз тилинде сакталып калганын төмөнкү мисалдардан көрөбүз. Айткыла, ичкиле, ургула, аткыла, баргын, отургун, ичкин ж.б. Эми дээрлик колдонуудан чыгып калган "**ителе**" сөзүнө келели.

Ит- түрт, ордунан козго, жылдыр маанисиндеги этиш сөз. Ага уланган **–еле** мүчөсү жогоруда биз көргөн мүчөлөрдүн башындагы **ġ** / **г** тыбышынын түшүп калган формасы.

İtkile > itgile > itele формасына келген. Ушул эле аныктама себеле, тепкиле сөздөрүнө да тиешелуу.

Аты аталган сөздүк кыргыз тилинин биринчи этимологиялык сөздүгү болгондуктан, мындай толуктоо, тактоолор жасалары шексиз. Ар бир сөздүк мындай иштерге муктаж. Бул өңүттөн алганда К.Сейдахматов кыргыз лексикографиясында зор иш жасады десек болот. Ал эми сөздүк боюнча дагы терең оңдоо, түзөө иштери жасалып, этимология ишинде тактыктар жарала бермекчи.

(г. Казань).

Сагдеева Фаузия Кабировна

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В последние годы в ряде работ отечественных языковедов выдвигается понятие стилистической или стилевой нормы как сосредоточия всех функционально-стилевых требований к речи.

В работах некоторых исследователей дается понятие о стилевых и стилистических нормах в ряду других литературных норм на других языковых уровнях и во взаимоотношении с нормами общеязыковыми. Они акцентируют свое внимание на функциональной природе нормы. Каждый стиль реализует, прежде всего, общеязыковые, или межстилевые нормы — орфоэпические, орфографические, лексико-грамматические. Стилистическая норма связана со всеми. Тем не менее, каждому стилю присущи свои функционально-стилевые нормы, которые, с одной стороны, конкретизируют общеязыковые нормы, а с другой — расширяют и обогащают их . Каждый из стилей имеет свои критерии хорошей речи.

При изучении функционирования языка в его конкретных многообразных проявлениях речь должна оцениваться с функциональной стороны. « А это в свою очередь означает, что и в употреблении средств и в оценке стиля главным будет фактор коммуникативной целесообразности в конкретной сфере общения, речевой ситуации, с учетом целей и задач общения, содержания высказывания, его жанра и т.д.» [Кожина,1983,96].Таким образом, с функциональной точки зрения не будет нарушением стилистической нормы использование в речи сочетания генетически разностильных средств, «если только такая речевая организация коммуникативно целесообразна» [Кожина,1983,97].

Развитые функциональные стили в современном состоянии складываются в сформировавшемся национальном языке. Однако истоки становления этих стилей или же ряда их основных специфических стилистико-функциональных черт относятся к значительно более раннему времени. Так, например, некоторые татарские специфические черты научного, официально-делового и др. стилей и функциональная соотносительность с ними отдельных языковых средств начинают формироваться еще в старотатарском языке. Вот что по этому поводу пишет Ф.М.Хисамова, занимавшаяся исследованием языка деловой письменности и его места в функциональной парадигме татарского языка XVII-XVIII веков: « Несмотря на сложившуюся весьма неблагоприятную для татарского народа социально-политическую и историко-культурную ситуацию в XVI-XVIII вв. (отсутствие организующих центров, национальный и социальный гнет), мы имеем довольно большое количество письменно-литературных памятников, что позволяет утверждать о бытовании разветвленной функционально-стилистической системы регионального татарского литературного языка (старотатарского литературного языка). В частности, татарский письменно-литературный язык этого периода представлен следующими источниками: татарская классическая поэзия XVI-XVIII вв. (Мухаммедьяр, Мухаммед Амин, Мавля Кулый, Утыз Имяни, Габди Габдессалям и др.); художественная проза («Калила и Димна», «Маджмуг уль-Хикаят» и др.), исторические памятники («Сборник летописей Кадыр Гали-Бека», «Дафтар-и Чингизнаме» анонимного автора, «Таварих-и Булгария» Хисаметдина Муслими, татарские генеалогические записи и др.: деловая татарская письменность с ее множеством разнообразных как по форме, так и по содержанию источников и т.д. » [Хисамова, 1991, 66].

По мнению татарских языковедов, наиболее последовательно и полно представленным компонентом в общей системе старотатарского литературного языка является канцелярско-деловой стиль. Этот стиль относится к одним из ранних по времени формирования. Считается, что канцелярско-деловой стиль имеет непрерывную традицию в старотатарском языке. Самыми ранними образцами деловой письменности являются ярлыки и битики периода Золотой Орды.

Также в старотатарском языке начинают складываться стилевые черты и функциональностилевые значения языковых средств, свойственные в научной сфере общения. В период Казанского ханства были созданы научные труды по философии, истории, астрономии, математике, географии и т.п. Так, например, арифметический трактат «Мэжмэгыль-кавагыйд» (Сборник правил), составленный в ХУ1 веке, близок к старотатарскому литературному языку. По мнению В.Х.Хакова, в этой работе сохранен традиционно классический письменно-литературный стиль, свойственный научным произведениям [Хаков, 1993]. Сам трактат написан на древнетюрском языке, основные арифметические понятия в данном трактате выражены арабско-персидскими лексическими единицами [Хайруллина, 1996, 8].

Как уже было отмечено, язык художественной литературы оказывает существенное влияние на развитие национального литературного языка в целом. Начало становления лексических, грамматических, фонетических и стилистических норм, присущих старотатарскому литературному языку наблюдается в языке художественных произведений X111в. Такая специфичная черта художественной литературы, как его художественно-образная конкретизация, уже известна в поэме « Кысса-и-Юсуф» Кул Гали. По мысли В.Х.Хакова, в этой поэме применены разнообразные художественно-изобразительные приемы, дающие право считать, что художественная татарская литература берет свое начало именно с этого периода [Хаков, 1971,14].

Из вышеизложенного следует, что старотатарский язык является истоком, дающим начало формированию различных стилей в современном татарском языке.

Известно, что принцип речевой системности (иначе — функциональной) является одним из основных принципов изучения функционально-стилистической системы языка и ее норм в различных функциональных стилях (как в синхроническом, так и диахроническом плане). При этом необходимо выявить не отдельные стилистические изменения, а динамику «целостного комплекса с учетом взаимосвязи языковых средств в той или иной функциональной разновидности, взаимосвязи, составляющей специфику данного стиля, определяемую его экстралингвистической основой», - пишет М.Н. Кожина [1983,11].

Современный татарский язык существует в двух разновидностях речи: письменной и устной. Они представляют собой формы литературного языка. Сферой проявления устной речи является сфера бытовых отношений. Однако, по мнению специалистов, и общению в профессиональной сфере (о только, как правило, устному, неподготовленному, неофициальному) также свойственны особенности функциональной разновидности литературного языка. Все это находит отражение в составе употребляемых этой сфере языковых единиц и особенностях их функционирования.

Из письменной разновидности татарского литературного языка наиболее развитым выступает язык художественной литературы. Также на национальной основе развит публицистический стиль татарского языка, который наиболее подвержен постоянным иноязычным влияниям. В последние годы заметно оживление татарского научного стиля (В.Х. Хаков, И.Б. Баширова, Ф.С. Сафиуллина и др.). Официально-деловой стиль, который находит свое отражение в юридической литературе, постановлениях, протоколах и т.д., является результатом перевода с русского.

Функционально-стилистический аспект является существенным как для владения нормами языка, так и при его изучении. Поэтому не случайно появление в татарском языкознании работ, рассматривающих проблемы татарского языка в данном аспекте (М.З. Закиев, Р.А. Юсупов, В.Х.Хаков, Х.Р.Курбатов, Ф.С. Фасеев, И.Б. Баширова, Ф.М. Хисамова, Л.К. Байрамова, Ф.С. Сафиуллина и др.). В настоящее время стилистические нормы татарского языка и их развитие изучаются как на уровне описания стилистических ресурсов или стилистических окрасок и значений, так и в аспекте функциональных стилей [Бәширова, 1981, 39-44].

Изменения, произошедшие в языковой политике нашей страны за последние 15 лет, позволили расширить сферы применения национальных языков. Вследствие этих причин заметно активизировалось национально-русское двуязычие (в частности, чувашско-русское и др.), а также был дан своего рода толчок для активного развития русско-национального двуязычия (например, русско-чувашского двуязычия и др.). Активизация чувашско-русского двуязычия среди чуваш и обучение чувашскому языку русских и русскоязычных, для которых чувашский язык не является родным, позволяет говорить о необходимости изучения стилистических норм в сопоставительном плане. Первые шаги в этом направлении были сделаны М.М.Михайловым (Двуязычие и вопросы сопоставительной стилистики. — Чебоксары, 1984- 84 с.). По мнению ученого, сопоставительная стилистика, как в отечественной, так и зарубежной филологии до сих пор развивается на романо-германо-русском материале. Что же касается других языков, то они являются объектом «

"**йег**" сөзү ушундай эле маанини берет, ошол себептүү бул "**йег**" сөзү кыргыз тилиндеги "**бек**" сөзүнө өтүп кетти дегенге болбойт. Этимологиялык өңүттөн карасак, **й** тыбышы **б** тыбышына өткөн эмес жана андай болушу мүмкүн эмес. **Й** тыбышы кыргыз тилинде дайыма **ж** (й>ж) тыбышына өтүп турган. Мисалы, **й**ер-жер, **й**үз-жүз, **й**ыл-жыл ж.б.

Жогоруда аты аталган "Древнетюркский словарь" сөздүктө "**бек**" сөзү "башчы, жетекчи" дегенди билдирет, ал эми "**йег**" сөзү "жекшы" маанини берген сөз деп жазылуу (ДТС, 1988, 91, 252).

Жайынтыктап айтканда, "бек" сөзү түрк тилдүү элдерде "башчы, жетекчи" деген мааниде колдонулат. Огуз группасына кирген тилдерде бей, бий формасында, ал эми кыпчак группасына кирген тилдерде бек, бег түрүндө айтылат. Мисалда көрүнгөндөй, кыпчак группасындагы тилдер байыркы формасын сактап калган. Бул сөзгө кыргыз тилинде жак таандык мүчөлөр жалганганда эки үндүү ортосунда калган каткалаң үнсүз жумшарат. Бек- бегим, бегиң, беги ж.б.

Кыргыз тилинде татаал сөз формасында колдонулган **аласа-бересе** сөзү бар. **Ал-** жана **бер-** этишине жалганган -аса, -есе мүчөсү сөздүктө атооч мүчө деп берилген.

Карахан доорунда жазылган тексттердин ичинен келер чактын –ası/ -esi мүчөлөрүн жолуктурууга болот. Тилдин өнүгүү жана өзгөрүү таасири менен дээрлик жокко эсе болгон бул мүчө татаал сөздүн курамында жана тубаса сөзүндө сакталган.

al - ası > alasa, ber - esi > berese үндөөшүүнүн таасири менен **ы** жана **и** тыбыштары **a** жана **e** тыбышына өткөн. Бул сөздөргө семантикалык жактан түшүндүрмө бере турган болсок, **alasa** келечекте ала турган нерсе, **berese** кимдир бирөөгө бериле турган же тапшырыла турган нерсе деген маанини туюндурат.

Эртеңки күндөн кийинки күн деген маанини билдирген **бүрсүгүнү** деген сөздү да автор иликтөөгө алган жана мындай жыйынтыкка келген. Бул сөз **бир соң күнү** деген сөздөрдүн тизмектешүүсүнөн улам пайда болгон деген пикирди айтат.

Мындан кийинки деген маанини берген "өбүр" деген сөз огуз группасына кирген түрк тилдеринде учурда да колдонулуп жүрөт. Мына ушул "өбүр" сөзүнө III жактын –сы мүчөсүнүн уланышы менен "өбүрсү" деген сөз пайда болот. Бул сөзгө күн деген сөз кошулуп "өбүрсүгүн" деген сөз келип чыгат. Эки үндүү ортосундагы к каткаланы жумшарат. Бара-бара колдонулуп жүрүп отуруп, бүрсүгүн деген сөзгө айланат да кайсы күнү? деген суроого жооп берген бүрсүгүнү сөзү келип чыккан. Ошентип, бул сөз эртеңден кийинки күн деген маанини берип калган.

Туш болуу, тогошуу, кезигүү, жолугуу маанисин берген "д**уушар**" сөзү азыркы кыргыз тилинде гана эмес, огуз группасына кирген түркия түрк тилинде да колдонулат. Сөздүктө байыркы түрк тилинде колдонулган "тууш" сөзүнөн келип чыккан деген ой айтылган.

"Дуушар" сөзү перс тилинде "дүчар" (düčar) деп айтылат. Кыргыз тили үндөшүү мыйзамына баш ийген тил болгондуктан, экинчи муундагы жоон үндүү а тыбышынын таасири менен (тил илиминде бул кубулушка регресс делет) ү>у га өттү. У тыбышы созулуп айтылган. Натыйжада "дуушар" сөзү пайда болгон. Бул сөздү колдонгон башка түрк тилдеринде да "жолугуу, туш болуу" маанисинде колодонулат. Ушундан улам байыркы түрк тилдеринде колдонулган "тууш" сөзү т тыбышынын д тыбышына өтүп кетүүсүнөн пайда болгон деген пикир туура эмес деген пикирге келүүгө болот.

Сөз болуп жаткан сөздүктө "жогору" деген сөз мындай түшүндүрүлөт. Бул сөздү эки жо- жана - гору морфемасына бөлүүгө болот. Байыркы йок сөзү "бийик жер" дегенди билдирип, "йокру" сөзү келген. Катар келген үнсүздөрдүн ортосуна үндүү кошулуп айтылып, "йокару" сөзү, й>ж өтүп, "жогору" сөзү чыкты деген жыйынтык берилген.

Кыргыз тилинде жолуккан "жогору, тышкары, ичкери" сөздөрүндө байыркы түрк тилинде кездешкен – **ġaru, -gerü**/ -**úaru, -кerü** багытты, тарапты билдирген мүчөлөр колдонулат

"Жогору" сөзүнүн баштапкы формасы "yoú" уңгусуна жогоруда айтылган багытты билдирген – ġaru мүчөсү жалганып, yoú+ġaru> yokgaru> yogoru> жогору сөзү чыккан. Мисалга алынган сөздөр бийиктикке багыт алуу, сыртка карай басуу, үйдүн ичин көздөй басуу маанилерин берген.

Өрнөк үчүн ала турган мисалдардын бири "**тескери"** сөзү. Баштапкы варианты **терс** болуп, ага – **кегü** мүчөсү жалганып, артты карай багыт алуу маанисин берген. Эки морфема биригип келип **терскерү** >**тескери** формасына келген. Азыркы кыргыз тилинде "**терс**" сөзү эч кандай мүчө жалганбай колдонулат.

Ал эми эске сала кете турган же мааниси бир аз өзгөргөн "**илгери**" сөзүндө болсо, түзмө-түз маанисинде алдыга кетүү же алдыга карай багыт алуу дегенди түшүндүрүш керек эле. Окуянын эбак болуп өткөнүн кабарлаган бул сөз семантикалык жактан тескеринче артка калуу маанисин берген. Эки морфемадан турган бул сөздүн экинчи бөлүгү – **gerü** мүчөсүнөн келгенин айта кетели.

Туратбек кызы Венера (г. Бишкек, Кыргызстан)

К. СЕЙДАХМАТОВ ТҮЗГӨН "ЭТИМОЛОГИЯЛЫК СӨЗДҮКТӨГҮ" АЙРЫМ СӨЗДӨРГӨ ИЛИКТӨӨ ЖҮРГҮЗҮҮ [НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЛОВАРЬ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННЫЙ С. СЕЙДАХМАТОВЫМ]

Кыргыз тилинин тарыхында биринчи жолу түзүлгөн "Этимологиялык сөздүк" 1988-жылы К.Сейдахматов тарабынан түзүлүп, жарыкка чыккан.

Аталган сөздүктө көөнөргөн же мааниси эскирип бара жаткан сөздөр орун алган. Алар VII-X кылымдарда таш бетине жазылган тексттерден бери келген, арап жана перс тилинен кирген сөздөр болуп саналат.

Мисалга алынган сөздөр жалпы түрк тилдерине кирген тектеш тилдер менен салыштырылып жүрүп отурат.

Автор өзү таасын белгилегендей, иликтөөгө алынган сөздөрдүн кээ бири байыркы түрк тилдериндеги жана азыркы кыргыз тилиндеги тилдик фактылардын негизинде талдоого алынган. Ал эми кээ бир сөздөр азыркы кыргыз тилиндеги лексикалык, семантикалык, фонетикалык, морфологиялык жана синтаксистик метод менен анализделет.

Сөздүктө 960 сөз камтылган, 332 беттен турат. Китептин аягында 5 беттен турган тиркеме орун алган.

Аты аталган сөздүктө орун алган айрым сөздөрдө этимологиялык жактан мүчүлүштүктөр кетирилген. Ушул багытта ал сөздөргө иликтөө жасалып, берилген аныктамаларга толуктоолор киргизүү бул макаланын өзөгүн түзөт.

Сейдахматов иликтөөгө алган сөздөрдүн бири "аяк" сөзү. Бул сөздүн уңгусу **ай-** ага атооч жасоочу **–ак** мүчө уланган деп берилет. Сөздүн мааниси туура берилгени менен этимологиялык жактан тактыкты жана далилдөөнү талап кылган сөздөрдүн бири.

"Аяк" сөзү байыркы түрк тилинде жазылган таш бетиндеги жазууларда аêаú түрүндө кезигет. Бул сөз айрым түрк тилдеринде "аяк" жана "азак" болуп өзгөрүп кеткен. Кыргыз, казак, ж.б.түрк тилдеринде aêaú > adak > ayak болуп өзгөрсө, сибирияда жашаган түрк тилдүү элдерде aêaú > azak формасында калганы белгилүү. Мындай форма "Кутадгу билиг" китебинде да жолугат. Аны бул саптардан жолуктурабыз adaqŸ üč adrŸ turur ((анын) үч буту (айры) өзүнчө турат). (Кутадгу билиг 41/11).

Демек, кыргыз тилинде колдонулган " $\mathbf{a}\mathbf{s}\mathbf{k}$ " сөзү $\mathbf{d} > \mathbf{y}$ тыбышына өтүшүнөн улам келип чыккан деген жыйынтык чыгарууга болот. " $\mathbf{A}\mathbf{s}\mathbf{k}$ " сөзүнүн экинчи дагы бир мааниси бар, ал акырында, соңунда, бүткөндөн кийин деген маанини берет.

Өнүгүү жолунда өзгөрүүгө учураган сөздөрдүн бири "баглан" сөзүнүн мааниси туура берилгени менен ага айрым тактоо, толуктоого муктаж сөздөрдүн бири болуп саналат. Бул сөз үч баг-ла-н бөлүгүнөн турат деп берилет да алардын келип чыгышы жана мүчөнүн аты так берилген эмес.

Биздин оюбузча, **baġ-** учурда колдонулуп жүргөн байлоо маанисиндеги сөз жана анын **бай**-уңгусунун байыркы формасы же теги, ага этиштен этиш жасоочу —**ла** мүчөсү жалганып, этиш сөзүнө атоочтук маанини берген —**ган** мүчөсү уланган. Бул сөздүн келип чыгышын төмөндө карап көрөлү.

baġ-la-ġan > baglagan > baglayan > baglan катар келген а үндүүсү жана й тыбышы түшүп калган же кыскартылып айтылган деген ойго келүүгө болот. Себеби, тилдердин өнүгүү процессинде сөздөр канчалык көп колдонулса, ошончолук ийкемдүү болуп жумшарары маалым. Ошентип, "баглан" сөзүнүн уңгусу байыркы формасында сакталып, багылган, союга ылайыктуу козу (кой эмес) деген маанини берет. Бул сөздү тектеш катары саналган уйгур тилинен кирген деп кароого болбойт.

Жаз алды менен ачылган байчечекей гүлү сөздүктө уңгусу **бай- чечек** (учурда гүл дегенди түшүндүргөн сөз) жана **–ей** кичирейтүү маанисин берген үч морфемадан турат деп берилген.

Бул аныктамада көңүл бура турган жагдай сөздүн аягында келген -ей мүчөсү.

Кыргыз тилинде бала+кай, төтө+көй, кичине+кей, ымыр+кай, жакшына+кай ж.б.у.с. сөздөрдө кездешкен –**кай, -кей, -кей** мүчөлөрү эркелетүү, кичирейтүү, жакшы көрүү маанисин берип турганы ачык байкалат. Ал эми байчечекей сөзүндө бул процесс мындайча жүргөн:

Бай-чечек-кей > байчечекей болгон. Катар келген **к** үнсүзүнүн бирөөсү түшүп калган жана "кичинекей, жагымдуу жазгы гүл" деген маанини берген. Гүл маанисин берген чечек сөзү азыркы кыргыз тилинде дээрлик колдонулбайт. Ал мисалга алынган жана табу сөздөрүндө гана жашап калган.

Кыргыз тили менен катар бир катар түрк тилдеринде учурда колдонулуп жүргөн "**бек"** сөзү "башчы, бийлөөчү, жетекчи" маанисин берет. Бирок, "Древнетюркский словарь" сөздүгүндө берилген

сопоставительно-стилистического исследования лишь спорадически, и то или отдельными своими уровнями, или только частными лексико-фразеологическими и грамматическими явлениями». Отсюда следует, что и чувашское, и татарское, и русское языкознание в подобные исследования вовлечены не в полной мере.

В условиях двуязычия исследование данной проблемы является весьма актуальным, т.к. сопоставительная стилистика тесно связана с задачами преподавания родного языка русскоязычным.

Литература

Бәширова И.Б. Хәзерге татар стилистикасының уңышлары һәм бурычлары / И.Б.Бәширова // Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка: сб.ст. – Казань, 1981. – С. 39-46.

Михайлов М.М. Двуязычие и вопросы сопоставительной стилистики / М.М. Михайлов. – Чебоксары, 1984.-84 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1988. – 223 с.

Хайруллина А.Г. Формирование и развитие математических терминов в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Хайруллина; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. – Казань, 1996. - 22c.

Хаков В.Х. Развитие татарского национального литературного языка и его стилей (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. . . . д-ра филол. наук / В.Х. Хаков; Казанский гос. ун-т. – Алма-Ата, 1971. – 59 с.

Хисамова Ф.М. Язык деловой письменности и его место в функциональной парадигме татарского языка XVII-XVIII веков / Ф.М.Хисамова // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты: сб. ст. – Казань, 1991. – С.60-80.

Садыкова Разиля Зуфаровна (г. Казань)

ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы направленного движения составляют одну из основных групп глаголов движения. Они наиболее активно употребляются в речи и участвуют в создании большого числа сочетаний.

Глаголы направленного движения имеют кроме субъекта три пространственных актанта (начальную, конечную, промежуточную точки движения) и факультативный актант с семантикой средстства передвижения [Кибардина: 1979, 23].

В татарском языке для рассматриваемой группы глаголов признак направленности является основным. Эти глаголы реже сочетаются со словами, обозначающими средства передвижения, способы перемещения по определенной среде.

К глаголам направленного движения в татарском языке можно отнести следующие глаголы: килу — 'приходить', кайту — 'возвращаться', юнәлү — 'направляться', якынлашу — 'приближаться', чыгу — 'выходить', авышу — 'наклониться', бару — 'идти', бату — 'тодниматься', күтәрелү — 'подниматься', керү — 'входить' [Иштанова: 2002. 97].

Рассмотрим глагол йөгеру 'бежать'. В предложении ∂ Хәкимҗан, дустын калдырып, вено таба йөгерде [Зыятдинов: 1997, 43] — 'А Хакимҗан, оставив друга, побежал к дому' глагол йөгерде2 'побежал' является двухвалентным: 1° — Sub (Хәкимҗан), 2° — Ab (вено таба). В предложении Совило бар көчено алга таба йөгерде [Гыйматдинова: 2001,72] — 'Савиля со всей силой побежала вперед' 2-ым актантом служит словосочетание алга таба 'вперед'. В предложении Балалар мотоцикл артыннан йөгердөлдр [Агишев: 2002, 24] — 'За мотоциклом бегут мальчишки' 2-ой актант выражен словосочетанием мотоцикл артыннан — 'за мотоциклом'. Исходя из вышеперечисленных примеров вытекает, что в рассматриваемой группе глаголов особенно часто реализуется актант, называющий конечную точку движения и имеющий сложную семантику. Остальные актанты реализуются в меньшей степени, особенно редко встречается сочетание всех пространственных актантов (начальной, конечной точки и промежуточной зоны). Например, в предложении Ул мәктәптән вено парк аша кайта — 'Он возвращается из школы домой через парк' глагол кайтаз — 'возвращается' реализует все 3 пространственных актанта (начальной точки, конечной точки и маршрута): 2° — Ad (мәктәптән), 3° — Ab (вено), 4° — Itin (парк аша).

В предложении Аягына басып бер-ике атлаганчы, Нәсимә, эссе сулышы белән йота-йота нәрсәләрдер кычкырып, тәмам аптырашта калган иптәшләренә дымлы күзләре аркылы карады да, шәлен ябынырга да онытып, коридор буенча йөгерде [Нәҗми:1972, 216] у глагола йөгерде 2 актант обозначает маршрут: 2° — Іtіп (коридор буенча). Рассмотрим еще одно предложение, в котором 2 актант (юлдан — 'по дороге') также реализует валентность маршрута: Юлдан вагоннар йөгерә, ә вагоннарда станоклар, машиналар килә [Дәүли:1965, 142] — 'По дорогам бегут вагоны, а в вагонах прибывают станки и машины'.

Средство передвижения для глаголов направленного движения является факультативным. Например, в предложении Ул Казаннан Мәскәүгә поезд белән бара — 'Он из Казани в Москву едет на поезде ' глагол бара — 'едет' имеет факультативную валентность, выраженную словосочетанием поезд белән — 'на поезде '.

Таким образом, глаголам направленного движения можно поставить в соответствие следующие конструкции:

- 1) $S^{-1}_{-B.-K.}V S^{-2}_{-B.-K.}$ буенча, $S^{-1}_{-B.-K.}V S^{-2}_{-4.-K.}$ коридор буенча йөгерө, юлдан йөгерө;
- 2) S^{1} _{Б. к.} V S^{2} _{Ю. к. таба}, S^{1} _{Б. к.} V S^{2} _{Ю. к.} , S^{1} _{Б. к.} V S^{2} _{Б. к.} S^{1} _{Б. к.} V S^{2} _{Б. к. буена}, S^{1} _{Б. к.} V S^{2} _{Б. к. артыннан}; θ ен θ таба йөгер θ , Mәск θ үг θ бара, мәктәпк θ кад θ р йөгер θ , елга буена йөгер θ , мотоцикл артыннан йөгер θ ;
 - 3) $S^{1}_{B. K.}V S^{2}_{H. K}S^{3}_{D. K} S^{4}_{B. K}$ белән; Казаннан Мәскәугә (поезд белән) бара;
 - 1. $S^{1}_{B.K}V S^{2}_{H.K}S^{3}_{H.K}S^{3}_{B.K}$ $S^{4}_{B.K}$ аша ; мәктәптән өенә парк аша кайта.
 - В заключение можно сделать следующие выводы:
- 1) Глаголы направленного движения в татарском языке активно сочетаются со словами, имеющими 3 пространственных актанта;
 - 2) Инструментальная валентность у глаголов данной группы является факультативной;
 - 3) Актанты глаголов направленного движения в татарском языке бывают выражены в исходном,

того, что оси тарантаса были сделаны из железа; удм. *кабдодьы* [УРС: 1983, 180], в бирском говоре татарского языка *чыпта чана*, в заказанских и камышлинском *чыпталы чана*, чистопольском *каплы чана* [Садыкова: 2003, 163] 'выездные сани, кошёвка' (букв. 'рогожные сани') – наименование дано в зависимости от того, что кузов кошевки был обшит рогожей.

В некоторых наименованиях определяется признак «для возки кого или чего предназначено транспортное средство»: удм. диал. нылии уробо, чув. ача урапи [ЧРС: 1985, 48], тат. бала арбасы [ТРС: 1966, 54] 'детская коляска' (букв. 'детская телега'); чув. кёлте урапи [ЧРС: 1985, 168], тат. көлтө арбасы [ТРС: 1966, 324] (букв. 'сноповая телега'), удм. культо пыртон уробо (букв. 'телега для завозки снопов') 'рыдван, сноповозка'; удм. пу дёдьы [УРС: 1983, 126], чув. вута суни [ЧРС: 1985, 424], тат. утын чанасы [ТРС: 1966, 595] 'дровни' (букв. 'дровяные сани').

Трудно определить, являются ли однотипные образования результатом калькирования или они возникли вследствие самостоятельного, но параллельного развития территориально близких языков.

Следует отметить, что иногда принцип номинации одних и тех же транспортных средств в рассматриваемых нами языках одинаковый, но понятия, положенные в основу наименования — разные. Например, общий признак «наличие каких-либо деталей» в удмуртском языке обозначается словосочетанием кык колёсаё уробо 'двуколка' [УРС: 1983, 205] (букв. 'двухколесная телега'), в чувашском — пёр тёнёллё урапа 'двуколка' [ЧРС: 1985, 471] (букв. 'телега с одной осью').

В некоторых наименованиях одного и того же транспортного средства в удмуртском и тюркских языках обнаруживаются разные признаки несовпадающего обозначения: удм. диал. ньöр дöдьы 'кошёвка' [УРС: 1983, 308] (букв. 'прутяные сани') – признак «материал изготовления составных частей саней», в кошевках ставили кузов, сплетенный из ивовых или черемуховых прутьев, чув. хысла суна [ЧРС: 1985, 708], тат. артлы чана [ТРС: 1966, 40] 'кошевка' (букв. 'сани с задком') – признак «наличие каких-либо деталей саней», особенностью ездовых саней было наличие спинки; удм. куро дöдьы 'розвальни' [УРС: 1983, 233] (букв. 'сани с лубом') – признак «материал изготовления составных частей телеги», кузов розвальней настилался лубом, чув. хыссар суна 'розвальни' (букв. 'сани без спинки, без задка') [РЧС: 1985, 574] – признак «отсутствие каких-либо деталей саней».

Обозначения транспортных средств в удмуртском, чувашском и татарском языках могут быть совпадающими и несовпадающими в зависимости от признака, положенного в основу наименования. Вышепроведенный анализ лексики показывает, что в данных языках один и тот же вид телег, саней может выражаться несколькими формами. Значительное расхождение в обозначении одного и того же понятия объясняется тем, что в основу номинации могут быть положены разные мотивирующие признаки. В некоторых случаях одни и те же слова обозначают разные виды транспортных средств. Основанием для подобного обобщения служит какой-нибудь сходный признак.

Условные сокращения

букв. – буквально; диал. – диалектное; кз. – коми-зырянский язык; кп. – коми-пермяцкий язык; общеп. – общепермский праязык; ср. – сравните; тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык.

Литература

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. – 431 с.

Caдыкова $\stackrel{.}{3}$ $\stackrel{.}{P}$. Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. – Казань: Печатный Двор, $2003-212\ c$

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.–Л., 1948–1965.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учебное пособие. – Ижевск: Удм. гос. vн-т., 1981, -105 с.

TPC – Татарско-русский словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 864 с.

 VPC – Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С–Я. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.

ЧРС – Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.

Титова Ольга Владимировна (г. Ижевск)

О НАИМЕНОВАНИЯХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УДМУРТСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Удмурты с древнейших времен имели тесные экономические и культурные связи с тюркскими народами. В результате длительного проживания на смежных территориях у них сложилась определенная общность в материальной и духовной культуре, в хозяйственной деятельности. Эта общность прослеживается и в изготовлении транспортных средств.

В данной статье рассмотрены некоторые названия транспортных средств в удмуртском и тюркских (чувашском и татарском) языках с точки зрения принципов номинации. Лексический материал собран из словарей удмуртского [УРС: 1983], чувашского [ЧРС: 1985], татарского [ТРС: 1966] языков, также к работе привлечены материалы монографии З. Р. Садыковой «Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке». Для снабжения названий необходимым толкованием полного предметного значения приведены данные из «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965).

Одним из наиболее древнейших транспортных средств являются сани. Об этом свидетельствуют и языковые данные: в рассматриваемых нами языках в значении «сани» используются лексемы исконного происхождения. В удмуртском языке понятие «сани» передается словом общепермского происхождения додьы [УРС: 1983, 126] (ср. кз., кп. додь 'тж.'. Общеп. *dod'3 'сани' [КЭСК: 1999, 94]). В чувашском, татарском языках в этом значении употребляются лексемы общетюркского происхождения: чув. суна [Федотов: 1996, 136], тат. чана [ТРС: 1966, 630].

Колесные транспортные средства появились сравнительно позднее. В значении «телега» в удмуртском языке используется лексема *уробо* [УРС: 1983, 454], являющаяся булгарским заимствованием [Тараканов: 1981, 47]. В чувашском и татарском языках употребляются слова исконного происхождения: чув. *урапа / орапа* [Федотов: 1996, 284], тат. *арба* [ТРС: 1966, 38].

Вышеперечисленные лексемы с уточняющими словами обозначают различные виды транспортных средств. В удмуртском и тюркских языках обнаруживаются однообразные наименования. Наличие их, с одной стороны, обязано своим существованием стойким, возникающим одновременно у многих ассоциациям, а с другой — различным процессам словообразовательного калькирования морфемного состава слова. «Словообразовательные кальки возникают в результате буквального (поморфемного или пословного) перевода на удмуртский язык отдельных значащих частей слова или словосочетания» [Тараканов: 1981, 16]. Под влиянием иноязычной модели средствами родного языка возникает новое слово.

В ходе анализа наименований транспортных средств в удмуртском и тюркских языках были выделены основные признаки, по которым дается имя предмету. Эти признаки можно признать универсальными для всех рассматриваемых нами языков (т. е. денотат один, и понятия, положенные в основу наименования – одни).

В основе большого количества наименований лежит признак «величина транспортного средства»: удм. кузь уробо [УРС: 1983, 454], чув. вăрăм урапа [ЧРС: 1985, 69], тат. озын арба [ТРС: 1966, 409] 'дроги (длинная телега на деревянной или железной оси, приспособленная для перевозки бревен)' (букв. 'длинная телега'); удм. пичи додьы [УРС: 1983, 126], чув. пёчёк суна [ЧРС: 1985, 424], тат. кечкен зчана, бэлэкэй чана [ТРС: 1966, 630] 'санки, салазки' (букв. 'маленькие сани'); удм. диал. пичи уробо, чув. пёчёк урапа [ЧРС: 1985, 515], тат. бэлэкэй арба [Садыкова: 2003, 144] 'двухколесная детская коляска' (букв. 'маленькая телега'); удм. пичи уробо [УРС: 1983, 344], чув. пёчёк урапа [ЧРС: 1985, 294], тат. кечкен з арба [ТРС: 1966, 249] '(ручная) тележка' (букв. 'маленькая телега').

У некоторых названий выделяется признак «наличие специфических для данного вида транспорта деталей»: удм. бурдо дёдьы [УРС: 1983, 126], кирасла дёдьы [УРС: 1983, 199]; чув. уречеллё суна [ЧРС: 1985, 523], кёресле суна [ЧРС: 1985, 171]; тат. урэчэле чана [ТРС: 1966, 630] 'розвальни (низкие и широкие крестьянские сани с расходящимися врозь от передка боками)' (букв. 'сани с отводами, отводы-сани').

В основе ряда наименований присутствует признак «материал изготовления транспортных средств или их деталей»: удм. корт уробо, в говорах пермских и красноуфимских татар, в нукратском и глазовском говорах татарского языка тимер арба [Садыкова: 2003, 154] 'тарантас' (букв. 'железная телега'); удм. корт кечер уробо, корт кечыр уробо, корт кечыр, в бирском говоре татарского языка тимерээк 'тарантас' (букв. 'телега с железной осью', 'железная ось') – наименование дано исходя из

направительном падежах и сочетаются с послелогами буена, таба — 'к', каршы — 'навстречу', кадәр, хәтле — 'до', чаклы — 'до', алдына — 'перед', артыннан, артына — 'за, из-за', эченә — 'внутрь', эченнән — 'из', астына — 'вниз', астыннан — 'из-под' [Татарская грамматика:1993, 320-329].

Литература

- 1. Иштанова Р. К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: дисс. Казань, 2002.
- 2. Кибардина С. М. Основы теории валентности: Лекции. Пособие по сравнительной типологии немец. и рус. яз. Вологда: ВПИ, 1979. 55 с.
 - 3. Татарская грамматика. В 3- томах. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993, II том. 1993. 397 с. *Источники*:
- 1. Агишев Х. Г. Русско-татарский словарь словосочетаний для учащихся. Казань, 2002. 462 с. Выпуск 2-й. 1000 и один глагол.
 - 2. Гыйматдинова Н. Сәвилә//Сәвилә: Повестьлар, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001, 255 бит. Зыятдинов Ф. Изге йорт (повесть). Казан: Татар. кит. нђшр., 1997.— 160 б.
 - 4. Нәҗми К. Язгы җилләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 454 б.
 - 5. Дәњли Н. Жимерелгән бастион. Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. 222 б.

152

Саньяров Фанзиль Булякович (г. Уфа)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА БАШКИРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

На современном этапе развития лингвистики весьма актуальным становится лингвокультурологический подход к изучению языковых явлений как единиц, отражающих национальную специфику народа, особенностей концептосферы языка. В общетеоретическом плане активно рассматриваются различные аспекты национально-культурной специфики языка в трудах С.А.Аскольдова, Д.С.Лихачева, Ю.Д. Апресяна, А.А.Леонтьева, Ю.Н.Караулова, В.Вежбицкой, В.И.Карасик, В.А.Масловой, З.Д.Поповой, И.А.Стернина, Ю.С.Степанова и др.

Имеется целый ряд монографических исследований по проблемам национально-языковой картины тюркского мира М.В.Кетенчиева, Р.Р.Замалетдинова, Л.М.Зайнуллиной, Э.М.Зиангировой, З.М.Раимгужиной и др., в которых рассматриваются базовые культурные концепты материального и духовного мира тюркских этносов.

В башкирском языкознании лишь в последнее время исследователи стали уделять внимание проблеме изучения национально-культурной специфики современного башкирского языка. Актуальность и теоретическая значимость подобных исследований неоднократно была указана проф. М.В.Зайнуллиным, членом-корреспондентом АН РБ, который пишет: «... весьма актуальными проблемами в современной башкирской филологии являются культурные концепты конкретного тюркского этноса («душа», «сердце», «разум», «радость», «грусть») и др. ждут своего исследования такие вопросы как «Национальная языковая личность», необходимо и создание культурологических словарей, концептосферы классиков башкирской литературы» [1].

Бесспорно, подобные исследования позволят расширить и углубить наши представления в национально-культурных реалиях народа, закрепленных в национальной языковой системе, образцах художественного дискурса, мифологической картины мира, в том числе на примере комплексного лингвокультурного изучения эмоциональных концептов.

Эмоциональная система является одной из самых сложных систем человека. В классической литературе она характеризуется как переживание, душевное волнение (франц. – emotion – волнение, от лат. еmoveo – «потрясаю», «волную»), это естественная реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющая ярко выраженную субъективную окраску, охватывающая все виды перцепциса. Популярный американский психофизиолог К.Изард, например, к фундаментальным эмоциям относит: 1) интерес-волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вину. Изард указывает на возможность подразделять эмоции на положительные или отрицательные на основе психофизиологических особенностей их переживания и перцептивных характеристик [2].

В современной эмотиологии существует множество классификаций эмоций. Эмоциональные концепты могут быть спроецированы на следующие сферы: 1) на сферу языковой репрезентации; 2) на сферу языкового сознания; 3) на сферу дискурса. По определению З.Д.Поповой, И.А.Стернина, «национальная специфика концептов проявляется в двух аспектах: национальные различия в содержании универсальных концептов и наличие несовпадающих» (сугубо национальных) концептов (например, бозер "печень", моң "мелодия, песня" – курсив наш) в концептосфере конкретного народа [3].

Вслед за И.А.Красавским, эмоциональный концепт мы трактуем как этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое лексически или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя образ, оценку и культурную ценность. Под эмоциоконцептосферой следует понимать совокупность эмоциональных концептов. Необходимо отметить также о том, что эмоции по сути есть особая форма познания и отражения действительности, который достигается благодаря эмоциональной языковой картины мира — определенное множество эмоционально «проработанных» человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом — перцептивных образов, исходящих из окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений, оязыковленных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» [4].

Башкирская перцептивная паремиология как объект исследования нами выбрана не случайно: взаимодействие языка и культуры, эмоциональный опыт народа, его чувственное восприятие

типографии Академии наук в Санкт-Петербурге. Объем «Сочинения» составляет 68 страниц, в приложении дан словарь. М.Р. Федотов отмечает, что «создатели этой грамматики в чувашском языке выделяют восемь частей речи, после каждой дается словарный материал: после имени существительного до 700 (с. 13-34), прилагательных – 140 (с. 35-39), числительных – 23 (с. 40-41), местоимений – 16 (с. 41-47), глаголов – до 350 (с. 52-62), наречий – 138 (с. 62-67), междометий – 13 (с. 67), предлогов – 22 (с. 67-68) словарных слов. Всего, таким образом, насчитывается до 1400 лексических единиц» [Федотов: 2000, 26]. В «Сочинениях», конечно, было немало неточностей (о двух склонениях существительных, ошибки в классификации частей речи, присоединение русских окончаний — вий, — ий к чувашским словам (мамыклый «пуховый», тилий «писий», сюллий «высокий») и др. Автор отмечает, что многие ошибки связаны с перенесением русского шаблона на чувашскую грамматику. В словарной части «Сочинений» современные исследователи найдут немало архаизмов, например: хось (крест), хыйчики (светец), чопкань (почтарь), тюря (судья) и др. По мнению В.Г. Егорова, «Выход в свет первой отечественной чувашской грамматики был событием в научном мире. Этой книгой в XVIII-XIX вв. пользовались выдающиеся лингвисты и историки. Например, историк Шлёцер писал, что он, прочитав «Сочинения», окончательно убедился в том, что чувашский язык представляет одно из татарских, а не финских наречий» [Егоров: 1951, 85].

Появление словарей имело большое значение в развитии, систематизации и изучении чувашского языка. На основе изучения трудов многих исследователей М.Р. Федотов утверждает, что в 80-х годах XVIII века появились чувашские словари и было введено преподавание чувашского, татарского, мордовского, марийского языков в качестве учебных предметов в Нижегородской духовной семинарии – все это происходило под руководством Дамаскина. Дамаскин – монашеская фамилия Димитрия Семенова, уроженца Калужской губернии. С 1752 по 1761 год он обучался в Московской славяно-греко-латинской академии, по окончании которой получил новую фамилию – Руднев, Шесть лет работал в Гёттингенском университете. По возвращении в Россию в 1772 году был назначен префектом и профессором Московской славяно-греко-латинской академии, а в 1778 году – ректором. С 1783 по 1794 гг. руководил Нижегородской епархией, где «под присмотром преосвященного Дамаскина» священниками и семинаристами, владеющими татарским, чувашским, мордовским, марийским языками, был составлен «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих». Известный ученый В.Г. Егоров отмечал, то «по количеству слов ни одно из чувашских изданий ни до этого, ни после этого ... времени не может конкурировать с Нижегородским словарем. Здесь русских слов содержится 11115, из них сотни две остались без перевода на чувашский язык» [Егоров: 1949,12]. В «Словарь» включены слова из речи верховых чувашей. Изданный в 1785 году, по мнению ученых, представляет несомненный интерес как памятник языка.

Первого инспектора чувашских школ Казанского учебного округа Н.И. Золотницкого академик М.Р. Федотов называет крупным деятелем дореволюционного чувашского языкознания. Положительными в его деятельности считает работу по просвещению чувашей путем открытия школ, издание книг на чувашском языке, улучшение переводческого дела. Работу Н.И. Золотницкого «Заметки для ознакомления с чувашским наречием» (Вып. 1. Отдел звуковой. – Казань, 1871) ученые считают первой отечественной научной фонетикой чувашского языка: он первый обратил внимание на закон созвучия или гармонии гласных. «Корневой чувашско-русский словарь» Н.И. Золотницкого, содержащий до 1900 корневых слов, выходит далеко за пределы чувашского языка и охватывает уральские и алтайские языки. В этом отношении словарь можно назвать первым историко-этимологическим словарем чувашского языка» [Федотов: 2000, 54]. Хотя он не лишен недостатков, по словам Н.И. Ашмарина, до сих пор остается «единственным сколько-нибудь сносным чувашским словарем» [Ашмарин: 1898, 26]. 22 приложения к «Корневому словарю» представляют для историков, этнографов, фольклористов, языковедов большую ценность.

Исследование Н.И. Золотницкого «Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Из лекций в Казанском миссионерском институте» получило всеобщее признание. Здесь описано 19 случаев подобных фонетических явлений. М.Р. Федотов отмечает положительные стороны и некоторые спорные моменты в этой работе.

Литература

Егоров В.Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник І. – М.; Л.1951. Егоров В.Г. Чувашские словари XVIII века // Ученые записки ЧНИИ, ІІ. – Чебоксары, 1949. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Просвещение, 1972. Корифей чувашской тюркологии М.Р. Федотов / Под ред. Л.П. Куракова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000.

Терехова Ольга Павловна (г. Чебоксары)

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ М.Р. ФЕДОТОВА

В изучении чувашского языка большое значение имеет знание историографии чувашского языкознания. В решении этой проблемы большую помощь оказывают научные труды академика М.Р. Федотова, в первую очередь, изданная в 1987 году его книга «Исследователи чувашского языка». Второе, дополненное, издание этой книги вышло в 2000 году. В предисловии данного издания отмечается: «Первое издание биографического справочника служило ценным учебным пособием и оказало большую помощь преподавателям и студентам вузов гуманитарного направления при изучении истории развития чувашского языка, вместе с тем явилось полезным справочником для учителей и всех лиц, интересующихся историей тюркского и чувашского языкознания» [Федотов: 2000, 1]. В сборник включены материалы, освещающие деятельность исследователей, которые получили мировую известность на ниве познания истории чувашского языка. «Многие имена исследователей прошлого века возвращены в науку,- подчеркивает Н.И. Егоров, - а ряд иностранных исследователей был известен только узкому кругу специалистов. Стараниями Михаила Романовича все исследователи чувашского языка XVIII-XX веков были собраны воедино, их имена возвращены благодарному чувашскому народу и заняли свое достойное место в многовековой истории чувашского языкознания» [Сб. «Корифей»: 1999, 68].

В очерке материал распределен и помещен в хронологической последовательности: в зависимости от того времени, когда жил и занимался исследовательской деятельностью тот или иной ученый, и охватывает этот период, по словам М.Р. Федотов, два с половиной столетия. Истоком историографии автор считает 1730 год - дату выхода в свет книгу шведского ученого Ф.И. Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии».

Пособие-справочник по содержанию очень богатый, автором использованы самые разнообразные источники и литература, особую ценность представляют те редкие материалы, которые были не доступны широкому читателю, а теперь, благодаря этой книге, они стали достоянием для всех, кто занимается изучением истории тюркского и чувашского языкознания. Статьи в пособии имеют одинаковую структуру: вначале рассматриваются биографические сведения, данные о жизненном и творческом пути исследователя, затем дается анализ его основных трудов, связанных непосредственно с чувашским языкознанием.

Академик М.Р. Федотов подчеркивает, что «Зарождение науки о чувашском языке непосредственно связано с именем шведского ученого Ф.И. Страленберга (Табберта). Пленный офицер шведской армии Карла XII в 1711 году был сослан в Тобольск, где он пробыл двенадцать лет. Результатом многолетних занятий Ф.И. Страленберга явилась его книга «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia» («Северная и Восточная части Европы и Азии»), которую он опубликовал по возвращении в Стокгольм в 1730 году» [Федотов: 2000, 17]. Исследователь А.Н. Кононов считает, что это была «первая классификация уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков, на основании которых позднее возникла урало-алтайская теория языковой общности» [Кононов: 1972, 52].

Большую ценность для исследователей представляет приложение к вышеназванной работе, в котором Ф.И. Страленберг для сравнения и сопоставления из разных языков дал сводную таблицу имен числительных и существительных. Из чувашского языка приведено 28 слов, из них числительные — от 1 до 10 и 18 существительных: скамейка, окно, хлеб, рука, сердце, глаз, дом, голова, нос, волосы, день, вечер и т.п. На 347 странице ученые нашли еще одно чувашское слово Тор (бог).

М.Р. Федотов отмечает, что некоторые слова в этой книге сильно искажены и хотя приведенные чувашские слова особой ценности не представляют, но эти примеры автору дали возможность и основание включить чувашский язык в группу тюркских языков. «Если принять во внимание, – пишет он, – что книга Ф.И. Страленберга была переведена на английский (1738), французский (1757), испанский (1780) языки, то станет очевидным, что чувашский язык с середины XVIII века уже был вовлечен в орбиту европейского языкознания» [Федотов: 2000, 19].

Для истории чувашского языка XVIII века академик М.Р. Федотов считает характерным памятник – «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», который вошел в историю как первая печатная грамматика чувашского языка. В составлении грамматики приняли участие семинаристы-чуваши Казанской духовной семинарии, руководил работой архиепископ казанский и свияжский Вениамин (Василий Григорьевич Пуцек-Григорович) (1706-1785). Известно, что эта грамматика была издана в 1769 году в

концептуального мира особо ярко прослеживается в репрезентах-эмотивах, являющихся неотъемлемым компонентом пословиц и поговорок. Высокий статус пословиц объясняется их познавательной и художественной ценностью, ибо в пословичных суждениях отражаются художественно-обобщенный и житейский опыт многих поколений, их мировоззрение, нравственные и эстетические идеалы, характер оценки жизненных явлений, поведенческих норм людей [5].

Фактическим материалом для нашего исследования стали перцептивные пословицы, включенные в "Башҡорт халыҡ мәҡәлдәре" (Уфа, 1960, составитель и автор предисловия проф. А.Н.Киреев), "Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов" (Уфа, 2001, составитель проф. Ф.А.Надршина).

В данной работе использовался один из распространенных в лингвокультурологии способов при изучении эмоциональной концептосферы языка — описание языковых явлений в терминах ядра и периферии, как указывает лингвокогнитолог И.А.Стернин, ядро концепта составляет его базовый слой.... Кроме ядра, концепт содержит также объемное интерпретационное поле, которое образует его периферию. К периферийным признакам относятся менее значимые и более абстрактные признаки, характеризующиеся вариативностью [6].

В указанных нами сборниках башкирских пословиц к эмоциональной концептосфере мы отнесли 76 перцептивных паремий с различными эмоциональными концептами, большинство которых составляет ядерные концепты: "кайғы" – "горе"; "йән" – "душа"; "күңел", "эс", "йөрәк" – "сердце"; "куркыу" – "страх"; "шатлык" – "радость"; "һағыш" – "тоска". Анализ показывает: наиболее употребительными в составе пословиц следует считать эмоциональные концепты "кайғы", "горе" (18 пословиц); "йән" "душа" (17) и "күңел" "сердце" (в значении внутренней мир человека"). Менее употребительными концептами оказались "бәхет" "счастье"; "һағыш" "тоска"; "куркыу" "страх". Примеры:

"Кайғы ағас башынан йөрөмәй, әЗәм башынан йөрөй" "Горе заставит, бык соловьем запоет". "Кайғынан курккан, шатлык күрмәгән" "Горя бояться — счастья не видать. "Атым юк аранда, кайғым юк буранда" "Ни дров, ни лучины, живу без кручины". "Кеше кайғыны төштән нуң". "Чужое горе не болит". "Тәме барЗың йәне бар". "Где красота, там и душа". "Якшы нүЗ йәнгә рәхәт, яман нүЗ йәнгә йәрәхәт". "Ласковое слово лечит, злое - колечит" и др.

В башкирской лингвокультурологии концепты "күңел", "бэгер", "эс", "йөрэк", как и в других тюркских языках, имеет общую семантику, данная эмосема репрезентирует внутренний мир, психическое состояние субъекта. Концепты "күңел", "бэгер", на наш взгляд, являются феноменами для определения национальной специфичности тюркоязычных концептов, которые не имеют своих эквивалентов, например, в славянских языках. Таковым следует отнести и концепт "моң", который репрезентируется значениями "мелодия", "внутренний мир человека" в башкирской, татарской концептосфере.

Например: "Кеше кауын түгел, эсен ярып карап булмай". "В чужой душе — не вода в ковше, не разгядишь сразу". "Кү \mathfrak{Z} күрмәй, күңел ышанмай". "Не увидешь, не поверишь душой". Таким образом, синонимичные и равнозначные эмосемы "күңел", "бәғер", "йән", "эс", "ү \mathfrak{Z} әк", " йөрәк", "моң" в русской лингвокультуре репрезентирует психическое состояние субъекта в значении "душа", "сердце".

Как уже нами отмечено, наиболее употребительным эмоциональным концептом оказался репрезентант "кайғы". Например: "Кайғы кильә, иге з килә". "Беда не приходит одна". "Кайғыны зға йоко моң". "Беспечному сон слакдок". "Кайғы юкта кайғы булды кайнатамдың үлеме". "Не было печали, да черти накачали" и др. Подобное явление нами объясняется тем, что башкиры в течение многих веков вели неравную борьбу за свою свободу, за сохранение своей Отчизны – Урал. История знает десятки народных восстаний, междуусобиц с калмыцкими и казахскими племенами, которые приносили народу горе и тяготы. С такими историческими фактами, на наш взгляд, коррелируются пословицы с компонентами "куркыу" "страх", который противоставляется смелости, бесстрашию, патриотизму, свойственной башкирским джигатам черте.

Например: "Айыу Зан курккан — бүрөгә тарыған, дошмандан курккан — үлемгә тарыған". "Кто медведя боится — угодит волкам, врага бояться — смерти угодить". "Куркактың кү Зе дүрт була". "У страха глаза велики". "Куркак егет куй башынан да курка". "Боязливый джигит и головы овца боится".

Характерным для башкирской ЭКМ следует отнести концепт "йән", "душа", который является универсальным мифопоэтическим понятием, являющийся архетипическим символом, гештальтом в башкирском национально-культурном мироощущении.

Например: "Йәме бар зың йәне бар". "Где красота, там и душа". "Якшы күз йәнгә рәхәт, яман күз йәнгә йәрәхәт". "Ласковое слово лечит, злое - колечит". Как известно, концепт "йән" ("душа") в башкирской паремиологии репрезентирует разнообразное психическое состояние, внутренний мир человека:

- 1. соматическое состояние "Сыкмаган йәндә өмөт "бар". "Кайлы ерең ауыртла, йәнең шул ерзә".
- 2. состояние ожидания удач, надежды Йән биргәнгә йүн биргән.

Нередко в башкирской паремиологии сталкиваемся концептами, находившимися в бинарной оппозиции: шатлык – кайғы; шатлык – каза; бәхет – кайғы.

Например: "Кайғы – шатлык бергә йөрөй". "Где радость, там и горе". "Кайғынан курккан, шатлык күрмәгән". "Горя бояться – счастья не видать". "Бәхеттең кә**3**ерен □айғы килгәндә белерьең" "Не отведав горя, не познаешь и счастья".

Таким образом, паремии с компонентами базовых эмоциональных концептов отражают национальную специфику представления об эмоциях и чувствах, создают ЭКМ, в котором ярко отражаются внутренний мир человека, его психическое состояние, менталитет народа. Не полный анализ башкирской паремиологии еще раз подтверждает постулат акад. Д.С.Лихачева о том, что чем богаче культура нации, ее исторический и эмоциональный опыт, тем богаче концептосфера этноса. Изучение национальных языковых схем, образов, символов дает возможность увидеть пути и способы концептуализации объективного мира конкретным этносом, убедительно демонстрирует его мироощущение.

Литература

Зайнуллин М.В. К вопросу о теоретических проблемах современной башкирской лингвистики // В сб.: Башкирское филологическое образование: история, современность, перспективы. – Стерлитамак, 2007. – С. 11-15.

Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2003. – С. 29.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2002. – 75 с. Красавский И.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Минск-Волгоград, 2001. – 73 с.

Надршина Ф.А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов / Сост. Ф.А.Надршина. – Уфа: Китап, 2008. – 196 с.

Слова добро и зло, любовь к ближнему, духовность, милосердие, благодарность пришли к нам из сферы христианского мира. Что означает слово, без которого культурный человек никогда не обходится — «спасибо»? Спаси бог — тоже подарок православного христианства. Изречение «вера без дел мертва есть» — тоже из Писания. Разве оно противоречит разуму человека-атеиста? Разве мы не верим в успех дела, которое предпринимаем в согласии с самим собой, без понукания и принуждения? Духовность — это и есть Дело. Творчество.

Мы подошли к тому времени, когда нам понадобились слова Библия и Коран. Семь с лишним десятилетий, низводившие морально-этические устои учения, как христианства, так и других верований, не принесли народу духовной свободы. Если нет конкуренции, если нет множественности в решении одной и той же проблемы, если нет оппонентов, в политической жизни страны рождается вождизм и диктатура. Какой «расцвет» духовности может она принести, нам всем хорошо известно, а старшее поколение ощутило это время всем телом и душой».

Вот какой вывод делает академик М.Р. Федотов по этому поводу.

«В общем, подлинной художественной литературы о жизни чуваша, его делах на уровне понимаемого им окружающего мира не было. Была литература, продолжительность жизни которой отмеривалась от даты принятия одного постановления до появления другого. На всей этой литературе красовался штамп-отпечаток тени власти, диктующей как писать и о чем писать. Что касается поэзии, в ней господствовало неимоверное перенапряжение голосовых связок, серенькая рифмократия и любовь без любви.

Задача литературы, а шире — всей культуры, если хотите, та же, что и религиозного учения: служить добру, спасению души путем милосердия, благотворительности, просветительства. Именно художественное произведение, несущее в себе эти нравственные и духовные качества, никогда не забывается, передается из поколения в поколение. Думаю и по себе знаю, что художественный образ, проповедующий любовь к отцу и матери, друг к другу и окружающему нас обществу, а если выразиться высоким слогом — к человеку-Богу, был и остаётся смыслом истинной жизни. Но при всем этом самым важным будет свобода выбора темы для реализации художественного замысла. Это возможно лишь при подлинно духовной свободе».

Великих людей всегда волновали на первый взгляд какие-то «мелочи в жизни», по-другому говоря, маленькие пороки, изъяны человеческого сердца. И эти «мелочные вопросы» не могли не затрагивать академика М.Р. Федотова, он знал, что все эти «мелочи» приводят к большой беде, к равнодушию и духовной пустоте. Он обличает эти пороки, несмотря на «милосердие» властных структур и указывает правильный путь, что делать в таких ситуациях.

«На бесконечно задаваемый вопрос «что делать?» нам надобно обратить взор на проверенный тернистым путем истории вывод, что «без сокрушения каждого в отдельности человека не может быть подъема в народе».

Не может быть и речи о спасении самобытности чувашского или другого соседнего с нами народа, сохранении их культур, языков, если не будем признавать этого тезиса. Не Бог весть, какая оригинальная мысль, но, на мой взгляд, лишь просвещение может качественно менять облик народов, обуславливает направление движения их общего духовного состояния и только оно может гарантировать народам чувство национального самопознания, самосознания, самоопределения и, следовательно, самосохранения. Но, чтобы в эти чувства и духовный настрой не влилось национальное наваждение, необходимо очень серьезное и длительное воспитание, формирование облика молодого поколения, чтобы направить наши педагогические действия против духовного зла, противопоставив ему национальную к самому себе».

Исследуя духовные наследия академика М.Р. Федотова мы учимся жить в дружбе и согласии со всеми народами в многонациональном государстве, сохраняя свой родной язык, национальную культуру, народные традиции и самобытность чувашского этноса, как завещал нам наш Патриарх И.Я. Яковлев.

Каждый интеллигент, т.е. думающий человек, кому не безразлична судьба чувашского народа, должен начать с самого себя, ибо «без сокрушения каждого в отдельности человека не может быть подъема в народе».

Социально-философский анализ духовного наследия академика М.Р. Федотова и исследование его трудов способствует совершенствованию нравственных основ жизни и здоровья социума, а также сохранению его целостности.

Перечислим несколько его работ на духовные темы.

Яковлев И.Я. Чаваш халахне пана халал (Духовное завещание чувашскому народу), (1992).

Наша духовность. Мысли в разброс. // Лик Чувашии.(1994).

И снова о духовности. Мысли в разброс // Лик Чувашии. (1994).

И.Я. Яковлев – переводчик Библии // Лик Чувашии. (1994).

Народность и язык волжских булгар. К 1100-летию чувашской государственности // Исследователи чувашской культуры и истории. Уфа, (1998).

В своей статье «Наша духовность» академик пишет: «На повестке дня стоит несколько иной, по сравнению с привычным, и пока что непривычный вопрос: можно ли через национальное показать общечеловеческое? Действительность была такова, что ставить подобный вопрос политологу или литератору считалось весьма сомнительным делом. Попросту говоря, изображение жизни и деятельности чуваша в своих национальных рамках оценивалось как азбучное отражение натурализма или проявление примитивного литературного вкуса. Между тем чувашские народные устои перекликаются с общечеловеческими ценностями: «Ватта курсассан, пиччем тесе кала, самрака курсан, шаллам, тесе кала, сынна курсассан: сакар симе кер, тесе кала», т.е. если ты увидишь старика, зови его дядюшкой; если увидишь молодого человека, зови его младшим братом: если увидишь (постороннего) человека, пригласи его к себе поесть хлеба. (Н.И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. Симбирск, 1923, с. 270).

Приведенный фрагмент есть философское выражение смысла бытия человека, его познания самого себя, а отсюда и отношение его к другому человеку. Без преувеличения, это и есть гуманизм, признанный общечеловеческой ценностью».

Много учебных и методических пособий по изучению языков разработано академиком М.Р. Федотовым. Он описывает языковые взаимосвязи народов Поволжья и Урала с древнейших времен по настоящее время. Через языковые взаимосвязи он прослеживает культурные традиции, историю этих народов.

В своей статье «Значение наследия академика М.Р. Федотова в изучении духовной культуры народов Поволжья и Урала» я попытался рассмотреть— духовное наследие академика М.Р. Федотова в философском плане.

Многому мы можем научиться у него, читая его размышления о литературе, культуре и истории родного края. Академик пишет о том, что его больше всего волнует, что больше его беспокоит.

«Кому не хочется читать и наслаждаться хорошим стихом? Почему любой стих из «Нарспи» К.В. Иванова никогда не приедается?

Стих хорош тем, что он, перебирая струны нашей души, способен создавать определенный настрой, поглощающий и захватывающий нас какой-то внутренней эмоциональной силой. Такой стих, благодаря своему ритмическому и звуковому строю, стал овладевать человеческим духом, его переживаниями, всевозможными чувствами и настроениями.

Как долго и как много, аж до оскомины, писали наши учителя нравственности о воспитывающей роли литературы. Да, подлинная литература своим творческим огнем воспитывает гражданственность и патриотизм, естественный, идущий от одного поколения к другому как духовный дар и завещание. Но пока что идет отречение от собственной совести и создание идеологических икон для красного уголка».

В народе говорится: «Хур шамми тытан хур пулман, - тет». Кто держит в руках перо (грамотный), тот не даст себя в обиду (не ударит в грязь лицом, не осрамится).

В Евангелии от Матфея сказано: «Не может дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Это подтверждает в своих рассуждениях М.Р. Федотов. Вот его слова: «Обратимся к окружающей нас жизни хотя бы на простом бытовом уровне.

Вежливы ли мы друг с другом? Вежливость, разумеется, это не только слова «пожалуйста», «спасибо», хотя они внешне приятны, но даже этих слов сейчас почти не слышно в обиходе, на транспорте, в магазинах, на службе. Вежливость, без всяких претензий на ее научную дефиницию, — та духовная категория, которая выражает меру, цену межличностных отношений не только на прогулке по бульвару. Она по своей первозданной идее должна проявляться в производственной сфере, которая донельзя засорена всякой похабщиной и донельзя точно отражает уровень культуры всего духовно израненного общества. Откуда это грязное течение берет свое начало? Без социологических исследований ясно, что море сквернословия, похабщины в России никогда не мелело, но особенно быстро заполнилось оно в период расцвета ГУЛАГов на просторах советской империи.

Саргузина Диляра Зульфатовна (г. Казань)

РОБЕРТ МИҢНУЛЛИН ШИГЫРЬЛӘРЕНЕҢ РИТМИКАСЫ [РИТМИКА СТИХОВ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА]

Күренекле шагыйрь Роберт Миңнуллин әсәрләре мәгънә тирәнлеге, хисләр байлыгы белән генә түгел, ә ритмның табигыйлыгы, форма төзеклеге белән дә укучы игътибарын жәлеп итә. Шагыйрь ижатының әлеге үзенчәлеген тәнкыйтьче Р.Мостафин болай билгели: "Аңарда ритм сизгерлеге бик көчле. Ул ипле, жыйнак, тапкыр итеп яза." Тәкъдим ителгән мәкаләдә без Роберт Миңнуллин шигъриятенең ритмик үзенчәлекләренә күзәтү ясауны максат итеп куйдык.

Робер Миңнуллиннның күпчелек шигырыләре хәзерге поэзиядә киң кулланылган сигез дә жиде һәм ун да тугызлы үлчәмнәрендә язылган. Сигез дә жиде үлчәмендә цезура күбесенчә дүртенче яки өченче ижектән соң килә [Курбатов 2002: 169]. Роберт Миңнуллин ижатында сигез дә жиде үлчәменең бөтенләй цезурасыз төре аеруча актив кулланыла. Мисал өчен, "Гомер исәбе" шигырендә цезураның дүртенче ижектән соң килергә нияте бар, ләкин ул эзлекле түгел, шуңа күрә әсәрнең ритмик агымы аны күрми үтә:

 Озак еллар яшәсәк тә, ||
 8

 Гомер озын дисәк тә, ||
 7

 Гомерләрнең кәр сәгате, ||
 8

 Һәр минуты исәптә. ||
 7

Сигез дә жиде үлчәме татар халык жырларында һәм шагыйрыләрнең жыр текстларында үзәк урынны тота [Курбатов 1955: 99]. Р.Миңнуллинның популяр жырларга әйләнгән күп кенә шигырыләре ("Агыйдел кызы", "Гомерләр үтә икән ул", "Кунак кызы", "Буран дулый", "Каеннар арасында", "Әнкәмнең догалары") сигез дә жиде үлчәменә корылган.

"Алар мине ташламас..." шигыре дүртенче ижектән соң цезуралы 8 дә 7 үлчәме белән язылган. Бары тик дүртенче строфаның өченче тезмәсендә генә цезура, бишенче ижектән соң килеп, үзенең урынын үзгәртә. Шигырьнең ритмы белән бәйле тагын бер күренеш игътибарны жәлеп итә: өченче строфада интонацион яктан бербөтен тәшкил иткән Aй һәм Kояш сүзтезмәсен автор ике юл арасында тарката:

 Мин, мөгаен, | Ай-Кояшның ||
 8

 Туганыдыр, | улыдыр... ||
 7

 Шуңа күрә | жаным Ай нәм ||
 8

 Кояш белән | түлыдыр. ||
 7

Мондый **сүз атлату** [Курбатов 1955: 101] алымы (enjambement – термин 1562 нче елда француз шагыйре Пьер де Ронсар тарафыннан кертелә; синонимы – синафия [Москвин 2007: 548]) тезмәнең артык озын, ягъни шигырьнең 8 дә 7 үлчәменә туры килмәве аркасында түгел, бәлки *Ай* һәм *Кояш* сузләренә аерым игътибар иттеру өчен кулланылган.

8 дә 7 үлчәме белән язылган "Учак монологы" шигыренең икенче һәм соңгы строфаларында Р.Миңнуллин бер тезмәне ике юлга бүлү алымына мөрәжәгать итә. Шул рәвешле, шагыйрь әсәрнең гомум рухын, төп фикерен билгели торган сүзләрне (Θ мин – учак!) аерып күрсәтә, аларның тәэсир көчен арттыра:

 Ә мин – учак!
 4

 Сүндерергә
 4

 Теләсәгез, өрегез!
 8

 Ләкин ялгышканыгызны
 8

 Аңлар өргән берегез.
 7

10 да 9 үлчәме цезураны, гадәттә, алтынчы яки дүртенче hәм алтынчы ижекләрдән соң кабул итә [Курбатов 1955: 98]. Р.Миңнуллинның ак халатлы япь-яшь кенә "кендек әбиләр"гә, аналарга, "Мәккәдән дә изге" урынга дан жырлаган "И изге йорт!" шигыре 10 да 9 үлчәме белән язылган. Цезура аерым тезмәләрдә — дүртенче, кайчак алтынчы ижекләрдән соң куела. Дүрт hәм алты ижекле ритмик төркемнәрнең чиратлашуында төгәл эзлеклелекнең булмавы катлаулы ритмик бизәк тудыра.

"Сигез дә сигез үлчәме – бүгенге татар поэзиясендә чагыштырмача сирәгрәк күренеш", – дип билгели галим Х.Курбатов. Әмма Р.Миңнуллин иҗатында әлеге үлчәм белән язылган шигырьләрне дә күпләп табарга мөмкин. Шагыйрьнең төрле темаларга багышланган "Ах, гафу ит!.., "Әткәм алмагачлары", "Сәер йөрәк", "Казан төне", "Шамун Фидаига", "Икмәккә мәдхия", "Кунакчылык" h.б. шигырьләре 8 дә 8 үлчәменә корылган. Автор еш кына бер тезмәдә цезура белән аерылган ритмик

төркемнәрне аерым юлларга чыгара. Роберт Миңнуллинның әлеге алымны уңышлы куллануын шигырь техникасының бер үзенчәлеге, автор осталыгы дип бәяләргә мөмкин. "Казан төне" шигыре моңа ачык мисал булып тора:

Нинди гаждеп | дөнья бу! || 5 + 3
НОк, төш түгел, |
Өн бу, өн бу. || 4
Кочагымда |- Казан төне... || 4 + 4
Әллә нинди | 4
Үзгә төн бу. || 4

Шигырь юлларының кыскарып, кинәт-кинәт бүленеп китүе әсәр эчтәлегенә өстәмә уйчанлық, сихрилек алып килә.

Сигез дә сигез үлчәмендә цезура дүртенче ижекнең азагына төшсә, дүрт тә дүрт үлчәме барлыкка килергә мөмкин [Курбатов 1955: 98]. Р.Миңнуллин ижатында саф дүрт тә дүрт үлчәме белән язылган лирик шигырьләр күп түгел. Мисалга "Учак", "Көнбагышым", "Каурый болыт" h.б. шигырьләрне атарга мөмкин.

Силлабик шигырьдэ "ижекләрнең тезмәдә тигез микъдарда кабатлануы ритмга сизелерлек йогынты ясый. Әйтик, тезмәнең күләме, ижекләр саны күпмедер дәрәжәдә шигырьнең темпын билгели. Кыска юллы шигырь житезрәк, озын юллысы салмаграк була [Хатипов 2000: 51]. Р.Миңнуллинның балалар өчен язылган шигырьләренең күбесе 4 тә 4 үлчәменә корылган [Гафурова 2006: 20]. Сабыйлар психологиясен тирән аңлаучы шагыйрынең мондый үлчәмгә еш мөрәжәгать итүе очраклы түгел: кыска юллы житез, шаян шигырьләр балалар табигатенә күбрәк туры килә, андый әсәрләрне уку, кабул итү балаларга жиңелрәк була.

"Алтынга мактау", "Ашыгабыз", "Нигезләрне эзләп...", "Булыр! Булмый калмас!", "Имин булыр илләр!" кебек фәлсәфилек белән сугарылган шигырьләре өчен Р.Миңнуллин тигез, салмак агышлы 10 ла 10 улчәмен сайлый.

Цезура, бишенче ижектән соң килеп, 10 да 10 үлчәмле шигырыне аерым очракларда бишәр ижекле юлларга таркатырга мөмкин. Р.Миңнуллин кыска, үткер, кинаяле шигырыләрен ("Капка төбендә", "Каләм", "Чыныктыралар" н.б.) нәкъ менә 5 тә 5 үлчәменә сала. Шагыйры шулай ук күтәренке, дәртле хисләрне тасвирлаганда да 5 тә 5 үлчәменә мөрәжәгаты итә ("Әй бу күңелне", "Безнең йөрәкләр" h.б. шигырыләр). Балаларга багышланган шаян шигырыләрнең дә ("Дөньядагы иң зур алма", "Саттар дәү үскән!", "Жираф", "Мөгезле болыт", "Әби белән Нәби", "Мин дә катнаштым!", "Очасым килә", "Дер-дер куян") 5 тә 5 үлчәме белән язылуы – табигый күренеш.

Р.Миңнуллин ижатында 9 да 9 үлчэме сирэк кулланыла. Әлеге үлчэм белән "Килен төшкәндә", "Кайгырмыйк әле без!", "Виктор Хара монологы" h.б. шигырьләр язылган. "Виктор Хара монологы" ның төзелеше үзенчәлекле: 9 да 9 үлчэменә корылган шигырьнең тезмәләре өзек-өзек, "баскычлар"га бүленеп бирелгән. Бу — рухи халәтнең тетрәнүләрен, фажигане, дәһшәтне, көрәшне бөтен тулылыгында тасвирлау өчен, махсус кулланылган алым:

Кулымда –	3	
мең кыллы гитара,	6	
Жырымда – барысы, барысы	9	
Сантьяго.		3
Стадион.	3	
Биредэ —	3	
Атулар,	3	
асулар ярышы.	6	

Роберт Миңнуллин ижатында өчәр яки икешәр ижекле юллы балалар өчен язылган шигырыләр дә бар. "Сүз уйнату" дигән искәрмә бирелгән "Аяк тая тайгакта" шигыренең юллары бары тик ике ижектән генә тора. Тезмәдәге ижекләр саны икедән артып киткән очракта, шагыйрь үзенчәлекле график алымга мөрәжәгать итә: сүзнең бер ижеген бер юлда калдырып, икенчесен киләсе юлга күчерә:

Ярдэм Итми Бер таяк та, Ике Таяк,

ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА М. Р. ФЕДОТОВА В ИЗУЧЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Знакомясь наследием академика М.Р.Федотова поражаешься широкому диапазону его интересов. Один только краткий перечень его основных работ раскрывает ведущее направления в научном творчестве ученого. Это работы:

Изучение немецкого глагола в чувашской школе. (1957);

Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке. (1963);

Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1: Чувашско-марийские связи. (1965);

Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч.2. (1968);

Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар и финно-угров. (1979);

Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 1. (1980), Ч. 2. (1983), Ч. 3. (1986); Исследователи чувашского языка. (1987); Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. (1992);

Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. (1996); Этимологический словарь чувашского языка: В 2-х томах, (1996);

Как видно из этого перечня, академик М.Р. Федотов вступил на научное поприще с изучения немецкого языка в чувашской школе. Далее исследу-ются проблемы взаимодействия чувашского языка с арабским, персидским, тюркскими, финно-угорскими и шире — алтайскими языками. Эта работа продолжалась свыше 40 лет. Исследуя историю чувашского языка, Михаил Романович начинает работать над этимологией слов, составляет «Этимологический словарь чувашского языка».

Если работу академика М.Р.Федотова рассматривать поэтапно, можно условно разделить все его исследования на 3 периода.

1-ый период. Через исследование разных языков ученый приходит к выводу об их связи с родным, чувашским языком.

2-ой период. Основной его труд: «Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финноугорским языкам». Здесь чувашский язык рассматривается в историческом плане, начиная с древнетюркского этапа. Исследование включает историческую морфологию, синтаксис, а также современную чувашскую грамматику.

3-ий период. Чувашский язык исследуется в сравнении и во взаимосвязи с другими родственными и контактировавшими языками. Особое внимание уделяется происхождению чувашских слов, развитию их семантики. Крупица за крупицей собирается в одну копилку – сокровищницу премудрости – «Этимологический словарь чувашского языка».

Академик М.Р.Федотов показал путь, по которому следует идти. Он как бы говорит: «Я начал, показал путь, а вы продолжайте, дерзайте, идите дальше. Всем хватит работы, только не ленитесь... И вам раскроется взаимодействие, взаимная связь языков и культур разных народов в разные исторические эпохи. И вы убедитесь, что история чувашского народа, в какой то мере и есть история чувашского языка».

Духовное возрождение народа — необходимое условие его расцвета и материального благополучия. Знание языков позволяет познать культуру, мудрость народов — его носителей. Воспользоваться этой мудростью, тем самым, приумножая общую копилку мудрости нашего огромного многонационального государства и всего мира.

Эта благодарная мысль явно или подспудно высказывается во всех многочисленных трудах М.Р. Федотова. Они вселяют в наши души чувство гордости, что мы – чувашская нация, потомки волжских булгар, являемся частицей многонациональной великой родины.

О том, каких вершин достиг академик М.Р. Федотов в исследовании истории чувашского языка и алтайских языков, много сказано и написано сведущими специалистами — учеными тюркологами и алтаистами. Но нам хотелось бы поразмышлять о духовном наследии академика.

В последнее время на конференциях и в СМИ с беспокойством говорят об оскудении духовной культуры людей, о том, что у молодежи проявляется неуважение, безразличие к близким людям и родным, жестокое отношение к животным и к окружающей среде.

Особую остроту приобретает рассматриваемая проблема для многонациональной России и всего постсоветского пространства, в том числе и для Чувашского края.

фонетическом отношении абсолютное большинство из них в воспринимающих языках адаптировались в соответствии с фонетическим «законом» своего национального языка.

В лексико-семантическом плане они относятся к хозяйственно-бытовой сфере и обозначают такие понятия как:

- 1. Хозяйственные строения, их детали: овин, вакзал, лавка, баня, очаг, вьюшка, брус, таган, чердак, чулан, крест, церковь, лавка «магазин», палатка, табор, балаган, драница и др.
- 2. Домашнюю утварь, посуду и предметы быта: бочка, чан, чарка, сундук, лагун, ларь, мешок, косилка, наструк, насос, бурак, тарелка, туесок, утюг, щётка, мочалка, палас, портрет, пряжка, штоф, смола и др.
- 3. Предметов торговли и обмена, меры веса, пространства: базар, ярмарка, аршин, монета, четверть, весы, безмен, пай, пайда, полуштоф, изъян, товар, деньги, толк, калым, фунт (чув. кёренке), счёт и др.
- 4. Предметов сельскохозяйственного производства, продуктов питания, названий растений и др.: *скирда, стог (кабан обл.), сусло, блины, пар (паровое поле), мята, соа, дубец, таволга, табак* и др.

Среди так называемых русизмов имеются такие, которые в древнейшие периоды были заимствованы самим русским языком из каких-то тюркских и иных языков, но финно-угорскими языками они были заимствованы через посредство русского языка. Таковыми, по мнению ряда исследователей, являются, например, слова *сундук*, восходящий по происхождению к арабскому языку (См. Егоров ЭСЧЯ, 196, Räsänen EWb. 401 a, Федотов МИЭЧЯ 104); *сандал* (< араб.) (Егоров ЭСЧЯ 195-196, Räsänen EWb. 400 в); *изъян* (ср.: чув. *сиен* «ущерб, убыток; вред, недостаток, беда; тат. башк. *зыян* «тж.»; *башмак* (ср.: чув. *пушмак*, тат., башк. *башмак* (Räsänen EWb.65 a, Радл. сл. IV, 1539); *яр* «крутой обрывистый берег, большой глубокий овраг» (Фасмер ЭСРЯ IV, 559; Егоров ЭСЧЯ, 225, Räsänen EWb, 1886); *товар* (ср.: чув. *тавар*) «всё, что продаётся и покупается», тат., башк. *мал-туар* собир. «скот и птица». Последнее считается заимствованием из уйгурского языка «имущество, скот» (Фасмер ЭСРЯ IV, 67-68).

Опосредованными русскими заимствованиями в чувашском, татарском, башкирском и во всех финно-угорских языках Волго-Камья считаются также: *казна* (чув. *хысна* «налог», тат. *хэзинә* «казна, место, где хранятся сокровища, ценность, богатство, достояние», башк. *хазина* «клад, сокровище» (см. Фед. ЭСЧЯ II: 384); *тамга* «пятно, тавро, клеймо, печать» (Фед. ЭСЧЯ II: 246), *домра*, чув. *тат. думбра*, башк. *думбыра* «балалайка» (Фед. ЭСЧЯ II: 192), *тарелка*, чув. *тат. диал. тат. диал. диал. тат. диал. диал. диал*

В заключении следует особо подчеркнуть, что богатейший и обширный лексический материал, собранный и систематизированный в «Этимологическом словаре чувашского словаря» М.Р. Федотова, в будущем может быть использован учёными различных национальностей как источник при решении ряда спорных и слабо разработанных теоретических вопросов общего языкознания, таких как проблема языкового союза в регионах Поволжья и Приуралья, установления урало-алтайского языкового родства, а также до сих пор до конца нерешённой и спорной проблемы так называемых ностратических языков. Более ранние публикации М.Р. Федотова, посвященные взаимосвязям чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками также способствуют более полному выявлению общей лексики и общих особенностей их употребления и характера распространения в регионе Волго-Камья в целом.

Литература

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва: Наука, 1981.

Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в Волго-Камском языковом союзе. Автореферат дисс. докт. филол. наук. Казань, 1993.

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языка: фонетика и лексика. Москва: Наука, 1978.

Бутылов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Саранск, 2005.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1964.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола, 1989, 1993, 2001.

Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982.

Тараканов И.В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1983. С. 145-175.

Тараканов И.В. О булгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды / Чув. НИИ. Чебоксары 1980. Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. С. 127-136.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968.

Федотов М.Р. Чувашско-марийские взаимосвязи. Чебоксары, 1990.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Том 1. А – Ритван; Том II: Сав – яштака. Чебоксары, 1996.

Дурт та-

як та.

Роберт Миңнуллин тезмәнең күләме, шигырьнең эмоциональ яңгырашы һәм темпы, укучы психологиясе арасындагы бәйләнешле бик нечкә тоемлый, шуңа да шигырьнең яңгырашына, рухына туры килгән үлчәмне оста сайлап ала.

Шигырьнең ритмын саклау максатыннан, автор интонацион-синтаксик бербөтен тәшкил иткән сүзтезмәләрне төрле юлларга таркату — сүз атлату алымына мөрәҗәгать итә. Робер Миңнуллин шигырь техникасының бер үзенчәлеге — шигырьнең гомум ритмын саклап калып, бер тезмәне берничә юлга таркату. Әлеге алымны кулланып, шагыйрь мәгънәви яктан әһәмиятле сүзләргә укучы игътибарын махсус юнәлтә, шигырьнең тәэсир көчен, утемлелеген арттыра.

Р.Миңнуллин цезуралар системасын үстерүгө дә зур өлеш кертә. Әйтик, бер төрле цезура белән икенче цезураны чиратлаштыруда төгәл эзлеклелек саклауга омтылмау, катлаулы цезураларны куллану, huчшиксез, татар шигъриятен ритмик яктан төрлеләндерә hәм баета.

Әләбия

Гафурова Ф.А. Лингвистическая поэтика татарской детской поэзии (на примере творчества Ш.Галиева, Р.Валиевой, Р.Миннуллина). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 22 с.

Курбатов Х. Сүз сәнгате: Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. – Казан: Мәгариф, 2002. – 199 б.

Курбатов Х. Татар телендә шигырь ритмикасы // Совет әдәбияты, 1955. - №8.

Москвин В. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Изд. 3-е, испр. И доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940, [1] с.

Хатипов Ф.М. Әдәбият теориясе: Югары уку йортлары, педагогия училищелары, колледж студентлары өчен кулланма. – Казан: Мәгариф, 2000. – 351 б.

Статья посвящается изучению ритмических особенностей стихотворений известного татарского поэта Роберта Миннуллина. Анализ показал, что большинство стихотворений Р.Миннулина написано наиболее употребительными в татарской поэзии размерами восемь-семь и десять-девять. Автор также активно использует размер восемь-восемь, который в татарской поэзии употребляется сравнительно редко. Есть у Р.Миннуллина и детские стихотворения, написанные размерами три-три, два-два, которые привлекают внимание детей, легко запоминаются. Р.Миннуллин для подчеркивания особой значимости изображаемого явления мастерски использует приемы переноса и деления одного стиха на два и более, при этом четко сохраняя общий ритм стиха.

Сафина Эльвира Ирфатовна (г. Казань)

НАЗВАНИЯ ПТИЦ В ТАТАРСКИХ ТОПОНИМАХ И АНТРОПОНИМАХ

Названия птиц, формировавшиеся в течение столетий, являются одной из самых богатых и разнообразных лексических систем татарского языка. Следовательно, они легли в основу очень многих терминов, в том числе и ономастических. В данной статье рассмотрены некоторые гидронимы, ойконимы и антропонимы, в основе которых лежат названия птиц, т. е. орнитонимы.

Отметим, что в процессе сравнительно-исторического анализа и сопоставительного изучения в татарской орнитологической лексике нами были выделены тюрко-монгольские параллели, общетюркские, собственно татарские, заимствованные и калькированные названия птиц. А в татарской топонимии, и в частности, в топонимической системе Татарстана чаще встречаются термины, в основу которых были положены общетюркские названия птиц или же орнитонимы, имеющие тюрко-монгольские параллели. Это такие орнитонимы, как кош 'птица', карчыга 'ястреб', бъркет 'орел', шоћкар 'кречет', бокыр 'рябчик', торна 'журавль', кугорчен 'голубь', тургай 'жаворонок', эточ 'петух', урдок 'утка', тилгон 'коршун', козгын 'ворон', чыпчык 'воробей', књке, коккук 'кукушка', курко 'индюк', тартар 'коростель' и т.д.

Орнитоним *кош* 'птица', являющийся общим термином и обозначающий всех птиц очень редко встречается в составе топонимов. А вот зоологический термин *аккош* 'лебедь' (*ак* 'белый' + *кош* 'птица'), наоборот, является одним из самых популярных в топонимике Татарстана. К примеру, *Аккош књле* 'Лебяжье озеро' — название озера, расположенного к западу от города Казани, в Кировском районе. «Раньше эти места были очень укромными, тихими, и там обитали лебеди. Поэтому озеро получила название Лебединое, - пишет Ф.Г.Гарипова [Гарипова 1998, 400]. Оно состоит из трех озер — Малое Лебяжье, Большое Лебяжье, Среднее Лебяжье. Озер с таким названием можно встретить и в других районах-городах республики.

Нельзя не согласиться с Н.А.Баскаковым, который говорил, что «имена, связанные с фауной: животными, птицами – были широко распространены, причем, некоторые из них, возможно, в связи с тотемистическими древними пережитками пользовались особенными преимуществами» [Баскаков 1985, 74]. К примеру, орнитоним карчыга 'ястреб' издавна употреблялся как мужское имя. На основе данного названия хищной птицы зафиксированы такие мужские имена, как Карчыга, Тойгын 'белый ястреб', Торымпай, Сарыч 'ястреб' [Шайхулов 1983, 33; Саттаров 1990, 36]. Отметим, что орнитоним Тигитау, зафиксированный в древнетюркском памятнике М.Кашгарского «Дивану лугат-ит-тюрк» (ХІ в.), уже тогда употреблялся в качестве собственного имени [Махпиров 1980, 8]. Ср. также: др.-булг. Торымпай, Торынпай [Булатов 1971, 81].

Название птицы *беркут* раньше употреблялось как антропоним. Известно древнее тюркотатарское мужское имя *Бөркет* (Беркут), которое символизировало храбрость, силу, мужество и сохранилось в следующих фамилиях казанских татар и удмуртов: *Бөркетов, Бөркутов* [Саттар-Мулилле 1998, 70; Саттаров 1990, 35]. Кроме того, орнитоним *бъркет* лег в основу следующих микротопонимов и гидронимов: *Бөркет суы, Бөркет кулы, Бөркет буйы* [Гарипова 1984, 39; 1992, 33; 1993, 23], *Бөркет тавы, Бөркет елгасы, Бөркет чишмәсе* [Саттаров 1998, 265]. Как видно из примеров, все они являются сложными терминами, где первым компонентом является орнитоним, второй компонент указывает на топонимический (гидронимический) объект, выражающее общее понятие.

Исследуя орнитоним *шоћкар*, А.К.Тимергалин также отмечает, что древние тюрки считали этих птиц священными, приручали их и брали с собой на охоту, указывает на источники, из которых следует, что охота с соколами была распространена и среди татарских ханов. Автор также упоминает царя птиц Сонгур хана и улицу в городе Казани, которая раньше называлась *Шоңкарчылар урамы* 'Соколовая', что, безусловно, лишний раз свидетельствует о значении этих птиц для тюркских народов, и в частности для татар [Тимергалин 2003, 6]. Орнитоним лег в основу следующих топонимов: *Шоңкартау, Шоңкар тавы* (название горы), *Шоңкар елгасы* (название реки), *Шоңкар юлы* (название дороги) [Саттаров 1998, 269]. Кроме прямого значения 'сокол', лексема имела и метафорическое значение 'храбрый', 'сильный', 'зоркий', благодаря чему стала именем-пожеланием. Древнетюркский и древнетатарский антропонимы *Лачын* (*Лачин*), *Лачынбарс*, *Алчын* (*Лачын*) символизируют храбрость, силу, смелость. Отметим, что орнитоним *Лачын* 'сокол' как собственное имя употреблялся уже в XIV в. [Изысканный... 1978, 31, 191]. Распространившаяся у русских фамилия *Лачинов* произошла от слова *lačin*, встречающегося в литературном языке «тюркú», а также в татарском и некоторых других кыпчакских, тюркских языках в форме *lačyn* ~ *lašyn* в

Наше настоящее сообщение основано на анализе лексического материала вышеназванного словаря М.Р. Федотова. Мы поставили перед собой цель — выявить лексику общую для всех народов, издревле проживающих бок о бок в регионе Волго-Камья. Живя и развиваясь в одинаковых в социально-политических, хозяйственно-экономических условиях и, входя в состав одних и тех же государственных образований, — сначала Волжскую Булгарию, затем Золотую Орду, Казанского ханства и Российского государства, в жизни и деятельности контактирующих народов возникло много общего как в хозяйственно-бытовой и духовной жизни, так и в языке. Появлению общей лексики в языках и культурах разноязычных народов в данном регионе в какой-то мере способствовало, наверное, и общие географические и климатические условия обитания и, бузусловно, однотипная трудовая деятельность народов.

Ценность и уникальность рассматриваемого словаря состоит в том, что этимологические штудии М.Р. Федотова построены на широком и богатейшем лингвистическом материале, извлечённом из различных работ, ранее опубликованных преимущественно им самим и другими его предшественниками – исследователями тюркской семьи языков. Анализируя построение и структуры словарных статей, содержащихся в работе, поражаешься обширностью и разносторонностью параллельно привлекаемым материалом и приводимом автором в качестве иллюстративных примеров из самых различных родственных и неродственных языков. В частности, анализируя чувашское слово, восходящее к тюркским источникам, он иллюстрирует его примерами, взятыми не только из тюркской семьи языков, но и примерами из монгольских, тунгуско-маньчжурских или арабских и персидских языков. Если слово заимствовано чувашским языком из соседних финно-угорских или русского языков, то приводятся параллели из соответствующих финно-угорской и славянской семьи языков.

Словарные статьи в работе построены следующим образом: на первом месте ставится анализируемое слово, затем приводится его перевод на русский язык и иллюстративный пример в виде отдельного слова или целого предложения. В каждой словарной статье рассматриваются производные формы данного слова с соответствующими иллюстративными примерами.

В последнем абзаце приводятся фамилии авторов и сокращенные варианты названий их работ и указываются страницы.

Проведя общий количественный подсчет всех этимологизированных слов, включенных в словарь, мы обнаруживали следующее.

1. В двух томах рассматриваемого словаря по подсчетам самого автора содержится 3377 словарных статей, не включая производные образования. Наибольшее количество общих слов, безусловно составляют чувашские, татарские, башкирские слова, поскольку они относятся к тюркской семье языков, затем идут слова марийского происхождения.

В своей статье мы постарались показать, в каком соотношении находятся чувашские слова с удмуртским языком 5

Для всех контактирующих языках общими являются:

```
для чув., общенародного удм. языка – 57 для чув., удм. языка и его диалектов –62 для чув., удм., мар. яз. –175 для чув., удм., мар., морд. яз. – 34 для чув., удм., мар., коми яз. –12 для чув., удм., мар., коми яз. –5 для чув., удм., мар., морд., коми яз. –11 для чув., мар., коми яз. –14 для чув., удм., морд., коми яз. –2 для чув., удм., коми, венг. яз. –6 для чув., удм., мар., коми яз. –12 для чув., удм., мар., коми, рус., тат., башк. –130
```

В числе общих русских слов в некоторых языках, в частности, в татарском языке параллельные слова иногда отсутствуют. Например, русские заимствования *весы* и *книга* в татарском языке даны в национальной форме.

Поскольку точное количество общих слов, характерных для всех языков. контактирующих между собой в регионе Волго-Камья, определить весьма трудно, то в данном сообщении мы решили остановиться более подробно на анализе слов лишь русского происхождения. По нашим предварительным подсчётам в этимологический словарь М.Р. Федотова включено более 130 словарных единиц русского происхождения. В

⁵ Наши подсчеты носят лишь приблизительный характер